

История Клеопатры, царицы Египта. Творцы истории

Джейкоб Эббот

History of Cleopatra, Queen of Egypt

Jacob Abbott

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Клеопатры, царицы Египта

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Клеопатры, царицы Египта

Автор: Джейкоб Эббот

Дата выхода: 11 июля 2012 г. [Электронная книга № 40205]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КЛЕОПАТРЫ, ЦАРИЦЫ ЕГИПТА" ***

Электронная книга проекта Гутенберга "История Клеопатры, царицы Египта" Джейкоба Эбботта

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.
Посмотреть <http://archive.org/details/historyofcleopat00abbo>

ИСТОРИЯ КЛЕОПАТРЫ, ЦАРИЦЫ ЕГИПТА.

ДЖЕЙКОБ ЭББОТТ.

С гравюрами.

НЬЮ-ЙОРК:
ИЗДАТЕЛЬСТВО HARPER & BROTHERS, ИЗДАТЕЛИ.
1854.

Внесен, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот пятьдесят первом году фирмой "Харпер и братья" в канцелярию окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При выборе сюжетов для последующих томов этой серии автор стремился найти имена тех великих личностей, истории которых представляют собой полезные, а не просто занимательные знания. Есть определенные имена, которые известны всему человечеству как имена; и каждый человек, стремящийся к какой-либо степени умственного развития, испытывает желание ознакомиться с основными чертами их истории, чтобы он мог вкратце узнать, что именно в их характерах или их деяниях принесло им столь широкую известность. Это знание, которое, по-видимому, обязан получить каждый в отношении таких личностей, как Ганнибал, Александр, Цезарь, Клеопатра, Дарий, Ксеркс, Альфред, Вильгельм Завоеватель, королева Елизавета и Мария, королева Шотландии, цель и замысел этих томов - передать достоверно и в то же время, по возможности, привлекательным образом. Следовательно, выбраны только великие исторические имена; и целью писателя было представить выдающиеся и ведущие черты их характеров и все важные события в их жизни в смелой и свободной манере и в то же время простым языком, который, очевидно, необходим в произведениях, нацеленных на постоянную практическую пользу.

Содержание.

Глава	Страница
I. ДОЛИНА НИЛА	13
II. ПТОЛЕМЕИ	35
III. АЛЕКСАНДРИЯ	61
IV. ОТЕЦ КЛЕОПАТРЫ	87
Против ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ	112
VI. КЛЕОПАТРА И ЦЕЗАРЬ	132
VII. АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ВОЙНА	157
VIII. КЛЕОПАТРА - ЦАРИЦА	181
IX. БИТВА При ФИЛИППАХ	200
X. КЛЕОПАТРА И АНТОНИЙ	225
XI. БИТВА При АКЦИУМЕ	256
XII. КОНЕЦ КЛЕОПАТРЫ	286

ГРАВЮРЫ.

	Страница
КАРТА, МЕСТО ДЕЙСТВИЯ ИСТОРИИ КЛЕОПАТРЫ	<i>Фронтиспис.</i>
КАРТА, РЕГИОН БЕЗ ДОЖДЕЙ	21
КАРТА, ДЕЛЬТА НИЛА	29
ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	50
АНТОНИЙ ПЕРЕСЕКАЕТ ПУСТЫНЮ	107
КЛЕОПАТРА ВХОДИТ ВО ДВОРЕЦ ЦЕЗАРЯ	135
ВИД АЛЕКСАНДРИИ	162
СЕСТРА КЛЕОПАТРЫ В ТРИУМФАЛЬНОЙ ПРОЦЕССИИ	190
РАЗВЛЕЧЕНИЯ В ТАРСЕ	242
ПОДНЯТИЕ АНТОНИЯ К ВЕРХНЕМУ ОКНУ ГРОБНИЦЫ	303

КЛЕОПАТРА.

Глава I.

Долина Нила.

История Клеопатры - это история преступления. Это повествование о ходе и последствиях незаконной любви. В ее странной и романтической истории мы видим, как эта страсть изображается с наиболее полной и наглядной точностью во всех ее влияниях и эффектах; ее неконтролируемые порывы, ее опьяняющие радости, ее безрассудная и безумная карьера, а

также ужасные угрызения совести, окончательное отчаяние и разорение, которыми она всегда и неизбежно заканчивается.

Клеопатра по рождению была египтянкой; по происхождению она была гречанкой. Таким образом, в то время как Александрия и дельта Нила были ареной самых важных событий и происшествий в ее истории, в ее жилах текла македонская кровь. Ее характер и поступки отмечены гениальностью, смелостью, оригинальностью и импульсивностью, присущими роду, из которого она вышла. События ее истории, с другой стороны, и особый характер ее приключений, ее страданий и ее грехов определялись обстоятельствами, которыми она была окружена, и влиянием, оказанным на нее мягким и чувственным климатом, где разворачивались сцены ее ранней жизни.

Египет всегда считался физически самой замечательной страной на земном шаре. Это длинная и узкая долина зелени и плодородия, полностью изолированная от остального обитаемого мира. Фактически, он более изолирован, чем мог бы быть любой остров в буквальном смысле, поскольку пустыни более непроходимы, чем моря. Само существование Египта - самое экстраординарное явление. Если бы мы только могли воспарить на орлиных крыльях в воздух и взглянуть вниз на происходящее, чтобы понаблюдать за действием того грандиозного и в то же время простого процесса, посредством которого эта длинная и чудесная долина, изобилующая животным и растительным миром, была сформирована и ежегодно возрождается и обновляется среди окружающих пустошей тишины, запустения и смерти, мы бы взирали на нее с нескончаемым восхищением и удовольствием. У нас нет крыльев орла, но научные обобщения дают нам своего рода замену им. Длинный ряд терпеливых, тщательных и проницательных наблюдений, которые продолжаются вот уже две тысячи лет, приносят нам результаты, посредством которых, благодаря силе нашего ментального представления, мы можем провести всесторонний обзор всей сцены, аналогичный, в некоторых отношениях, тому, что дало бы нам прямое и действительное зрение, если бы мы могли взглянуть на нее сверху вниз с точки зрения орла. Однако несколько унижительно для нашей интеллектуальной гордости размышлять о том, что длительные философские изыскания и выученные научные изыскания в таком случае, в конце концов, в некотором смысле являются лишь своего рода заменой крыльев. Человеческий разум, соединенный с парой орлиных крыльев, разгадал бы тайну Египта за неделю; в то время как наука, философия и исследования, ограниченные поверхностью земли, были заняты этим в течение двадцати столетий.

Наконец выясняется, что как само существование Египта, так и его странная изоляция среди бескрайних пространств сухого и бесплодного песка зависят от некоторых замечательных результатов общих законов дождя. Вода, которая поглощается атмосферой с поверхности моря и суши в результате испарения, при определенных обстоятельствах снова выпадает в виде ливней, частота и обильность которых очень сильно различаются в разных частях земли. Как правило, вблизи экватора дожди идут гораздо чаще и обильнее, чем в странах с умеренным климатом, и по мере приближения к полюсам их становится все меньше и меньше. Естественно, этого следовало ожидать, поскольку под палящим солнцем экватора испарение воды неизбежно должно происходить с гораздо большей скоростью, чем в более холодных зонах, и вся вода, которая поглощается, должна, конечно, снова стекать вниз.

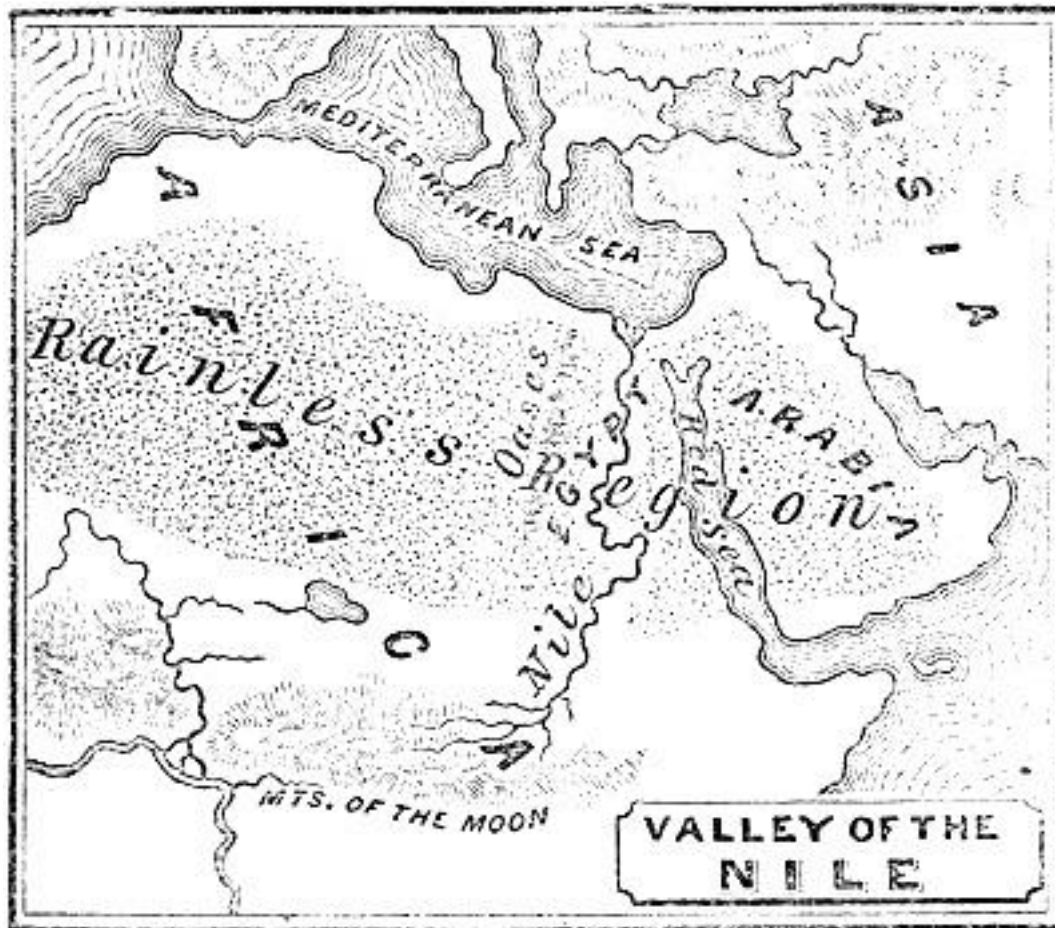
Однако количество выпадающего из атмосферы дождя определяется не только широтой региона, в котором происходит испарение; ибо условием, от которого в основном зависит выпадение обратно в виде дождя воды, поглощенной испарением, является охлаждение содержащего ее слоя атмосферы; и этот эффект достигается самыми различными способами, и для его изменения действует множество различных причин. Иногда пласт охлаждается за счет того, что его переносит через горные хребты; иногда за счет встречи с более холодными воздушными потоками и смешивания с ними; а иногда, опять же, за счет того, что ветры уносят его в сторону более высоких и, следовательно, более прохладных широт. С другой стороны, если воздух движется от холодных гор к теплым и солнечным равнинам, или от более высоких широт к более низким, или если среди различных потоков, в которые он попадает, он смешивается с воздухом, более теплым, чем он сам, его способность удерживать пары в растворе увеличивается, и, следовательно, вместо того, чтобы ослабить хватку воды, которой он уже обладает, он начинает жаждать еще. При таких обстоятельствах он движется над страной как теплый и иссушающий ветер. При обратном стечении обстоятельств образовался бы дрейфующий туман или, возможно, даже обильный ливень.

Из этих соображений будет очевидно, что частота ливней и количество осадков, которые будут выпадать в различных регионах, соответственно, которые представляет поверхность земли, должны зависеть от совокупного влияния многих причин, таких как теплота климата, близость и направление гор и морей, характер преобладающих ветров и отражающие свойства почвы. Установлено, что эти и другие подобные причины действительно приводят к огромной разнице в количестве осадков, выпадающих в разных регионах. В северной части Южной Америки, где суша со всех сторон омывается обширными тропическими морями, которые насыщают горячий и томительный воздух парами, и где могучие Кордильеры Анд вздымают свои ледяные вершины, чтобы охлаждать и снова осаждают пары, за год выпадает количество осадков высотой более десяти футов по вертикали. С другой стороны, в Санкт-Петербурге количество таких объектов, падающих таким образом за год, составляет немногим более одного фута. Огромный потоп, который извергается из облаков в Южной Америке, если бы вода оставалась там, куда она падает, полностью затопил бы страну. Как бы то ни было, стекая по долинам к морю, соединенные потоки образуют величайшую реку на земном шаре — Амазонку; и растительность, стимулируемая жарой и питаемая обильными и непрерывными запасами влаги, становится такой густой и нагружает землю такой спутанной массой стволов, стеблей, вьющихся венков и виноградных лоз, что человек почти исключается из поля зрения. Бескрайние леса превращаются в обширные и почти непроходимые джунгли, предоставленные диким зверям, ядовитым рептилиям и огромным и свирепым хищным птицам.

Конечно, район Санкт-Петербурга с его ледяной зимой, низким и бессильным солнцем и двенадцатью дюймами осадков в год обязательно должен представлять во всех своих явлениях растительной и животной жизни разительный контраст с буйным изобилием Новой Гренады. Однако, в конце концов, это не совсем противоположная крайность. На поверхности земли есть определенные регионы, в которых на самом деле нет дождей; и именно они представляют нам истинный контраст с пышной растительностью и бурной жизнью страны Амазонки. В этих регионах без дождей неизбежно царят тишина, запустение и смерть. Ни одно растение не может расти; ни одно животное не может жить. Человек тоже навсегда и безнадежно исключен. Если буйное изобилие животной и растительной жизни в какой-то мере отгораживает его от регионов, которые избыток тепла и влаги делает слишком плодородными, то полное их отсутствие еще более эффективно лишает его дома в этих регионах. Таким образом, они

превращаются в обширные пустоши сухих и бесплодных песков, в которых ни один корень не может найти пропитания, и унылых скал, к которым не может прилепиться даже лишайник.

Самый обширный и замечательный регион без дождей на земле - это обширная территория, простирающаяся через внутренние районы и северную часть Африки, а также юго-западную часть Азии. Красное море проникает в этот участок с юга и, таким образом, нарушает очертания и непрерывность его формы, не изменяя, однако, существенно его характера. Однако оно разделяет его, и разным частям, которые образует это разделение, были даны разные названия. Азиатская часть называется Arabia Deserta; африканский трактат получил название Сахары; в то время как между этими двумя районами, по соседству с Египтом, бесплодная область называется просто *пустыней*. Однако весь трактат отмечен на всем протяжении одним всеобъемлющим признаком: отсутствием растительной и, следовательно, животной жизни из-за отсутствия дождей. Возвышение гряды высоких гор в центре его, вызывающее выпадение влаги из воздуха, вероятно, превратило бы всю обширную пустыню в такой же зеленый, плодородный и густонаселенный регион, как любой другой на земном шаре.

Как бы то ни было, таких гор нет. Вся местность почти ровная и так мало возвышается над морем, что на расстоянии многих сотен миль в глубине страны суша поднимается лишь на высоту нескольких сотен футов над поверхностью Средиземного моря; тогда как в Новой

Гренаде, менее чем в ста милях от моря, цепь Анд поднимается на высоту от десяти до пятнадцати тысяч футов. Такой подъем, как несколько сотен футов на протяжении сотен миль, был бы совершенно незаметен при любом обычном способе наблюдения; и, соответственно, огромная безводная область Африки и Азии представляет собой, как она представляется путешественнику, одну обширную равнину шириной в тысячу миль и длиной в пять тысяч миль, с единственным значительным перерывом в мертвом однообразии, которое, за этим исключением, повсюду царит на необъятном пространстве тишины и уединения. Единственный период плодородия и жизни - это долина Нила.

Однако на самом деле существует три прерывания непрерывности этой равнины, хотя только одно из них представляет собой сколько-нибудь существенное нарушение ее бесплодия. Все они представляют собой долины, простирающиеся с севера на юг и лежащие бок о бок. Самая восточная из этих долин настолько глубока, что воды океана впадают в нее с юга, образуя длинный и узкий залив, называемый Красным морем. Поскольку этот залив свободно сообщается с океаном, его уровень всегда почти одинаков, а поскольку испарения из него недостаточно для образования дождя, он даже не удобряет свои собственные берега. Его присутствие, правда, разнообразит унылый пейзаж, предоставляя нам возможность любоваться бурлящими водами вместо движущихся песков; но это все. За исключением зрелища английского парохода, проходящего через утомительные промежутки времени над его унылыми просторами, и нескольких заплесневелых развалин древних городов на его восточном берегу, здесь почти нет признаков жизни. Поэтому он очень мало делает для того, чтобы смягчить монотонный аспект одиночества и запустения, который царит в регионе, в который он вторгся.

Самая западная из трех долин, о которых мы упоминали, представляет собой лишь небольшое углубление на поверхности суши, отмеченное линией оазисов. Впадина недостаточна для впуска вод Средиземного моря, и ни в одной части долины, которую она образует, нет дождей, достаточных для того, чтобы превратить ее в русло ручья. Однако тут и там, в нескольких местах, из-под земли бьют родники и, просачиваясь сквозь пески вдоль долины, дают плодородие небольшим долам, длинным и узким, которые по контрасту с окружающей пустошью кажутся путешественнику зеленым и красотой Рая. Вдоль этой западной впадины тянется линия таких оазисов, и некоторые из них имеют значительную протяженность. Оазис Сивех, на территории которого стоял широко известный храм Юпитера Амона, простирался на много миль, и, как говорили, в древние времена в нем проживало восемь тысяч душ. Таким образом, в то время как самая восточная из трех названных нами долин была погружена так низко, что позволяла океану свободно вливаться в нее, самая западная была настолько слегка понижена, что получала лишь ограниченное плодородие благодаря источникам, которые в самых низких ее частях сочились из-под земли. Теперь остается описать третью долину — центральную.

Читатель заметит, еще раз обратившись к карте, что к югу от огромной области без дождей, о которой мы говорим, в Абиссинии лежат группы и хребты гор, называемые Горами Луны. Эти горы находятся недалеко от экватора, и связь, которую они поддерживают с окружающими морями и с ветровыми течениями, дующими в этой части света, такова, что они обрушивают из атмосферы, особенно в определенные сезоны года, обширные и непрерывные потоки дождя. Падающая таким образом вода заливают склоны гор и затопляет долины. Существует большая его часть, которая не может течь на юг или восток, к морю, поскольку вся страна в этих направлениях состоит из сплошных участков возвышенности. Поток воды, таким образом,

поворачивает на север и, продвигаясь через пустыню через большую центральную долину, о которой мы упоминали выше, находит, наконец, выход в Средиземное море, в точке, удаленной на две тысячи миль от того места, где огромный конденсатор черпал ее с небес. Созданная таким образом река - это Нил. Одним словом, он образован избыточными водами района, затопленного дождями, в их движении по безводной пустыне в поисках моря.

Если бы избыток воды в абиссинских горах был постоянным и равномерным, поток, пересекая пустыню, принес бы очень мало плодородия бесплодным пескам, которые он пересекал. Ближайшие берега реки, возможно, были бы окаймлены зеленью, но влияние орошения распространилось бы не дальше, чем могла бы достичь сама вода, просачиваясь через песок. Но поток воды, таким образом, не является равномерным и устойчивым. В определенное время года дожди идут непрерывно, и они льют с таким изобилием, что почти затопляют районы, где они выпадают. Огромные потоки стекают со склонов гор; долины затоплены; равнины превращаются в болота, а болота - в озера. Одним словом, страна оказывается наполовину затопленной, и скопившиеся массы воды устремились бы с огромной силой вниз по центральной долине пустыни, которая образует их единственный выход, если бы пролив был узким и если бы он делал сколько-нибудь значительный спуск в своем русле к морю. Она, однако, не узкая, и спуск очень небольшой. Впадина на поверхности пустыни, по которой течет вода, имеет ширину от пяти до десяти миль, и, хотя от района дождей через пустыню до моря почти две тысячи миль, местность на всем протяжении почти ровная. Спуск достаточен, особенно на протяжении последней тысячи миль, только для того, чтобы определить очень слабое течение ручья на север.

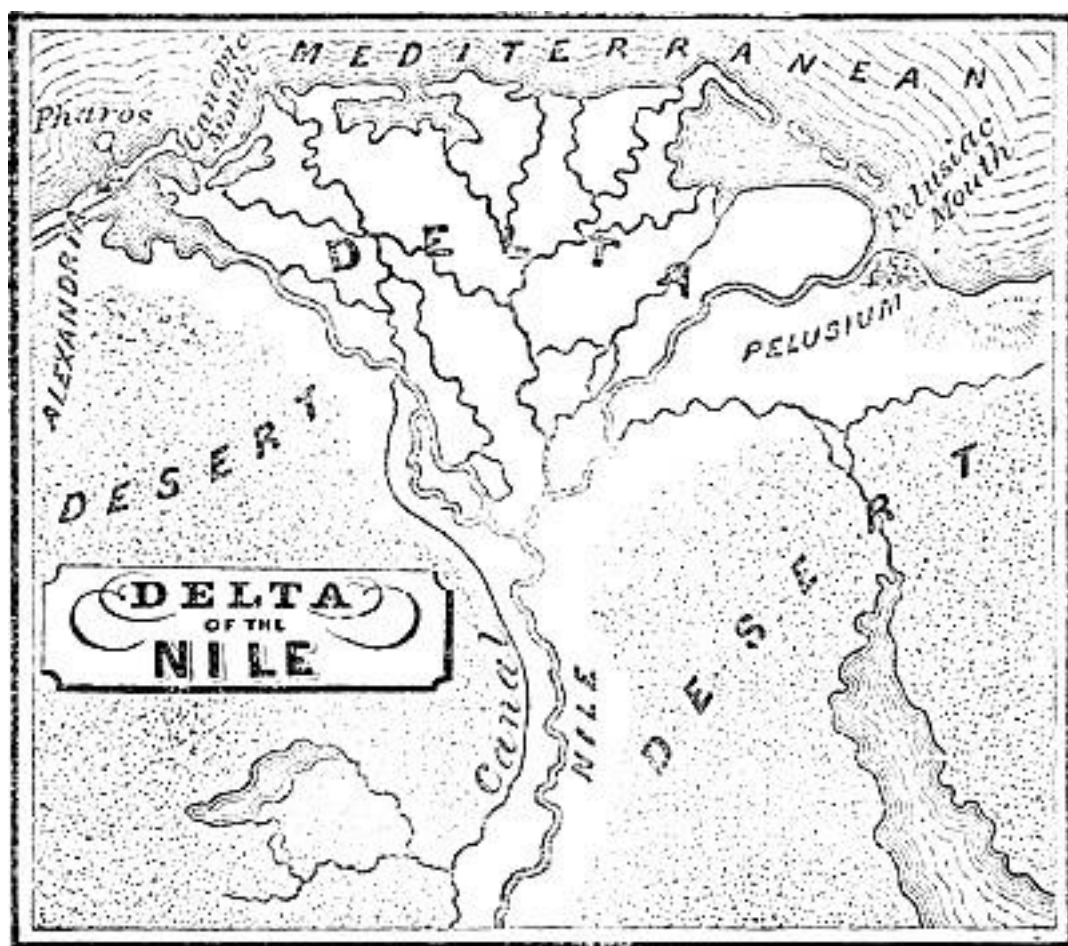
При таких обстоятельствах огромное количество воды, которая попадает в дождливый район во время этих наводняющих тропических ливней, распространяется по всей долине и образует на какое-то время огромное озеро, простирающееся в длину по всей ширине пустыни. Это озеро, конечно, от пяти до десяти миль в ширину и тысячу миль в длину. Вода в нем неглубокая и мутная, и течение в северном направлении слабое. Дожди, наконец, в значительной степени прекращаются; но требуется несколько месяцев, чтобы вода сошла и долина высохла. Как только она исчезает, со всей поверхности земли, которая была таким образом затоплена, вырастает самая густая и пышная растительность.

Эта растительность, ныне полностью зарегулированная и контролируемая рукой человека, должно быть, в своем первоначальном и первобытном состоянии имела весьма своеобразный характер. Она, должно быть, состояла только из таких растений, которые могли существовать при условии, что почва, в которой они росли, находилась в течение четверти года полностью под водой. Это обстоятельство, вероятно, предотвратило то, что долина Нила, подобно другим плодородным участкам земли, в ее исконном виде была заросшей лесами. По той же причине здесь никогда не могли водиться дикие звери. Не было лесов, которые могли бы укрыть их, и не было для них другого убежища, кроме сухой и бесплодной пустыни в период ежегодных наводнений. Эта самая необычная долина, по-видимому, была сформирована и сохранена самой природой для особого обладания человеком. Она сама, кажется, держала это место в резерве для него с самого утра сотворения мира, отказывая в допуске к нему каждому растению и каждому животному, которые могли бы помешать его пребыванию и контролю. И если бы он оставил ее сейчас на тысячу лет, а затем вернулся к ней еще раз, он нашел бы ее такой, какой оставил, готовой к немедленному обладанию. Не было бы диких зверей, которых он должен был бы сначала изгнать, и не возникло бы запутанных лесов, которые его топор должен был бы

сначала разрубить. Природа - это земледелец, который содержит в порядке этот мировой сад, а средствами и механизмами, с помощью которых она работает, являются огромные испаряющиеся поверхности морей, лучи тропического солнца, высокие вершины абиссинских гор и, как продукт и результат всего этого, мощные периодические паводки летних дождей.

По этим или некоторым другим причинам Египет был заселен человеком с самой глубокой древности. Древнейшие записи человеческой расы, сделанные три тысячи лет назад, говорят о Египте как о древнем тогда, когда они были написаны. Не только Традиция умалчивает, но даже сама Фейбл не пытается рассказать историю происхождения своего населения. Здесь стоят самые древние и долговечные памятники, которые когда-либо были в состоянии воздвигнуть человеческие силы. Однако несколько унижительно для гордости человечества размышлять о том, что самая возвышенная и гордая, а также самая постоянная и стабильная из всех работ, когда-либо совершенных человеком, - это всего лишь эпизоды и дополнения к тонкому слою наносного плодородия, оставленному на песках спадающими водами летних ливней.

Наиболее важной частью аллювия Нила является северная часть, где долина расширяется и выходит к морю, образуя треугольную равнину длиной около ста миль с каждой стороны, по которой воды реки текут во множестве отдельных ручьев и протоков. Вся местность образует обширный луг, повсюду пересекаемый медленно текущими потоками воды и представляющий на своей поверхности самые чарующие картины плодородия, изобилия и красоты. Этот регион называется Дельтой Нила.

Море у побережья неглубокое, и плодородная местность, образованная речными отложениями, по-видимому, несколько выступает за береговую линию; хотя, поскольку суша заметно не продвинулась за последние восемнадцать столетий, может возникнуть некоторое сомнение в том, что весь видимый выступ не обусловлен естественным строением побережья, а не какими-либо изменениями, вызванными действием реки.

Дельта Нила сама по себе настолько ровная и так мало возвышается над уровнем Средиземного моря, что суша кажется почти продолжением той же поверхности, что и море, только вместо голубых вод, увенчанных белыми гребнями волн, у нас есть широкие полосы колышущихся зерновых и пологие холмы, увенчанные деревушками. Приближаясь к побережью, штурман не имеет возможности разглядеть всю эту зелень и красоту издалека. Она лежит так низко, что скрывается за горизонтом, пока корабль не подойдет вплотную к берегу. Фактически, первые ориентиры, которые делает моряк, - это верхушки деревьев, растущих, по-видимому, из воды, или вершина обелиска, или капитель колонны, отмечающие место расположения какого-нибудь древнего и полуразрушенного города.

Самый восточный из каналов, по которому воды реки находят свой путь через дельту к морю, называется, как это указано на карте, Пелусиакским ответвлением. Он образует почти границу плодородного региона Дельты с восточной стороны. Недалеко от его устья находился древний город под названием Пелузий. Это был, конечно, первый египетский город, которого достигли

те, кто прибыл по суше с востока, путешествуя вдоль берегов Средиземного моря. Из-за того, что он таким образом обозначал восточную границу страны, он стал пунктом огромной важности и часто упоминается в историях древних времен.

С другой стороны, самое западное устье Нила называлось Канопским устьем. Расстояние вдоль побережья от Канопского устья до Пелузия составляло около ста миль. Очертания берега раньше были, как и сейчас, очень неправильными, а вода мелкой. Протяженные песчаные отмели выступали в море, и само море, словно в отместку, образовало на суше бесчисленные протоки, заливчики и лагуны. Вдоль этой неровной и неопределенной границы воды Нила и приливы Средиземного моря вели вечную войну, причем силы были настолько равны, что сейчас, по прошествии восемнадцати столетий с тех пор, как начали фиксироваться обстоятельства этого противостояния, ни одна из сторон, как было обнаружено, не получила сколько-нибудь заметного преимущества над другой. Река приносит пески вниз, а море постоянно вытесняет их обратно, поддерживая всю береговую линию в таком состоянии, что делает ее чрезвычайно опасной и труднодоступной для человека.

Из этого описания долины Нила будет очевидно, что она представляла собой страну, которая в древние времена была весьма поразительным образом изолирована от всего остального мира. Со всех сторон, по суше, он был полностью окружен пустынями; а мели, песчаные отмели и другие опасности судоходства, отмечавшие береговую линию, казалось, не позволяли приблизиться к нему по морю. Здесь он оставался на протяжении многих веков под властью своих собственных древних королей. Его население было мирным и трудолюбивым. Его ученые были известны во всем мире своей образованностью, наукой и философией. Именно в эти века, до того, как другие народы вторглись в его мирное уединение, были построены пирамиды, высечены огромные монолиты и воздвигнуты те огромные храмы, разрушенные колонны которых сейчас являются чудом человечества. В те далекие века Египет, как и сейчас, был землей вечного плодородия и изобилия. В Египте всегда будет кукуруза, где бы еще ни бушевал голод. Соответственно, соседние народы и племена в Аравии, Палестине и Сирии нашли свой путь к нему через пустыни на восточной стороне, когда их гнала нужда, и таким образом открыли способ сообщения. В конце концов персидские монархи, распространив свою империю на запад до Средиземного моря, нашли доступ по той же дороге в Пелузий, а оттуда вторглись в страну и покорили ее. Наконец, примерно за двести пятьдесят лет до правления Клеопатры, Александр Македонский, ниспровергнув персидскую империю, овладел Египтом и присоединил его, среди других персидских провинций, к своим собственным владениям. При разделе империи Александра, после его смерти, Египет перешел к одному из его военачальников по имени Птолемей. Птолемей сделал его своим царством и оставил после своей смерти своим наследникам. Ему наследовала длинная череда государей, известная в истории как династия Птолемеев — греческих принцев, правивших египетским царством. Клеопатра была дочерью одиннадцатого в роду.

Столицей Птолемеев была Александрия. До завоевания Александром Египет не имел морского порта. Вдоль побережья было несколько пристаней, но не было подходящей гавани. Фактически, у Египта тогда было так мало торговых связей с остальным миром, что он едва ли в них нуждался. Однако инженеры Александра, исследуя берег, обнаружили место недалеко от Канопского устья Нила, где вода была глубокой и где имелась якорная стоянка, защищенная островом. Александр основал там город, который назвал своим именем. Он усовершенствовал гавань, создав искусственные раскопки и насыпи. Был возведен высокий маяк, который днем

служил ориентиром, а ночью представлял собой сверкающую звезду, служившую ориентиром для средиземноморских галер. Был проложен канал, соединивший порт с Нилом, и были возведены склады для хранения товаров. Одним словом, Александрия сразу стала крупной торговой столицей. В течение нескольких столетий он был резиденцией великолепного правительства Птолемеев; и его местоположение было так удачно выбрано для намеченных целей, что по прошествии двадцати веков революций и перемен он все еще остается одним из главных торговых центров Востока.

Глава II.

Птолемеи.

Основатель династии Птолемеев — правитель, в руки которого перешло Египетское царство, как уже говорилось, после смерти Александра Македонского, — был македонским полководцем в армии Александра Македонского. Обстоятельства его рождения и события, которые привели к его поступлению на службу к Александру, были несколько своеобразными. Его мать, которую звали Арсиноя, была личной фавориткой и сподвижницей Филиппа, царя Македонии, отца Александра. В конце концов Филипп выдал Арсиною замуж за некоего человека из своего двора по имени Лагус. Вскоре после свадьбы родился Птолемей. Филипп относился к ребенку с тем же вниманием и благосклонностью, которые он проявлял по отношению к матери. Мальчика звали сыном Лагуса, но его положение при македонском царском дворе было таким же высоким и почетным, а внимание, которое он получал, было таким большим, какого он мог бы ожидать, если бы на самом деле был сыном царя. Повзрослев, он достиг официальных постов, наделенных значительной ответственностью и властью.

Со временем произошла определенная сделка, из-за которой у Птолемея возникли серьезные трудности с Филиппом, хотя тем же путем он очень сильно подружил Александра. В Персидской империи существовала провинция под названием Кария, расположенная в юго-западной части Малой Азии. Губернатор этой провинции предложил Филиппу свою дочь в жены одному из своих сыновей по имени Аридей, сводному брату Александра. Мать Александра, которая не была матерью Аридея, ревновала к этому предполагаемому браку. Она думала, что это было частью плана по привлечению внимания общественности к Аридею и, наконец, к тому, чтобы сделать его наследником трона Филиппа; в то время как она была очень уверена, что это великолепное наследство должно быть сохранено за ее собственным сыном. Соответственно, она предложила Александру отправить тайное посольство к персидскому наместнику и сообщить ему, что было бы гораздо лучше, как для него, так и для его дочери, если бы она взяла в мужья Александра вместо Аридея, и побудить его, если возможно, потребовать от Филиппа, чтобы он сделал это изменение.

Александр с готовностью согласился на этот план, и различные придворные, в том числе Птолемей, взялись помочь ему в его осуществлении. Посольство было отправлено. Губернатор Карики был очень доволен изменениями, которые они ему предложили. На самом деле весь план, казалось, очень успешно продвигался к своему завершению, когда Филипп тем или иным способом раскрыл интригу. Он сразу же направился в квартиру Александра, сильно возбужденный негодованием и гневом. Он никогда не намеревался делать Аридея, чье происхождение по материнской линии было неясным и неблагородным, наследником своего трона, и он в самых резких выражениях упрекал Александра в том, что он настолько опустил духом, что пожелал жениться на дочери персидского правителя; человека, который, по его словам, был простым рабом варварского царя.

Таким образом, план Александра потерпел полное поражение; и его отец был так недоволен офицерами, которые взялись помочь ему в его осуществлении, что изгнал их всех из королевства. Вследствие этого указа Птолемей несколько лет скитался в изгнании из своей страны, пока, наконец, смерть Филиппа не позволила Александру отозвать его. Александр сменил своего отца на посту царя Македонии и немедленно сделал Птолемея одним из своих главных военачальников. Фактически, Птолемей поднялся до очень высокого командования македонской армией и очень отличился во всех последующих кампаниях знаменитого завоевателя. Во время персидского вторжения Птолемей командовал одной из трех крупных дивизий армии и неоднократно оказывал самые выдающиеся услуги делу своего господина. Его нанимали на самые отдаленные и опасные предприятия, и ему часто доверяли управление делами чрезвычайной важности. Он был очень успешен во всех своих начинаниях. Он покорял армии, брал крепости, заключал договоры и, одним словом, демонстрировал высочайшую степень военной энергии и мастерства. Однажды он спас Александру жизнь, обнаружив и разоблачив опасный заговор, который был составлен против короля. У Александра была возможность отплатить за эту милость божественным вмешательством, дарованным ему, как было сказано, специально для того, чтобы дать ему возможность выразить свою благодарность. Птолемей был ранен отравленной стрелой, и когда все лекарства и противоядия врачей не помогли, и пациент, по-видимому, был при смерти, Александру во сне было открыто эффективное средство лечения, и Птолемей, в свою очередь, был спасен.

На великом празднестве в Сузах, когда завоевания Александра были завершены, Птолемея наградили золотой короной, и он с большой помпой женился на Артакаме, дочери одного из самых выдающихся персидских полководцев.

Наконец Александр внезапно умер после ночи пьянства и разгула в Вавилоне. У него не было сына, достаточно взрослого, чтобы стать его преемником, и его огромная империя была разделена между его военачальниками. Птолемей получил Египет за свою долю. Он немедленно отправился в Александрию с большой армией и большим количеством греческих слуг и последователей, и там началось царствование, которое продолжалось в великом процветании и великолепии в течение сорока лет. Коренные египтяне, конечно, были низведены до подчинения и кабалы. Все должности в армии и все посты доверия и ответственности в гражданской жизни были заполнены греками. Александрия была греческим городом, и он сразу же стал одним из самых важных торговых центров на всех этих морях. Греческие и римские путешественники обнаружили, что теперь в Египте говорят на языке, который они могли понимать, а философы и ученые могли безопасно и с удовольствием удовлетворять любопытство, которое они так долго испытывали к учреждениям, памятникам и

замечательным физическим особенностям страны. Одним словом, организация греческого правительства в древнем царстве и установление крупных торговых связей города Александрии были направлены на то, чтобы вывести Египет из его укрытия и уединения и в какой-то мере открыть его для общения, а также более полно представить его под наблюдением остального человечества.

Фактически, Птолемей сделал достижение этих целей особым объектом своей политики. Он пригласил греческих ученых, философов, поэтов и художников в большом количестве приехать в Александрию и сделать его столицу своей резиденцией. Он собрал огромную библиотеку, которая впоследствии, под названием Александрийской библиотеки, стала одним из самых знаменитых собраний книг и рукописей, когда-либо созданных. У нас будет возможность подробнее остановиться на этой библиотеке в следующей главе.

Помимо осуществления этих великолепных планов по расширению Египта, царь Птолемей в течение почти всего периода своего правления был занят непрекращающимися войнами с окружающими народами. Он участвовал в этих войнах отчасти с целью расширения границ своей империи, а отчасти для самообороны от агрессии и посягательств других держав. В конце концов ему удалось установить свое царство на наиболее стабильной и постоянной основе, а затем, когда он приближался к концу своей жизни, фактически будучи старше восьмидесяти лет, он отрекся от трона в пользу своего младшего сына, которого тоже звали Птолемей. Птолемей-отец, основатель династии, широко известен в истории под именем Птолемей Сотер. Его сына зовут Птолемей Филадельф. Этот сын, хотя и был младшим, был предпочтительнее своих братьев в качестве наследника престола из-за того, что он был сыном самой любимой из жен монарха. Решимость Сотера самому отречься от престола проистекала из его желания передать его любимому сыну в надежное владение перед своей смертью, чтобы помешать старшим братьям оспаривать престолонаследие. Коронация Филадельфа стала одной из самых великолепных и внушительных церемоний, когда-либо организованных королевской помпой и парадом. Два года спустя Птолемей-отец умер, и был похоронен своим сыном с пышностью, почти равной пышности его собственной коронации. Его тело было помещено в великолепный мавзолей, построенный для останков Александра; и столь велико было почитание, которое испытывало человечество перед величием его подвигов и великолепием его правления, что его памяти были возданы божественные почести. Таково было происхождение великой династии Птолемеев.

Некоторые из первых монархов этой линии в какой-то степени следовали благородному примеру, поданному им выдающимся ее основателем; но этот пример вскоре был утрачен, и на смену ему пришли крайнее вырождение и приниженность. Сменявшие друг друга монархи вскоре начали жить и царствовать исключительно для удовлетворения своих собственных чувственных наклонностей и страстей. Чувственность иногда начинается с доброты, но всегда заканчивается самой безрассудной и невыносимой жестокостью. Птолемеи стали, в конце концов, самыми отвратительными и ужасными тиранами, которых когда-либо порождал принцип абсолютной и безответственной власти. В частности, был один порок, который они, по-видимому, переняли у азиатских народов Персидской империи, который привел к самым ужасным последствиям. Этим пороком был кровосмешение.

Закон Божий, провозглашенный не только в Священных Писаниях, но и в врожденных инстинктах человеческой души, запрещает смешанные браки между теми, кто связан тесными

узами кровного родства. Необходимость такого закона основывается на соображениях, которые здесь не могут быть полностью объяснены. Однако это соображения, которые вытекают из причин, заложенных в самой природе человека как социального существа, и которые обладают универсальной, постоянной и непреодолимой силой. Чтобы уберечь своих созданий от плачевных последствий, как физических, так и моральных, которые возникают в результате практики таких браков, великий Творец Природы внедрил в каждый разум инстинктивное ощущение их преступности, достаточно мощное, чтобы эффективно предупреждать об опасности, и настолько универсальное, что явное осуждение их было зафиксировано почти во всех сводах писанных законов, которые когда-либо были обнародованы среди человечества. Персидские правители, однако, были выше всякого закона, и все виды кровосмесительных браков практиковались ими без стыда. Птолемеи последовали их примеру.

Одно из самых ярких проявлений природы кровосмесительной семейной жизни, которое раскрывается всей мрачной панорамой языческих пороков и преступлений, представлено в истории прадеда Клеопатры, которая является главной темой этого повествования. Это был Птолемей Физкон, седьмой в роду. Необходимо привести некоторые подробности из его истории и истории его семьи, чтобы объяснить обстоятельства, при которых сама Клеопатра появилась на сцене. Название Physcon, которое впоследствии стало его историческим обозначением, первоначально было дано ему с презрением и насмешкой. Он был очень маленького роста, но его обжорство и чувственность сделали его чрезвычайно тучным телом, так что он больше походил на чудовище, чем на человека. Термин "Физкон" был греческим словом, которое оскорбительно обозначало нелепую фигуру, которую он изобразил.

Обстоятельства восшествия на престол Птолемея Физкона дают не только яркую иллюстрацию его характера, но и очень точную, хотя и ужасную картину нравов того времени. Он был вовлечен в долгую и жестокую войну со своим братом, который был королем до него, в этой войне он совершил все мыслимые зверства, когда, наконец, его брат умер, оставив в живых свою жену, которая также была его сестрой, и сына, который был еще ребенком. Этот сын по праву был наследником короны. Сам Физкон, будучи братом, не имел никаких прав на сына. Царицу звали Клеопатра. На самом деле это было очень распространенное имя среди принцесс из рода Птолемеев. У Клеопатры, помимо сына, была дочь, которая в то время была молодой и красивой девушкой. Ее тоже звали Клеопатра. Она, конечно, приходилась племянницей Физкону, поскольку ее мать была сестрой.

План матери Клеопатры после смерти ее мужа состоял в том, чтобы сделать своего сына царем Египта и править самой в качестве регентши до тех пор, пока он не достигнет совершеннолетия. Друзья и приверженцы Physcon, однако, сформировали сильную партию в его пользу. Они послали за ним, чтобы он прибыл в Александрию и заявил о своих притязаниях на трон. Он пришел, и между братом и сестрой вот-вот должна была вспыхнуть новая гражданская война, когда, наконец, спор был урегулирован договором, в котором оговаривалось, что Физкон должен жениться на Клеопатре и стать царем; но что он должен сделать сына Клеопатры от ее бывшего мужа своим наследником. Этот договор был приведен в действие в той мере, в какой это касалось празднования брака с матерью и утверждения Физкона на троне. Но вероломное чудовище, вместо того чтобы сохранить свою веру в отношении мальчика, решило убить его; и настолько откровенными и жестокими были его привычки к насилию и безжалостности, что он взялся совершить это деяние сам, при свете дня. Мальчик с криком бросился в объятия матери

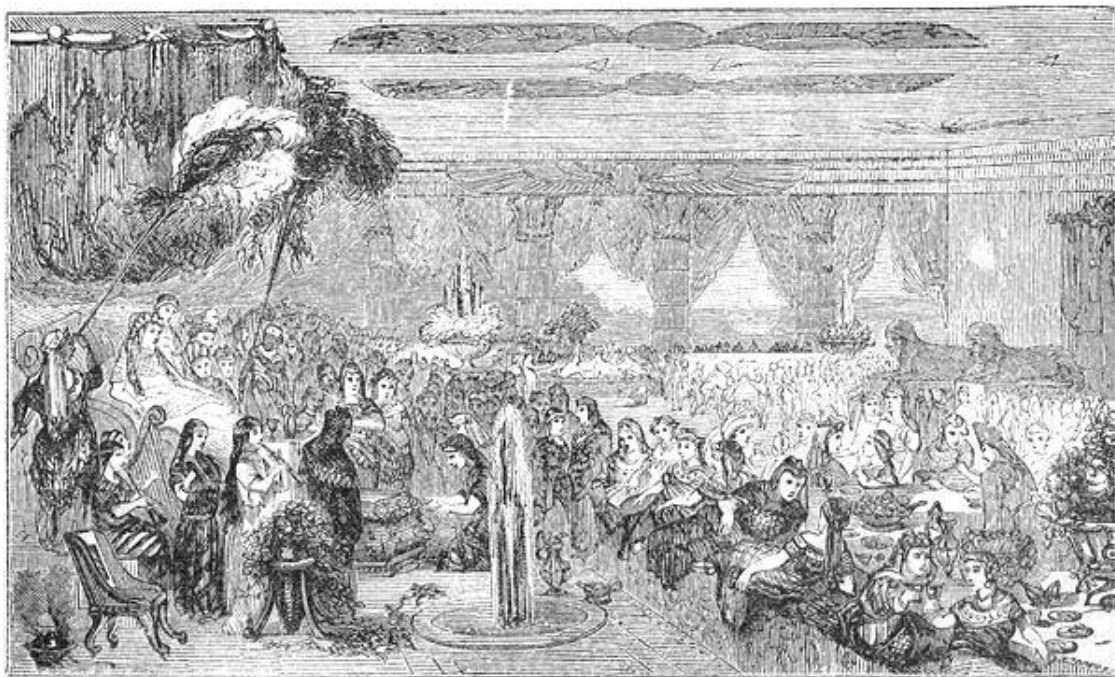
в поисках защиты, и Физкон ударил его ножом и убил там, демонстрируя зрелище новобрачного мужа, убивающего сына своей жены прямо у нее на руках!

Легко представить, какого рода привязанность могла возникнуть между мужем и женой после подобных сделок. На самом деле, между ними с самого начала не было любви. Этот брак был исключительно политическим соглашением. Физкон ненавидел свою жену и убил ее сына, а затем, словно в довершение демонстрации жестокого беззакония и капризности своих страстей, он влюбился в ее дочь. Прекрасная девушка смотрела на этого бессердечного монстра, такого же уродливого и деформированного телом, каким он был умом, с абсолютным ужасом. Но она была полностью в его власти. Он силой заставил ее подчиниться его воле. Он отрекся от матери и заставил дочь стать его женой.

Физкон проявлял те же качества грубой тирании и жестокости в обращении со своими подданными, что и в своих собственных домашних отношениях. Подробностей мы не можем здесь приводить, а можем только сказать, что его зверства в конце концов стали абсолютно невыносимыми, и вспыхнуло восстание столь грозного масштаба, что он бежал из страны. На самом деле он едва спасся, так как толпа окружила дворец и поджигала его, намереваясь сжечь самого тирана и всех соучастников его преступлений вместе. Физкон, однако, ухитрился сбежать. Он бежал на остров Кипр, взяв с собой некоего прекрасного мальчика, своего сына от Клеопатры, с которой он развелся; ибо они были женаты достаточно долго, до развода, чтобы у них родился сын. Этого мальчика звали Мемфитис. Его мать была очень нежно привязана к нему, и Physcon забрал его именно по этой причине, чтобы держать его в качестве заложника за хорошее поведение его матери. Он воображал, что, когда его не станет, она, возможно, попытается вновь завладеть тронном.

Его ожидания в этом отношении оправдались. Жители Александрии сплотились вокруг Клеопатры и призвали ее принять корону. Она так и сделала, испытывая, возможно, некоторые опасения по поводу той опасности, которую такой шаг мог навлечь на ее отсутствующего мальчика. Однако она успокоила себя мыслью, что он находится в руках своего собственного отца и что с ним ничего не может случиться.

По прошествии некоторого времени, когда Клеопатра начала прочно утверждаться в своих руках верховной власти в Александрии, приближался день ее рождения, и были приняты меры для празднования его самым пышным образом. Когда настал этот день, весь город погрузился в празднества и ликование. Во дворце устраивались грандиозные развлечения, а игры, зрелища и пьесы всех разновидностей демонстрировались и разыгрывались во всех кварталах города. Сама Клеопатра наслаждалась великолепным развлечением, устроенным для придворных лордов и дам, а также офицеров ее армии, в одном из королевских дворцов.

Подарок ко дню рождения.

В разгар этой сцены веселья королеве было объявлено, что для нее прибыла большая коробка. Коробку внесли в апартаменты. Казалось, в нем лежал какой-то великолепный подарок, присланный в то время каким-то другом в честь этого события. Любопытство королевы было возбуждено желанием узнать, что может содержать таинственный сундук. Она приказала открыть его, и гости собрались вокруг, каждому не терпелось первым взглянуть на содержимое. Крышка была снята, и ткань под ней приподнята, когда, к невыразимому ужасу всех, кто был свидетелем этого зрелища, стали видны голова и руки прекрасного мальчика Клеопатры, лежащие среди груды человеческой плоти, которая состояла из остального его тела, разрезанного на куски. Голова была оставлена целой, чтобы несчастная мать могла узнать в бледных и безжизненных чертах лицо своего сына. Физкон отправил шкатулку в Александрию с приказом хранить ее до вечера дня рождения, а затем публично преподнести Клеопатре в разгар праздничной сцены. Визг и вопли, которыми она наполнила покои дворца при первом взгляде на ужасное зрелище, и последовавшая за этим агония длительного и безутешного горя показали, насколько хорошо жестокое ухищрение тирана подходило для достижения своей цели.

Нам не доставляет удовольствия писать, и мы уверены, что нашим читателям не доставит удовольствия читать такие шокирующие истории кровавой жестокости, как эти. Однако для справедливой оценки характера великого субъекта этой истории необходимо, чтобы мы поняли природу домашнего влияния, царившего в семье, из которой она вышла. На самом деле, по простой справедливости к ней, мы должны знать, что это было за влияние и какие примеры подавались перед ней в ранние годы жизни; поскольку привилегии и преимущества, которыми молодежь пользуется в ранние годы, и, с другой стороны, дурные влияния, от которых они страдают, должны приниматься во внимание очень серьезно, когда мы выносим суждение о безумствах и грехах, в которые они впоследствии впадают.

Чудовище Физкон жило, это правда, за два или три поколения до великой Клеопатры; но характер промежуточных поколений, вплоть до ее рождения, оставался почти таким же. На самом деле жестокость, коррупция и порок, царившие в каждой ветви королевской семьи, скорее усилились, чем уменьшились. Прекрасная племянница Физкона, которая во время своего принудительного брака с ним проявляла такое отвращение к чудовищу, после смерти своего мужа стала таким же чудовищем амбиций, эгоизма и жестокости, как и он сам. У нее было двое сыновей, Латирус и Александр. Физкон, когда он умер, оставил ей египетское царство по завещанию, разрешив ей присоединиться к ней в правительстве, какого бы из этих двух сыновей она ни выбрала. Старший имел наибольшее право на эту привилегию по праву рождения; но она предпочла младшего, поскольку считала, что ее собственная власть будет более абсолютной, если она будет править вместе с ним, поскольку он будет более полностью находиться под ее контролем. Однако ведущие державы Александрии воспротивились этому плану и настояли на том, чтобы Клеопатра назначила своего старшего сына Латира вместе с ней в правительство королевства. Они вынудили ее отозвать Латира из ссылки, в которую она его отправила, и номинально посадить его на трон. Клеопатра уступила этой необходимости, но вынудила своего сына отказаться от жены и взять вместо нее другую женщину, которую, как ей казалось, она могла бы подчинить своей воле. Мать и сын какое-то время жили вместе, Латирус номинально был королем, хотя ее решимость править сама и его попытки противостоять ее невыносимой тирании превратили их несчастный дом в арену ужасных и постоянных ссор. Наконец Клеопатра схватила нескольких слуг Латира, евнухов, которые были наняты на различные должности по всему дворцу, и, нанеся им ужасные ранения, она показала их населению, сказав, что именно Латир нанес жестокие увечья пострадавшим, и призвав их встать и наказать его за его преступления. Этим и другими подобными способами она пробудила среди придворных и жителей города такую враждебность к Латиру, что они изгнали его из страны. Последовала долгая череда жестоких и кровопролитных войн между матерью и сыном, в ходе которых каждая сторона совершала против другой почти все мыслимые злодеяния и преступления. Александр, младший сын, так боялся своей ужасной матери, что не осмелился остаться с ней в Александрии, а по собственной воле отправился в своего рода изгнание. Однако в конце концов он вернулся в Египет. Его мать немедленно предположила, что он намеревался помешать ее владению властью, и решила уничтожить его. Он узнал о ее замыслах и, доведенный до отчаяния длительным давлением ее невыносимой тирании, решил положить конец тревоге и ужасу, в которых жил, убив ее. Это он и сделал, а затем бежал из страны. Затем Латирус, его брат, вернулся и правил до конца своих дней в сносной степени тишины и покоя. Наконец Латир умер и оставил царство своему сыну, Птолемию Авлету, который был отцом великой Клеопатры.

Мы не можем смягчить картину, которая предстает нашему взору в истории этой знаменитой семьи, рассматривая мать Авлетеса с мужественными и беспощадными чертами характера и принципами, которые она так энергично демонстрировала на протяжении своей ужасной карьеры, как исключение из общего характера принцесс, появлявшихся время от времени в роду. В своих амбициях, эгоизме, неестественной и безрассудной жестокости и полном пренебрежении ко всем добродетельным принципам и любым семейным узам она была всего лишь прообразом и представителем всех остальных.

Например, у нее были две дочери, которые были последовательными и достойными последовательницами такой матери. Отрывок из жизни этих сестер очень убедительно

иллюстрирует тот вид сестринской привязанности, который преобладал в семье Птолемеев. Случай был такой:

В Сирии, стране, лежащей к северо-востоку от Средиземного моря и, следовательно, не очень далеко от Египта, жили два принца, которые, хотя и были братьями, находились в состоянии самой смертельной вражды друг к другу. Один пытался отравить другого, и после этого между ними разразилась война, и вся Сирия страдала от опустошительных действий их армий. Одна из сестер, о которых мы говорили, вышла замуж за одного из этих принцев. Ее звали Трифена. Через некоторое время, но пока между двумя братьями все еще бушевала противоестественная война, Клеопатра, другая сестра — фактически та же Клеопатра, которая развелась с Латиром по настоянию его матери, — вышла замуж за другого брата. Трифена была чрезвычайно разгневана на Клеопатру за то, что она вышла замуж за смертельного врага своего мужа, и с тех пор непримиримая враждебность и ненависть сестер были добавлены к тому, что ранее демонстрировали братья, чтобы довершить демонстрацию противоестественной и отцеубийственной страсти, которую это позорное соперничество представило миру.

На самом деле, с этого времени Трифена, казалось, почувствовала новый и очень возбужденный интерес к соревнованию из-за своего страстного желания отомстить своей сестре. Она наблюдала за ходом войны и принимала активное участие в продвижении активного ведения войны. Партия ее мужа, либо по этой, либо по каким-то другим причинам, казалось, одерживала верх. Мужа Клеопатры гнали из одной части страны в другую, и в конце концов, чтобы обеспечить безопасность своей жены, он оставил ее в Антиохии, большом и сильно укрепленном городе, где, как он полагал, она будет в безопасности, в то время как сам он был занят ведением войны в других кварталах, где, по-видимому, требовалось его присутствие.

Узнав, что ее сестра находится в Антиохии, Трифена подтолкнула своего мужа напасть на это место. Соответственно, он двинулся вперед с сильным отрядом армии, осадил и взял город. Клеопатра, конечно, попала бы в его руки как пленница; но, чтобы избежать этой участи, она бежала в храм в поисках убежища. Храм в те дни считался неприкосновенным убежищем. Соответственно, солдаты оставили ее там. Однако Трифена обратилась к мужу с просьбой передать несчастную беглянку в ее руки. По ее словам, она была полна решимости убить ее. Ее муж протестовал против этого чудовищного предложения. “Было бы совершенно бесполезным актом жестокости, - сказал он, - разрушить ее жизнь. Она не может причинить нам никакого возможного вреда в будущем ходе войны, в то время как ее убийство при таких обстоятельствах только разозлит ее мужа и ее друзей и придаст им новых сил до конца сражения. И потом, кроме того, она нашла убежище в храме; и если мы нарушим это святилище, то таким святотатственным актом навлечем на себя неумолимое неудовольствие небес. Учтите также, что она ваша сестра, и с вашей стороны убить ее означало бы совершить противоестественное и совершенно непростительное преступление.

Сказав это, он приказал Трифене больше ничего не говорить на эту тему, ибо он ни в коем случае не согласится, чтобы Клеопатре причинили какой-либо вред.

Этот отказ мужа выполнить ее просьбу только еще больше распалил безумное негодование и злость Трифены. На самом деле серьезность, с которой он поддерживал дело ее сестры, и интерес, который он, казалось, испытывал к ее судьбе, пробудили ревность Трифены. Она верила, или делала вид, что верит, что ее муж руководствовался чувством любви, так горячо

защищая ее. Объект ее ненависти из простого врага превратился теперь, по ее мнению, в соперницу, и она решила, что во что бы то ни стало должна быть уничтожена. Соответственно, она приказала отряду отчаявшихся солдат ворваться в храм исхватить ее. Клеопатра в ужасе подбежала к алтарю и вцепилась в него с такой конвульсивной силой, что солдаты отрубили ей руки прежде, чем смогли оторвать ее от себя, а затем, обезумев от ее сопротивления и вида крови, они наносили ей удары снова и снова на полу храма, где она упала. Ужасающие вопли, которыми несчастная жертва наполнила воздух в первые мгновения своего бегства, и ее ужас утихли по мере того, как ее жизнь угасала, превратившись в самые ужасные проклятия небесных судов на голову неестественной сестры, чья неумолимая ненависть уничтожила ее.

Несмотря на приведенные нами примеры характера и деятельности этой выдающейся семьи, правление этой династии, продолжавшееся на протяжении правления тринадцати государей и в течение почти трехсот лет, всегда считалось одним из самых либеральных, просвещенных и процветающих из всех правительств древних времен. В следующей главе нам будет что сказать о внутреннем состоянии страны в то время, когда эти жестокие люди находились на троне. Тем временем, мы здесь только добавим, что тот, кто склонен, наблюдая за амбициями, эгоизмом, партийным духом, недостойными интригами и неправильным моральным поведением, которые современные правители и государственные деятели иногда демонстрируют человечеству в своей личной и политической карьере, верить в регресс и вырождение национального характера по мере взросления мира, будет очень эффективно обманут, внимательно прочитав полную историю этой знаменитой династии и размышляя, по мере чтения, о том, что повествование представляет собой, в целом, честную демонстрацию национального характера. об общем характере людей, которые в древние времена управляли миром.

Глава III.

Александрия.

Читатель не должен воображать, что сцены порочного потворства своим желаниям, безрассудной жестокости и преступлений, которые с такой ужасающей частотой демонстрировались во дворцах египетских царей и доходили до такого огромного излияния, в одинаковой степени преобладали среди основной массы населения в период их правления. Внутреннее управление правительством и институты, с помощью которых регулировались промышленные занятия народных масс, сохранялись мир и порядок и обеспечивалась справедливость между людьми, все это время находились в руках людей, в целом хорошо подготовленных для вверенных им фондов и в значительной степени добросовестных в исполнении своих обязанностей; и таким образом, обычные дела правительства и общий

распорядок домашней и общественной жизни продолжались, несмотря на расточительство королей, в условиях весьма сносного мира, процветания и счастья. В течение каждого из трех столетий, на протяжении которых простирается история Птолемеев, вся земля Египта вдоль и поперек демонстрировала, со сравнительно небольшими перерывами, одну широко распространенную сцену напряженной промышленности. Наводнения приходили в назначенное время, а затем регулярно прекращались. Бескрайние поля, удобренные водой, были тогда повсюду вспаханы. Земли были вспаханы; семена посеяны; каналы и водотоки, которые разветвлялись от реки во всех направлениях по земле, были открыты или закрыты, в зависимости от обстоятельств, для регулирования орошения. Жители были заняты, и, следовательно, они были добродетельны. И поскольку небо Египта редко или никогда не бывает затемнено тучами и грозами, пейзаж представлял глазу тот же неизменный вид улыбающейся зелени и красоты день за днем и месяц за месяцем, пока созревшее зерно не было убрано в хранилища, а земля не была расчищена для нового наводнения.

Мы говорим, что люди были добродетельны, потому что они были заняты; ибо нет более установленного принципа политической экономии, чем тот, что порок в социальном государстве является проявлением и симптомом праздности. Оно всегда преобладает в тех классах любого значительного населения, которые либо освобождены обладанием постоянным и неизменным богатством от необходимости, либо лишены своей бедностью и деградацией преимуществ полезного занятия. Богатство, которое является бесплатным и подвластно контролю его владельца, так что он может, если пожелает, заняться управлением им, хотя иногда оно может делать отдельных людей порочными, обычно не развращает классы людей, поскольку не делает их праздными. Но везде, где институты страны таковы, что создают аристократический класс, доходы которого зависят от наследуемых поместий или от фиксированной ренты, так что капитал, на который они живут, не может предоставить им никакого умственного занятия, они неизбежно обречены на бездействие и праздность. Порочные удовольствия и потворство своим слабостям являются для такого класса в целом неизбежным результатом; ибо невинные наслаждения человека спланированы и задуманы Творцом природы только для перерывов на отдых в активной жизни. Они всегда оказываются совершенно недостаточными для удовлетворения того, кто делает удовольствие целью своего существования.

Точно так же, если либо под влиянием социальных институтов страны, либо в результате действия естественных причин, которые человеческая сила не в состоянии контролировать, существует класс людей, слишком низкий, деградировавший и несчастный, чтобы его можно было достичь обычными стимулами к ежедневному труду, то они с такой уверенностью развращаются, что деградация стала во всех языках термином, почти синонимом порока. Правда, есть много исключений из этих общих законов. Многие активные люди очень порочны; и нередко случаи проявления самых возвышенных добродетелей среди знати и королей. Тем не менее, как общий закон, бесспорно верно, что порок - это проявление праздности; и сфера порока, следовательно, находится на вершине и в низу общества — это регионы, в которых царит праздность. Великим лекарством от порока также является занятость. Чтобы сделать сообщество добродетельным, важно, чтобы всем его рангам и градациям, от высших до низших, было чем заняться.

В соответствии с этими принципами мы замечаем, что, в то время как самая крайняя и отвратительная порочность, казалось, постоянно и безраздельно господствовала во дворцах

Птолемеи и среди знати их дворов, действующие государственные министры и люди, на которых были возложены фактические правительственные функции, исполняли свои обязанности с мудростью и преданностью, и во всех обычных рангах и градациях общества в целом царили весьма значительная степень трудолюбия, процветания и счастья. Это процветание царило не только в сельских районах Дельты и вдоль долины Нила, но и среди купцов, мореплавателей и ремесленников Александрии.

Фактически, очень скоро после своего основания Александрия стала очень большим и оживленным городом. Многие сговорились для того, чтобы превратить ее в крупный торговый центр. Во-первых, это был пункт экспорта всех излишков зерна и другой сельскохозяйственной продукции, которые в таком изобилии выращивались в египетской долине. Эти продукты доставляли на лодках в верхнюю точку дельты, где разделялись рукава реки, а оттуда по Канопскому ответвлению спускались в город. На самом деле город располагался не непосредственно на этом рукаве, а на узком клочке суши, на небольшом расстоянии от него, недалеко от моря. Войти в канал напрямую было нелегко из-за отмелей в его устье, образовавшихся в результате вечного конфликта между водами реки и морскими приливами. Однако, как обнаружили инженеры Александра, в том месте, где был построен город, вода была глубокой, и, основав там порт, а затем проложив канал к Нилу, они смогли сразу наладить легкое сообщение между рекой и морем.

Таким образом, продукты долины доставлялись вниз по реке и по каналу в город. Здесь были возведены огромные склады и зернохранилища для его приема, чтобы оно могло надежно храниться до тех пор, пока корабли, пришедшие в порт, не будут готовы увезти его. Эти корабли прибыли из Сирии, со всех побережий Малой Азии, из Греции и из Рима. Они привозили сельскохозяйственную продукцию своих стран, а также различные промышленные изделия; они продавали их александрийским купцам и покупали взамен продукцию Египта.

Таким образом, Александрийский порт представлял собой постоянную картину жизни и оживления. Торговые суда постоянно приходили и уходили или стояли на якоре на рейде. Моряки поднимали паруса, или поднимали якоря, или гребли на своих вместительных галерах по воде, распевая песни в такт движениям весел. В городе царила такая же непрерывная деятельность. Здесь группы мужчин разгружали прибывшие с реки лодки на канале. Там носильщики переносили тюки с товарами или мешки с зерном со склада на пирс или с одной пристани на другую. Случайные парады королевской гвардии или прибытие и отплытие военных кораблей, высаживавшихся на берег или забиравших отряды вооруженных людей, были событиями, которые иногда вмешивались, чтобы прервать или, как, возможно, сказали бы люди того времени, украсить эту сцену полезного труда; и время от времени, на короткий период, эти мирные занятия были полностью приостановлены и сведены на нет восстанием или гражданской войной, которую братья-соперники вели друг против друга, или спровоцированы противоречивыми притязаниями матери и сына. Эти перерывы, однако, были сравнительно редкими и, в обычных случаях, продолжались недолго. В интересах всех ветвей королевской династии было нанести как можно меньший ущерб коммерческим и сельскохозяйственным операциям королевства. Фактически, именно от процветания этих операций зависели доходы. Правители были хорошо осведомлены об этом, и поэтому, как бы непримиримо ни ненавидели друг друга два соперничающих князя и как бы отчаянно каждая сторона ни боролась за уничтожение всех активных комбатантов, которых они могли обнаружить с оружием в руках против них, у них обоих были все возможные стимулы пощадить частную собственность и жизни

мирного населения. Это население, фактически занятое таким образом прибыльной промышленностью, составляло, с учетом результатов их труда, то самое сословие, за которое боролись воюющие стороны.

Рассматривая этот вопрос в таком свете, египетские правители, особенно Александр и более ранние Птолемеи, прилагали все возможные усилия, чтобы способствовать коммерческому величию Александрии. Они строили дворцы, это правда, но они также строили склады. Одним из самых дорогих и знаменитых из всех построенных ими зданий был маяк, о котором уже упоминалось. Этот маяк представлял собой высокую башню, построенную из белого мрамора. Он находился на острове Фарос, напротив города и на некотором расстоянии от него. Существовало нечто вроде перешейка из отмелей и песчаных отмелей, соединявшего остров с берегом. Над этими отмелями был построен пирс или дамба, которая в конечном итоге превратилась в широкий и населенный перешеек. Однако основная часть древнего города находилась на материке.^[1]

Кривизна земли требует, чтобы маяк на побережье находился на значительной высоте, иначе его вершина не показывалась бы над горизонтом, если только моряк не находился совсем рядом. Чтобы достичь этой высоты, архитекторы обычно используют какой-нибудь холм, утес или скалистое возвышение недалеко от берега. Однако на Фаросе не было возможности сделать это, поскольку остров, как и основная суша, был ровным и низким. Следовательно, требуемой высоты можно было достичь только путем кладки здания, и мраморные блоки, необходимые для работы, приходилось привозить издалека. Александрийский маяк был возведен во времена Птолемея Филадельфа, второго монарха в династии. На его строительство не жалели усилий и средств. Это сооружение, когда оно было завершено, считалось одним из семи чудес света. Однако своей славой он был обязан, в какой-то степени, несомненно, примечательности своего положения, поскольку возвышался у входа в величайший торговый центр своего времени и стоял там, подобно облачному столбу днем и огненному столбу ночью, привлекая желанный взгляд каждого странствующего моряка, чей корабль появлялся на его горизонте, и пробуждал его благодарность, предлагая ему свое руководство и рассеивая его страхи.

Свет на вершине башни горел от костра, приготовленного из таких горючих материалов, которые выпускали самое яркое пламя. Этот костер медленно горел в течение дня, а затем разжигался заново, когда заходило солнце, и постоянно пополнялся в течение ночи свежими запасами топлива. В наше время для создания необходимого освещения используется гораздо более удобный и экономичный режим. Огромная пылающая лампа ярко горит в центре фонаря башни, и вся та часть излучения пламени, которая естественным образом излучалась бы вверх, или вниз, или вбок, или обратно к суше, направляется любопытной системой отражателей и многоугольных линз, наиболее изобретательно сконструированных и очень точно отрегулированных, таким образом, чтобы отбрасываться вперед одним широким и тонким, но блестящим слоем света, который разливается там, где требуется его сияние, над поверхностью моря. До того, как эти изобретения были доведены до совершенства, гораздо большая часть света, излучаемого освещением башен маяков, расточительно расходовалась в направлении суши или терялась среди звезд.

Конечно, слава возведения такого сооружения, как Александрийский Фарос, и поддержания его в надлежащем состоянии была очень велика; однако вполне естественно мог возникнуть

вопрос, была ли эта слава справедливо заслужена архитектором, благодаря научному мастерству которого работа была фактически выполнена, или монархом, властью и ресурсами которого поддерживался архитектор. Архитектора звали Сострат. Он был греком. Монархом был, как уже говорилось, второй Птолемей, которого обычно называли Птолемеем Филадельфом. Птолемей приказал, чтобы при завершении строительства башни в стену в подходящем месте у вершины была вмонтирована мраморная табличка и чтобы на ней была высечена соответствующая надпись, на которой было бы заметно его имя как строителя здания. Сострат предпочел вставить свое имя. Соответственно он изготовил табличку и установил ее на прежнее место. Он вырезал на ее лицевой стороне надпись греческими буквами со своим именем как автора произведения. Он сделал это тайно, а затем покрыл лицевую сторону таблички искусственным составом, изготовленным из извести, чтобы имитировать естественную поверхность камня. На этой внешней поверхности он вырезал новую надпись, в которую вставил имя короля. Со временем известь растрескалась, надпись короля исчезла, а его собственная, которая с тех пор сохранялась до тех пор, пока стояло здание, стала видна всем.

Говорили, что высота Фароса составляла четыреста футов. Он был знаменит во всем мире на протяжении многих веков; однако сейчас от него не осталось ничего, кроме груды бесполезных и ничего не значащих руин.

Помимо света, исходившего с вершины этой высокой башни, в древней Александрии был еще один центр сияния и озарения, который в некоторых отношениях был еще более заметным и известным, а именно огромная библиотека и музей, созданные и поддерживаемые Птолемеями. Музей, который был впервые основан, был не коллекцией диковинок, как это теперь можно было бы предположить по его названию, а учебным заведением, состоящим из группы ученых людей, которые посвящали свое время философским и научным занятиям. Учреждение было богато обеспечено, и для его использования были возведены великолепные здания. Король, основавший его, немедленно начал собирать коллекцию книг для использования членами учреждения. Это требовало больших затрат, поскольку каждая книга, добавлявшаяся в коллекцию, должна была быть переписана пером на пергаменте или папирусе с бесконечным трудом и тщательностью. Над этой работой в музее постоянно работало большое количество писцов. Короли, которые были наиболее заинтересованы в создании этой библиотеки, конфисковывали книги, которыми владели отдельные ученые или которые хранились в различных городах их владений, а затем, заказав переписчикам Музея сделать с них прекрасные копии, они сохраняли оригиналы для великой Александрийской библиотеки и раздавали копии людям или городам, которые были таким образом разграблены. Точно так же они брали взаймы, как они это называли, у всех путешественников, посещавших Египет, любые ценные книги, которые могли оказаться в их распоряжении, и, сохраняя оригиналы, возвращали им взамен копии.

Со временем библиотека увеличилась до четырехсот тысяч томов. Тогда в зданиях музея уже не было места для дальнейших дополнений. Однако в другой части города был большой храм под названием Серапион. Этот храм был очень великолепным сооружением, или, скорее, группой зданий, посвященных богу Серапису. Происхождение и история этого храма были очень примечательными. Легенда была такой:

Похоже, что одним из древних и издавна почитаемых египтянами богов было божество по имени Серапис. Он был, среди других божеств, объектом поклонения египтян за много веков до того, как была построена Александрия или воцарились Птолемеи. По любопытному совпадению, статуя с тем же названием стояла также в большом торговом городе Синопе, построенном на оконечности мыса, выступающего из Малой Азии в Эвксинское море.^[2] Синопа была, в некотором смысле, северной Александрией, являясь центром и резиденцией значительной части торговли в этой части света.

Синопский Серапис считался божеством-покровителем моряков, и мореплаватели, которые приходили в город и возвращались из него, приносили ему жертвы, приносили ему подношения молитвы, полагая, что они в значительной степени зависят от какой-то таинственной и непостижимой силы, которую он использовал для их безопасности во время штормов. Они разносили слухи о его имени и рассказы о его воображаемых вмешательствах по всем местам, которые посещали; и таким образом слава о боге распространилась сначала на все побережья Эвксинского моря, а впоследствии и на отдаленные провинции и королевства. Синопский Серапис повсюду стал считаться богом-покровителем моряков.

Соответственно, когда первый из Птолемеев разрабатывал свои различные планы по украшению и приумножению Александрии, он получил, по его словам, однажды ночью божественное указание во сне, что он должен получить статую Сераписа из Синопы и установить ее в Александрии, в подходящем храме, который он тем временем собирался воздвигнуть в честь бога. Очевидно, что реализация этого проекта принесла бы городу очень большие преимущества. Во-первых, храм бога Сераписа стал бы новым отличием в сознании сельского населения, которое, несомненно, предположило бы, что почитаемое им божество было их собственным древним богом. Тогда весь морской мир, привыкший поклоняться богу Синопы, обратился бы к Александрии как великому центру религиозного притяжения, если бы их почитаемого идола можно было перенести и поместить в новый и великолепный храм, построенный специально для него там. Александрия никогда не смогла бы стать главным военно-морским портом и станцией мира, если бы в ней не было святилища бога моряков.

Птолемей послал соответствующее послание царю Синопы и предложил приобрести идола. Посольство, однако, не увенчалось успехом. Царь отказался отдать бога. Переговоры продолжались в течение двух лет, но все напрасно. Наконец, из-за какого-то сбоя в регулярном течении сезонов на том побережье там начался голод, который в конце концов стал настолько сильным, что жители города были вынуждены согласиться отдать свое божество египтянам в обмен на запас зерна. Птолемей отправил зерно и получил идола. Затем он построил храм, который, когда был закончен, превзошел по величию почти любое священное сооружение в мире.

Именно в этом храме хранились последовательные дополнения к Александрийской библиотеке, когда помещения музея были заполнены. В конце концов в Музее насчитывалось четыреста тысяч свитков или томов, а в "Серапионе" - триста тысяч. Первая называлась родительской библиотекой, а вторая, будучи как бы отпрыском первой, называлась дочерней.

Птолемей Филадельф, который очень интересовался коллекционированием этой библиотеки, хотел сделать из нее полное собрание всех книг мира. Он нанимал ученых для чтения и изучения, а путешественников для совершения обширных поездок с целью узнать, какие книги существуют у всех окружающих народов; и, когда он узнал об их существовании, он не жалел

усилий и средств, пытаясь раздобыть либо сами оригиналы, либо наиболее совершенные и аутентичные их копии. Он отправил в Афины и получил работы самых знаменитых греческих историков, а затем, сделав, как и в других случаях, самые красивые расшифровки, отправил расшифровки обратно в Афины вместе с очень крупной суммой денег в качестве эквивалента разницы в стоимости между оригиналами и копиями при таком обмене.

В ходе исследований, которые Птолемей проводил в литературе окружающих народов в поисках пополнения своей библиотеки, он услышал, что у евреев в иерусалимском храме хранились определенные священные писания, содержащие подробную и чрезвычайно интересную историю их народа с древнейших периодов, а также множество других книг священных пророчеств и поэзии. Эти книги, которые на самом деле были еврейскими Писаниями Ветхого Завета, были тогда совершенно неизвестны всем народам, кроме евреев, а среди евреев были известны только священникам и ученым. Они хранились свяненно в Иерусалиме. Евреи сочли бы их оскверненными, если бы выставили их на обозрение языческих народов. Фактически, ученые люди других стран не смогли бы их прочесть, поскольку евреи настолько изолировали себя от остального человечества, что их язык в ту эпоху едва ли когда-либо был услышан за пределами Иудеи и Галилеи.

Вполне естественно, что Птолемей подумал, что экземпляр этих священных книг станет большим приобретением для его библиотеки. Они составляли, по сути, всю литературу нации, которая в некоторых отношениях была самой необычной из когда-либо существовавших на земном шаре. Птолемею также пришла в голову идея не только пополнить свою библиотеку копией этих писаний в оригинале на иврите, но и сделать их перевод на греческий, чтобы они могли быть легко прочитаны греческими и римскими учеными, которые в большом количестве были привлечены в его столицу библиотеками и научными учреждениями, которые он там основал. Однако первое, что необходимо было сделать для осуществления любого из этих планов, - это получить согласие еврейских властей. Они, вероятно, были бы возражать против того, чтобы вообще отказаться от какого-либо экземпляра своих священных писаний.

Было одно обстоятельство, которое заставило Птолемея предположить, что евреи, особенно в то время, были бы против удовлетворения любой просьбы такого рода, исходящей от египетского царя, и это заключалось в том, что во время определенных войн, которые происходили в предыдущие царствования, египтяне захватили значительное количество пленных и привезли их в Египет в качестве пленников, где они были проданы местным жителям, а теперь были разбросаны по стране в качестве рабов. Их нанимали в качестве подневольных работников для обработки полей или для вращения огромных колес, откачивающих воду из Нила. Хозяева этих несчастных рабов, подобно другим рабовладельцам, считали, что у них есть право собственности на своих рабов. В некотором отношении это было правдой, поскольку они выкупили их у правительства в конце войны за вознаграждение; и хотя они, очевидно, не извлекли из этого обстоятельства никакого действительного права собственности или притязания лично на этих людей, определенно могло показаться, что это давало им справедливые претензии к правительству, у которого они купили, в случае последующего освобождения.

Птолемей или его министр, поскольку сейчас неизвестно, кто был настоящим действующим лицом в этих сделках, решил освободить этих рабов и отправить их обратно на родину, как средство умиловить евреев и склонить их благосклонно выслушать просьбу, которую он

собирался изложить в отношении копии их священных писаний. Он, однако, заплатил тем, кто удерживал пленников, очень щедрую сумму выкупа. Древние историки, которые никогда не позволяют интересу своих повествований пострадать из-за отсутствия надлежащего увеличения с их стороны масштаба, в котором совершались описываемые ими деяния, говорят, что количество освобожденных в этом случае рабов составило сто двадцать тысяч, а сумма, выплаченная за них в качестве компенсации владельцам, составила шестьсот талантов, что равно шестистам тысячам долларов.^[3] И все же это были лишь предварительные расходы, подготовившие почву для приобретения одной серии книг, чтобы пополнить разнообразие огромной коллекции.

После освобождения и возвращения пленников Птолемей отправил великолепное посольство в Иерусалим с очень почтительными письмами к первосвященнику и с очень великолепными подарками. Послы были приняты с высочайшими почестями. Просьба Птолемея о том, чтобы ему разрешили взять копию священных книг для своей библиотеки, была с готовностью удовлетворена.

Священники приказали сделать копии со всех священных писаний. Эти копии были выполнены в самом великолепном стиле и великолепно освещены золотыми буквами. Еврейское правительство также, по просьбе Птолемея, выделило группу знатоков иврита, по шесть человек от каждого племени — мужчин, знавших как греческий, так и иврит, — для поездки в Александрию и там, в Музее, тщательного перевода еврейских книг на греческий. Поскольку было двенадцать колен и от каждого было выбрано по шесть переводчиков, всего было семьдесят два переводчика. Они сделали свой перевод, и он был назван *Септуагинтой*, от латинского *septuaginta duo*, что означает семьдесят два.

Хотя за пределами Иудеи не было чувства почтения к этим еврейским Писаниям как книгам божественного авторитета, все еще ощущался большой интерес к ним как к очень интересным и любопытным произведениям истории со стороны всех греческих и римских ученых, которые часто посещали Александрию для изучения в Музее. Соответственно, были сделаны копии перевода Септуагинты и отправлены в другие страны; и там со временем делались копии с копий, пока, наконец, этот труд не стал широко распространяться по всему ученому миру. Когда, наконец, христианство распространилось по Римской империи, священники и монахи смотрели на этот ранний перевод столь важной части священного Писания с еще большим интересом, чем древние ученые. Они делали новые копии для аббатств, обителей и колледжей; и когда, наконец, было открыто искусство книгопечатания, эта работа была одной из первых, на которой была опробована волшебная сила книгопечатания. Оригинальная рукопись, сделанная переписчиками семидесяти двух, и все ранние записи, которые были сделаны с нее, давным-давно утеряны или уничтожены; но вместо них у нас теперь есть сотни тысяч копий в компактных печатных изданиях, разбросанных по публичным и частным библиотекам христианского мира. Фактически, сейчас, по прошествии двух тысяч лет, экземпляр Септуагинты Птолемея можно приобрести у любого крупного книготорговца в любой стране цивилизованного мира; и хотя первоначально для его получения требовалось национальное посольство и, если верить отчетам, более миллиона долларов, теперь его можно без труда достать за двухдневную зарплату обычного рабочего.

Помимо строительства Фароса, Музея и Храма Сераписа, ранние Птолемеи разработали и осуществили великое множество других планов, направленных к тем же целям, для

обеспечения которых было предназначено возведение этих великолепных зданий, а именно сосредоточить в Александрии все возможные средства привлечения, коммерческие, литературные и религиозные, чтобы сделать город великим центром интереса и общим курортом для всего человечества. Они получали огромные доходы на эти и другие цели, облагая высокими налогами всю сельскохозяйственную продукцию долины Нила. Наводнения, благодаря безграничному плодородию, которое они ежегодно производили, пополняли королевскую казну. Так, абиссинские дожди у истоков Нила построили Фарос в его устье и обогатили Александрийскую библиотеку.

Налоги, возложенные на народ Египта для обеспечения Птолемеев средствами, были, по сути, настолько тяжелыми, что массе земледельческого населения оставались лишь самые скудные средства к существованию. Поэтому, восхищаясь величием и славой города, мы должны помнить, что его великолепию был мрачный аналог в очень продолжительной нужде, на которую повсюду были обречены массы людей. Они жили в деревушках из жалких хижин по берегам реки, чтобы столица была великолепно украшена храмами и дворцами. Они провели свою жизнь в темноте и невежестве, опасаясь, что семьсот тысяч томов дорогих рукописей могут быть переданы в Музей для использования иностранными философами и учеными. Политика Птолемеев была, возможно, в целом наилучшей для общего прогресса и конечного благосостояния человечества, которую можно было проводить в эпоху, в которую они жили и действовали; но, приветствуя достигнутые ими результаты, мы не должны полностью забывать о цене, которую они понесли при их достижении. При тех же затратах мы могли бы в настоящее время намного превзойти их. Если народ Соединенных Штатов откажется от удобств, которыми он пользуется каждый в отдельности, если фермеры, разбросанные в своих комфортабельных домах на склонах холмов и равнинах по всей стране, откажутся от своих домов, своей мебели, своих ковров, своих книг и привилегий своих детей, а затем — удерживая из продуктов своего ежегодного труда только сумму, достаточную для того, чтобы прокормить себя и свои семьи в течение года, ведя жизнь, подобную жизни вьючного животного, проводимого в какой-нибудь жалкой и голой лачуге, — отошлю остальное какому-нибудь наследственному монарху, проживающему на Атлантическом побережье, чтобы он мог построить новое жилье. на вырученные средства они могут построить великолепную столицу - Александрию, которая по великолепию и известности бесконечно превзойдет древний город Птолемеев. В таком случае нация тоже заплатила бы за свою метрополию точно такую же цену, какую древние египтяне платили за свою.

Доходы, которые они получали за счет этого налогообложения, Птолемеи расходовали главным образом очень либеральным и просвещенным образом для достижения целей, которые они имели в виду. Строительство Фароса, перенос статуи Сераписа и создание Музея и библиотеки были великими замыслами, и они были воплощены в жизнь самым полным и совершенным образом. Все остальные операции, которые они разработали и осуществили для расширения и приумножения города, были задуманы и выполнены в том же духе научной и просвещенной либеральности. Были открыты улицы, построены самые великолепные дворцы, построены доки, пирсы и волнорезы, вооружены крепости и башни с гарнизонами. Тогда были использованы все средства, чтобы привлечь в город большое количество представителей всех наиболее высокоразвитых наций, существовавших в то время. Купцам, механикам и ремесленникам были предложены самые высокие стимулы для того, чтобы сделать город своим пристанищем. Поэтам, художникам, скульпторам и ученым всех наций и степеней был оказан радушный прием, и им были предоставлены все возможности для осуществления их различных занятий.

Все эти планы оказались в высшей степени успешными. Александрия быстро приобрела высочайшее значение, и в то время, когда Клеопатра, рожденная для того, чтобы руководить этой великолепной сценой, вышла на сцену, у города был только один соперник в мире. Этим соперником был Рим.

Глава IV.

Отец Клеопатры.

Когда приближалось время появления Клеопатры на сцене, Рим был, пожалуй, единственным городом, который можно было считать соперником Александрии в глазах человечества по интересу и привлекательности как столицы. В одном отношении Рим значительно превосходил египетскую метрополию, и это было в масштабах военной мощи, которой он обладал среди народов земли. Александрия правила Египтом и несколькими соседними побережьями и островами; но в течение трех столетий, в течение которых она приобретала свое величие и славу, Римская империя распространилась почти на весь цивилизованный мир. Египет до сих пор был слишком удален, чтобы до него можно было добраться напрямую; но дела самого Египта в конце концов оказались связаны с действиями римской державы, примерно во время рождения Клеопатры, весьма поразительным и своеобразным образом; и поскольку последствия сделки изменили весь ход последующей истории царицы, рассказ об этом необходим для правильного понимания обстоятельств, при которых она начала свою карьеру. Фактически, именно расширение Римской империи до пределов Египта и связи, которые возникли отсюда между ведущими римскими полководцами и египетским государем, сделали историю этой конкретной царицы гораздо более заметной как объект интереса и внимания человечества, чем историю любой другой из десяти Клеопатр, которые последовательно восходили по той же царской линии.

Птолемей Авлет, отец Клеопатры, был, пожалуй, самым распущенным, деградировавшим и коррумпированным из всех правителей династии. Все свое время он проводил в пороке и разврате. Единственным честным достижением, которым, казалось, он обладал, было умение играть на флейте; этим он был очень тщеславен. Он учредил музыкальные конкурсы, в которых музыкальные исполнители Александрии разыгрывали призы и короны; и он сам привык выходить на ристалище вместе с остальными в качестве конкурента. Народ Александрии и мир в целом считали подобные занятия совершенно недостойными внимания представителя столь прославленного рода монархов; и отвращение, которое они испытывали к порокам и преступлениям монарха, смешивалось с чувством презрения к низости его честолюбия.

Существовали сомнения в его праве на корону, поскольку его рождение по материнской линии было незаконным и неблагородным. Однако вместо того, чтобы пытаться утвердить и

обезопасить свое обладание властью путем энергичного и процветающего управления правительством, он полностью отказался от всякой заботы о ходе государственных дел; а затем, чтобы избежать опасности быть свергнутым, он задумал план добиться признания себя в Риме одним из союзников римского народа. Если бы это когда-то было сделано, он предполагал, что римское правительство почувствовало бы себя обязанным поддержать его на троне в случае какой-либо угрожающей опасности.

Римское правительство было своего рода республикой, и двумя самыми могущественными людьми в государстве в то время были Помпей и Цезарь. Цезарь был у власти в Риме в то время, когда Птолемей подал прошение о заключении союза. Помпей отсутствовал в Малой Азии, поскольку был занят ведением войны с Митрадатом, очень могущественным монархом, который в то время сопротивлялся римской власти. Цезарь был по уши в долгах и, более того, очень нуждался в деньгах, не только для выхода из существующих затруднений, но и как средство последующих расходов, позволяющих ему осуществить определенные великие политические планы, которые он вынашивал. После долгих переговоров и задержек было решено, что цезарь воспользуется своим влиянием, чтобы обеспечить союз между римским народом и Птолемеем, при условии, что Птолемей выплатит ему сумму в шесть тысяч талантов, равную примерно шести миллионам долларов. Часть денег, по словам Цезаря, предназначалась Помпею.

Был присвоен титул союзника, и Птолемей взялся собрать обещанные деньги, увеличив налоги в своем царстве. Однако меры, которые он таким образом принял с целью обеспечить себе большую безопасность во владении тронном, оказались средством его свержения. Недовольство его народа, которое раньше было сильным и повсеместным, хотя и подавлялось и скрывалось, теперь вылилось в открытое насилие. Нельзя было допустить, чтобы на них возложили, в дополнение ко всем прочим их тяготам, эти новые притеснения, более тяжелые, чем те, которые они переносили раньше, и к тому же применявшиеся с такой целью. Быть вынужденным видеть, как их страна продается римскому народу на любых условиях, было достаточно тяжело вынести; но быть вынужденным самим собирать средства и платить цену за передачу было абсолютно невыносимо. В Александрии началось восстание. Птолемей был не из тех людей, которые решительным образом противодействовали подобной демонстрации или, по сути, проявляли спокойствие или мужество в какой бы то ни было чрезвычайной ситуации. Его первой мыслью было сбежать из Александрии, чтобы спасти свою жизнь. Его второе - сделать все возможное, чтобы добраться до Рима, призвать римский народ прийти на помощь своему союзнику!

Во время своего бегства Птолемей оставил после себя пятерых детей. Старшей была принцесса Береника, которая уже достигла зрелости. Второй была великая Клеопатра, герой этой истории. Клеопатре в то время было около одиннадцати лет. У нее также было двое сыновей, но они были очень маленькими. Одного из них звали Птолемей.

Александрийцы решили возвести Беренику на трон вместо ее отца, как только станет известно о его бегстве. Они думали, что сыновья были слишком молоды, чтобы пытаться править в такой чрезвычайной ситуации, поскольку было весьма вероятно, что Авлет, отец, попытается вернуть свое царство. Береника с готовностью приняла честь и власть, которые были ей предложены. Она обосновалась во дворце своего отца и начала свое правление в великом великолепии. Со временем она решила, что ее положение укрепитсся благодаря браку с царственным принцем из какого-нибудь соседнего королевства. Сначала она отправила послов сделать предложение

сирийскому принцу по имени Антиох. Послы вернулись с известием, что Антиох мертв, но что у него есть брат по имени Селевк, на которого перешел престолонаследие. Затем Береника отправила их обратно, чтобы они сделали ему те же предложения. Он принял предложения, приехал в Египет, и они с Береникой поженились. Попробовав его некоторое время, Беренис обнаружила, что по той или иной причине он ей не нравится как муж, и, соответственно, она заставила его задушиться.

Наконец, после множества других интриг и долгих тайных ухищрений Береника преуспела во вторых переговорах и вышла замуж за принца или мнимого принца из какой-то страны Малой Азии, которого звали Архелай. Она была больше довольна этим вторым мужем, чем первым, и, наконец, начала чувствовать себя немного успокоенной и утвердившейся на своем троне и была готова, как ей казалось, оказать действенное сопротивление своему отцу в случае, если он когда-нибудь попытается вернуться.

Именно в гуще этих сцен и в окружении влияний, которые, как можно было бы ожидать, преобладают в семьях такого отца и такой сестры, Клеопатра провела те годы жизни, в течение которых формируется характер. Во время всех этих революций, подвергаясь всем этим проявлениям распущенности, неестественной жестокости и преступлений, она росла в королевских дворцах одухотворенным и красивым, но избалованным и заброшенным ребенком.

Тем временем Авлет, отец ребенка, направился в Рим. Поскольку его характер и его история были известны окружающим народам, он был объектом всеобщего порицания, как из-за его предыдущей карьеры унижительного порока, так и теперь, еще больше, из-за этого позорного бегства от трудностей, в которые его вовлекли его пороки и преступления.

По дороге он остановился на острове Родос. Случилось так, что Катон, великий римский философ и полководец, в это время находился на Родосе. Катон был человеком суровым, несгибаемой добродетели и обладал в тот период большим влиянием в государственных делах. Птолемей послал гонца сообщить Катону о своем прибытии, предполагая, конечно, что римский полководец, услышав об этом, поспешит засвидетельствовать свое почтение такой великой личности, как он, царю Египта - Птолемию, — хотя и страдающему от временного поворота судьбы. Катон велел гонцу ответить, что, насколько ему известно, у него нет особого дела к Птолемию. “Передайте, однако, королю, - добавил он, - что, если у него есть ко мне какое-либо дело, он может навестить меня, если пожелает”.

Птолемию пришлось подавить свое негодование и подчиниться. Он считал, что для успеха своих планов очень важно увидеться с Катоном и заручиться, по возможности, его интересом и сотрудничеством; и поэтому он приготовился нанести визит, а не принять его у себя, намереваясь отправиться в самом большом королевском наряде, на какой только был способен. Соответственно, на следующий день он появился в доме Катона, великолепно одетый, в сопровождении множества слуг. Катон, который был одет самым простым образом и чьи покои были обставлены в стиле, соответствующем суровости его характера, даже не встал, когда царь вошел в комнату. Он просто указал рукой и пригласил посетителя присесть.

Птолемей начал излагать свою точку зрения с целью заручиться влиянием Катона на римский народ, чтобы побудить его вступить за него. Катон, однако, был далек от того, чтобы выказывать какое-либо расположение поддержать своего гостя, и в самых откровенных выражениях осудил его за то, что он отказался от своего надлежащего положения в

собственном королевстве, чтобы пойти и сделать себя жертвой ненасытной алчности римских вождей. “Вы ничего не сможете сделать в Риме, - сказал он, - кроме как подкупом; и всех ресурсов Египта будет недостаточно, чтобы удовлетворить жадность римлян до денег”. В заключение он порекомендовал ему вернуться в Александрию и полагаться в своих надеждах на выход из окружавших его трудностей на проявление там собственной энергии и решимости.

Птолемей был сильно смущен таким отпором, но, посоветовавшись со своими приближенными и последователями, было решено, что возвращаться уже слишком поздно. Соответственно, вся группа снова погрузилась на борт своих галер и продолжила свой путь в Рим.

По прибытии в город Птолемей обнаружил, что Цезаря нет в Галлии, в то время как Помпей, с другой стороны, вернувшийся с победой из своих кампаний против Митрадата, теперь был великим лидером влияния и власти в Капитолии. Это изменение обстоятельств не было, однако, особенно неблагоприятным, поскольку Птолемей был в дружеских отношениях с Помпеем, как и с Цезарем. Он помогал ему в войнах с Митрадатом, послав ему кавалерийский эскадрон в соответствии со своей политикой развития дружественных отношений с римским народом всеми доступными ему средствами. Кроме того, Помпей получил часть денег, которые Птолемей заплатил Цезарю в качестве платы за союз с римлянами, и должен был получить свою долю от остальной суммы в случае, если Птолемей когда-нибудь будет восстановлен. Соответственно, Помпей был заинтересован в поддержке дела царственного беглеца. Он принял его в своем дворце, устроил ему пышный прием и предпринял немедленные меры для представления его дела римскому сенату, настаивая на принятии этим органом немедленных и энергичных мер для осуществления его реставрации как союзника, которого они обязаны были защищать от его мятежных подданных.

Сначала в римском сенате существовала некоторая оппозиция против поддержки дела такого человека, но вскоре она была подавлена, частично подавленная авторитетом Помпея, а частично заставленная замолчать обещаниями и взятками Птолемея. Сенат решил восстановить короля на его троне и начал принимать меры для приведения этой меры в действие.

Ближайшими к Египту римскими провинциями были Киликия и Сирия, страны, расположенные на восточном и северо-восточном побережье Средиземного моря, к северу от Иудеи. Силы, размещенные в этих провинциях, были бы, конечно, наиболее удобными для снабжения необходимыми войсками для экспедиции. Провинция Киликия находилась под командованием консула Лентула. Лентул в это время находился в Риме; он отправился в столицу с какой-то временной целью, оставив свою провинцию и расквартированные там войска на время под командованием своего рода генерал-лейтенанта по имени Габиний. Был сделан вывод, что этот Лентул со своими сирийскими войсками должен взять на себя задачу восстановления Птолемея на его троне.

Пока эти планы и договоренности были еще незрелыми, произошло обстоятельство, которое на какое-то время угрожало им полным крахом. Похоже, что когда отец Клеопатры впервые покинул Египет, он распространил там сообщение о том, что он был убит во время восстания. Целью этой уловки было прикрыть его бегство. Правительство Береники вскоре выяснило правду и узнало, что беглянка направилась в сторону Рима. Они сразу же пришли к выводу, что он собирается обратиться к римскому народу за помощью, и решили, что, если это так, римский народ, прежде чем принять решение в его пользу, должен иметь возможность услышать свою

точку зрения на эту историю так же, как и его. Соответственно, они сразу же начали приготовления к отправке весьма внушительного посольства в Рим. Депутация состояла более чем из ста человек. Целью правительства Береники, отправившего столь большое число людей, было не только продемонстрировать свое уважение к римскому народу и осознание важности рассматриваемого вопроса, но и оградить Птолемея от любых попыток перехватить посольство в пути или подкупить его членов взятками. Однако их число, каким бы большим оно ни было, оказалось недостаточным для достижения этой цели. Весь римский мир находился в то время в состоянии такого беспорядка и насилия, находясь в руках отчаянных и безрассудных военачальников, которые тогда находились у власти, что повсюду были изобильные возможности для совершения любого мыслимого преступления. Птолемей ухитрился с помощью яростных сторонников, которые поддерживали его дело и которые были глубоко заинтересованы в его успехе из-за обещанных им наград, подстеречь и уничтожить значительную часть этого отряда прежде, чем они доберутся до Рима. Некоторые были убиты; некоторые были отравлены; некоторые были подделаны и подкуплены взятками. Небольшой остаток добрался до Рима; но они были так напуганы окружавшими их опасностями, что не осмелились предпринять никаких публичных действий в отношении дела, которое было поручено им. Птолемей начал поздравлять себя с тем, что полностью обошел свою дочь в ее попытках защититься от его замыслов.

Однако вместо этого вскоре выяснилось, что эффект этого чудовищного предательства оказался прямо противоположным тому, чего ожидали его исполнители. Знание этих фактов постепенно распространилось среди жителей Рима, и это вызвало всеобщее негодование. Партия, которая изначально была настроена против дела Птолемея, воспользовалась возможностью возобновить свою оппозицию; и они приобрели такую силу благодаря всеобщей ненависти, которую пробудили преступления Птолемея, что Помпею стало почти невозможно отстаивать свое дело.

В конце концов партия, выступавшая против Птолемея, нашла, или притворилась, что нашла, в определенных священных книгах, называемых Сивиллиными оракулами, которые хранились у священников и, как предполагалось, содержали пророческие указания на волю Небес в отношении ведения государственных дел, следующий отрывок:

“Если царь Египта обратится к вам за помощью, обращайтесь с ним дружелюбно, но не предоставляйте ему войска; ибо в этом случае вы подвергнетесь большой опасности.”

Это создало новые трудности для друзей Птолемея. Сначала они пытались обойти это вдохновенное предписание, отрицая его реальность. По их словам, такого отрывка не было найдено. Все это было выдумкой их врагов. Этот пункт, похоже, был отвергнут, и затем они попытались дать отрывку какое-то иное толкование, отличное от очевидного. Наконец, они утверждали, что, хотя это запрещало им снабжать войсками самого Птолемея, это не запрещало им посылать вооруженные силы в Египет под руководством их собственных лидеров. Это они, конечно, могли бы сделать; а затем, когда восстание было подавлено и правительство Береники свергнуто, они могли бы предложить Птолемею вернуться в свое королевство и мирным путем вернуть себе корону. Это, как они утверждали, не означало бы “предоставления ему войск” и, конечно же, не означало бы неподчинения оракулу.

Эти попытки друзей Птолемея уклониться от указаний оракула только сделали споры и разногласия между ними и его врагами более ожесточенными, чем когда-либо. Помпей

приложил все, что было в его силах, чтобы помочь делу Птолемея, но Лентул после долгих колебаний решил, что для него было бы небезопасно ввязываться в это дело. В конце концов, однако, Габиния, наместника, командовавшего войсками в Сирии, убедили предпринять это предприятие. На основании определенных обещаний, которые он получил от Птолемея и которые должны были быть выполнены в случае его успеха, и с определенным поощрением, не очень законным или регулярным, которое Помпей дал ему в отношении использования римских войск под его командованием, он решил выступить в Египет. Его маршрут, конечно, должен был пролегать вдоль берегов Средиземного моря и через пустыню в Пелузий, который уже упоминался как пограничный город по эту сторону Египта. Из Пелузия он должен был пройти через сердце Дельты в Александрию и, в случае успеха своего вторжения, свергнуть правительство Береники и Архелая, а затем, пригласив Птолемея вернуться, восстановить его на троне.

В осуществлении этого опасного предприятия Габиний сильно полагался на помощь очень замечательного человека, в то время его заместителя, который впоследствии сыграл очень важную роль в последующей истории Клеопатры. Его звали Марк Антоний. Антоний родился в Риме, в очень знатной семье, но его отец умер, когда он был очень молод, и, будучи впоследствии полностью предоставлен самому себе, он стал очень диким и распутным молодым человеком. Он растратил имущество, оставленное ему отцом, в безрассудстве и пороке; а затем, отчаянно продолжая делать ту же карьеру, вскоре влез в огромные долги и, как следствие, оказался в неразрешимых затруднениях. Его кредиторы постоянно изводили его требованиями денег и судебными исками с целью принудить к выплатам, на которые у него не было средств. Его также постоянно преследовала враждебность многих врагов, которых он нажил в городе своим насилием и преступлениями. В конце концов он скрылся и отправился в Грецию.

Здесь Габиний, направляясь в Сирию, встретил его и пригласил присоединиться к его армии, а не оставаться там в праздности и нужде. Антоний, который был столь же горд и возвышен духом, сколь и унижен нравственно и физическим положением, отказался сделать это, если Габиний не прикажет ему. Габиний увидел в смелости и безрассудной энергии, которую проявлял Антоний, признаки класса качеств, которые в те дни делали успешного солдата, и согласился на его условия. Он поручил ему командование своей кавалерией. Антоний отличился в последовавших сирийских кампаниях и теперь был полон желания участвовать в этом египетском предприятии. На самом деле, главным образом благодаря его рвению и энтузиазму взяться за это дело Габиний согласился на предложения Птолемея.

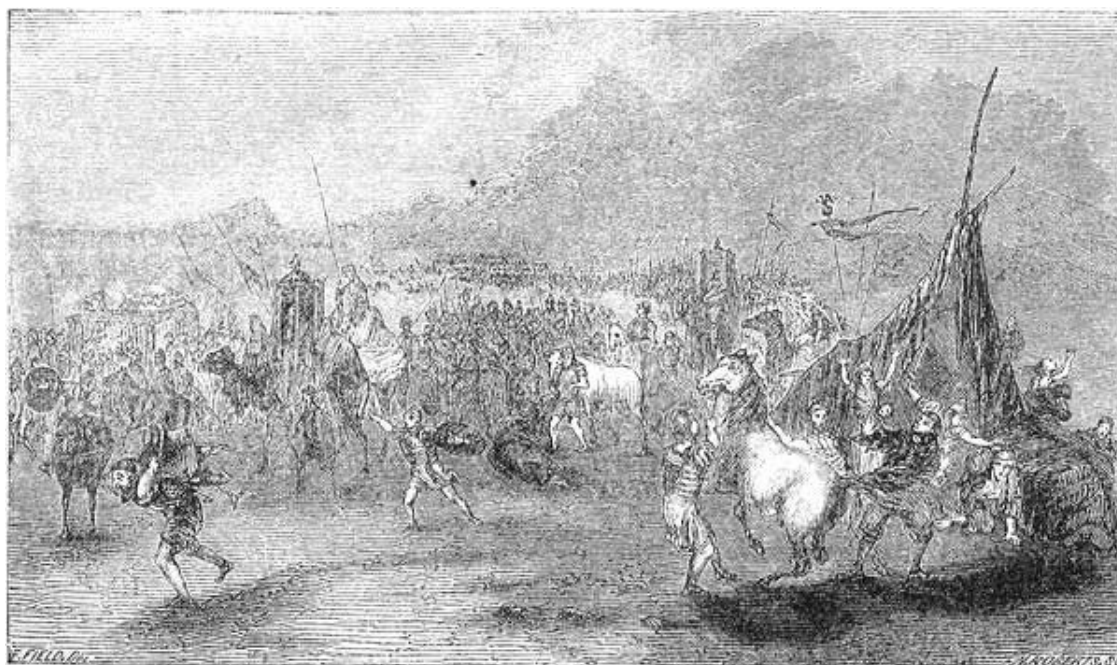
Опасностью и трудностями, которые, по их мнению, ожидали их больше всего во всей экспедиции, был переход через пустыню в Пелузий. На самом деле, великой защитой Египта всегда была его изоляция. Непроходимые и пустынные пески, совершенно лишенные воды и совершенно пустынные, могли быть пройдены даже караваном мирных путешественников лишь с большим трудом и опасностью. Для армии попытаться пересечь их, подвергаясь, как это неизбежно было бы с войсками, нападению врагов, которые могли бы выдвинуться им навстречу по пути, и будучи уверенной в том, что столкнется с ужасным сопротивлением свежих и энергичных отрядов, когда они придут — измученные физическими тяготами пути — к границам населенной страны, было отчаянным предприятием. В древние времена было много случаев, когда огромные группы войск при попытке совершить марш-бросок по пустыням,

которыми был окружен Египет, были полностью уничтожены голодом или жаждой или захвачены песчаными бурями.[4]

Однако эти трудности и опасности несколько не устрасили Марка Антония. На самом деле предвкушение славы от их преодоления было одним из главных стимулов, побудивших его взяться за это предприятие. Опасности пустыни составляли одно из очарования, которое делало экспедицию такой привлекательной. Поэтому он встал во главе своего кавалерийского отряда и двинулся через пески впереди Габиния, чтобы взять Пелузий, чтобы таким образом открыть путь основным силам армии в Египет. Птолемей сопровождал Антония. Габиний должен был последовать за ним.

При всех своих недостатках, если не называть их более сурово, Марк Антоний обладал некоторыми замечательными качествами характера. Он был пылким, но в то же время хладнокровным, собранным и проницательным; и в его поведении и характере постоянно проявлялась некая откровенная и мужественная щедрость, которая сделала его большим любимцем среди своих подчиненных. В то время ему было около двадцати восьми лет, он был высокого роста и мужественного сложения, с выразительным и интеллектуальным выражением лица. У него был высокий лоб, орлиный нос, а глаза полны живости. Он привык одеваться очень просто и небрежно и в общении со своими солдатами напускал на себя вид предельной фамильярности и свободы. Он присоединялся к ним в их забавах, шутил с ними и добродушно принимал их шутки в ответ; и ел, стоя с ними за их грубыми столами, в чистом поле. Такие привычки общения со своими людьми у командира с обычным характером были бы фатальными для его господства над ними; но в случае Марка Антония эти откровенные и фамильярные манеры, казалось, только подчеркивали военный гений и интеллектуальную мощь, которыми он обладал, и вызывали всеобщее восхищение.

Антоний провел свой отряд всадников через пустыню очень безопасно и быстро и прибыл к Пелузию. Город не был готов оказать ему сопротивление. Город сразу же сдался, и весь гарнизон попал к нему в руки в качестве военнопленных. Птолемей потребовал, чтобы все они были немедленно убиты. По его словам, они были мятежниками и, как таковые, должны быть преданы смерти. Однако Антоний, как и следовало ожидать от его характера, категорически отказался допустить подобное варварство. Птолемей, поскольку власть еще не была в его руках, был вынужден подчиниться и отложить удовлетворение духа мести, который так долго дремал в его груди, на будущее. Он мог тем более терпеливо смириться с этой необходимостью, что, по-видимому, день его полной победы над дочерью и всеми ее приверженцами был теперь совсем близок.

Антоний пересекает пустыню.

На самом деле, Береника и ее правительство, когда они услышали о прибытии Антония и Птолемея в Пелузий, о падении этого города и о приближении Габиния с превосходящими силами римских солдат, были поражены ужасом. Архелай, муж Береники, в прежние годы был личным другом Антония. Антоний фактически считал, что они все еще были друзьями, хотя этого требовало то, что историк называет их долгом, - сражаться друг с другом за обладание королевством. Правительство Береники собрало армию. Архелай принял командование над ним и двинулся навстречу врагу. Тем временем Габиний прибыл с основными силами римских войск и начал свой поход вместе с Антонием к столице. Поскольку им пришлось повернуть на юг, чтобы избежать заливов и лагун, которые на северном побережье Египта на некоторое расстояние вдаются в сушу, их путь пролегал через сердце дельты. Было разыграно много сражений, и римляне везде одерживали победы. Египетские солдаты были, по сути, недовольны и взбунтовались, возможно, отчасти потому, что они считали правительство, на стороне которого они были вынуждены сражаться, в конце концов, узурпацией. Наконец произошла великая финальная битва, которая разрешила спор. Архелай был убит на поле боя, а Береника взята в плен; их правительство было полностью свергнуто, и путь римским армиям был открыт для похода на Александрию.

Марк Антоний, если судить по нашим стандартам, был, безусловно, так же, как и Птолемей, порочным человеком; но его порочность была совсем иного типа, чем у отца Клеопатры. Разница в людях, в одном отношении, была очень ясно продемонстрирована объектами, на которые соответственно были обращены их интерес и внимание после этой великой битвы. Пока продолжалось состязание, царь и царица Египта, Архелай и Береника, были, конечно, в глазах как Антония, так и Птолемея двумя наиболее заметными фигурами в армии их врагов; и в то время как Антоний, естественно, с величайшим интересом наблюдал за судьбой своего друга, царь Птолемей, столь же естественно, с величайшей заботой следил за судьбой своей

дочери. Соответственно, когда битва закончилась, в то время как мысли Птолемея, как мы, естественно, и ожидали, были в основном заняты тем фактом, что его *дочь* была взята в плен, мысли Антония, мы могли бы предположить, были поглощены известием о том, что его *друг* был убит.

Один радовался, а другой скорбел. Антоний искал тело своего друга на поле битвы, и когда оно было найдено, он всецело отдался работе по обеспечению для него самых пышных похорон. Казалось, на похоронах он оплакивал смерть своего древнего товарища с искренним горем. Птолемей, с другой стороны, был переполнен радостью, обнаружив свою дочь в плену. Долгожданный час для осуществления его мести наконец настал, и первое, что он использовал из своей власти, когда получил ее в Александрии, был приказ обезглавить свою дочь.

Глава V.

Восшествие на престол.

В то время, когда противоестественная ссора между отцом Клеопатры и ее сестрой приближалась к своему ужасному завершению, о чем рассказывалось в предыдущей главе, она сама, цветущая и красивая девушка лет пятнадцати, проживала в царском дворце в Александрии. К счастью для нее, она была слишком молода, чтобы лично принимать какое-либо активное участие в состязании. Двое ее братьев были все еще моложе ее. Таким образом, все трое остались в королевских дворцах тихими зрителями революции, не получив от нее ни пользы, ни вреда. Примечательно, что обоих мальчиков звали Птолемеи.

Волнение в Александрии было сильным и всеобщим, когда римская армия вошла в нее, чтобы восстановить отца Клеопатры на его троне. Очень большая часть жителей была довольна восстановлением прежнего короля. На самом деле, ретроспективный взгляд на историю королей показывает, что, когда законныйнаследственный государь или династия свержается и изгоняется восставшим населением, независимо от того, насколько невыносимой могла быть тирания или насколько чудовищными были преступления, которыми истощалось терпение подданных, истечения всего нескольких лет обычно бывает достаточно, чтобы вызвать всеобщую готовность согласиться на реставрацию; и в этом конкретном случае в правительстве Береники в период, пока сохранялась ее власть, не было такого превосходства над правительством ее отца, которое могло бы привести к тому, что она была лишена власти. она переехала, чтобы сделать этот случай исключением из общего правила. Таким образом, основная масса народа — особенно те, кто не принимал активного участия в правительстве Береники, — была готова приветствовать возвращение Птолемея в его столицу. Все те, кто принимал такое участие, были без промедления казнены по приказу Птолемея.

Конечно, в связи с прибытием римской армии в городе царило большое волнение. Все иностранное влияние и власть, которые до сих пор применялись в Египте, и почти все офицеры, как гражданские, так и военные, были греками. Приход римлян внес новый элемент интереса в бесконечное разнообразие развлечений, оживлявших столицу.

Восстановление власти Птолемея было отмечено играми, зрелищами и празднествами всякого рода, и, конечно, главным центром интереса во всех этих общественных торжествах, помимо самого царя, были выдающиеся иностранные полководцы, с помощью которых была достигнута цель.

Марк Антоний в то время был особым объектом общественного уважения и восхищения. Его эксцентричные манеры, его откровенный вид, римская простота одежды и манер поведения делали его заметным; а его вмешательство в спасение жизней захваченного гарнизона Пелузии и интерес, который он проявлял к оказанию таких выдающихся похоронных почестей врагу, которого его армия убила в бою, внушили народу представление об определенном благородстве и великодушии в его характере, которые, несмотря на его недостатки, сделали его объектом всеобщего восхищения и аплодисментов. Сами недостатки такого человека часто принимают в глазах мира облик добродетелей. Например, об Антонии рассказывают, что однажды в течение его жизни, имея желание сделать какой-то подарок определенному человеку в отместку за оказанную ему услугу, он приказал своему казначею выслать своему другу сумму денег - и назвал сумму, подлежащую отправке, значительно большую, чем действительно требовалось при обстоятельствах дела, — действуя таким образом, как он часто делал, под влиянием слепой и нерасчетливой щедрости. Казначей, более благоразумный, чем его хозяин, хотел уменьшить сумму, но он не осмелился прямо предложить уменьшение; поэтому он отсчитал деньги и сложил их стопкой в том месте, где должен был проходить Антоний, думая, что когда Антоний увидит сумму, он поймет, что она слишком велика. Энтони, проходя мимо, спросил, что это за деньги. Казначей сказал, что это была сумма, которую он приказал отправить в подарок такому-то человеку, назвав при этом имя предполагаемого лица. Антоний быстро понял цель маневра казначея. Он немедленно ответил: “Ах! это все? Я подумал, что сумма, которую я назвал, будет выглядеть лучше; пошлите ему двойную сумму”.

Решение при подобных обстоятельствах удвоить расточительность только с целью помешать честной попытке верного слуги уменьшить ее, предпринятой к тому же столь осторожным и деликатным способом, безусловно, является ошибкой. Но это один из тех проступков, за которые мир во все века будет упорно восхищаться и восхвалять виновного.

Одним словом, Антоний стал объектом всеобщего внимания и благосклонности во время своего пребывания в Александрии. Не известно, привлекал ли он внимание Клеопатры в то время или нет. Она, однако, сильно привлекла его. Он восхищался ее цветущей красотой, ее жизнерадостностью и остроумием, а также различными достижениями. Однако она была еще так молода — ей было всего пятнадцать лет, в то время как Энтони было почти тридцать, — что, вероятно, не произвела на него серьезного впечатления. Вскоре после этого Антоний вернулся в Рим и много лет больше не видел Клеопатру.

Когда два римских полководца ушли из Александрии, они оставили значительную часть армии позади себя под командованием Птолемея, чтобы помочь ему сохранить за собой трон. Антоний вернулся в Рим. Он приобрел большую известность своим походом через пустыню, а также успешным завершением вторжения в Египет и восстановлением власти Птолемея. Его фонды

также пополнились за счет огромных сумм, выплаченных ему и Габинию Птолемеем. Сумма, которую, как говорят, Птолемей согласился заплатить в качестве платы за свое восстановление, составляла две тысячи талантов, что равно десяти миллионам долларов — сумма, которая показывает, насколько масштабными были операции этой знаменитой кампании. Птолемей собрал большую часть денег, необходимых для своих выплат, конфисковав поместья, принадлежавшие тем друзьям правительства Береники, которых он приказал убить. На самом деле говорили, что число тех, кто был приговорен к смерти, значительно увеличилось из-за того, что Птолемей так остро нуждался в их имуществе для выполнения своих обязательств.

Антоний, благодаря результатам этой кампании, внезапно оказался поднят из положения опозоренного и бездомного беглеца до положения одного из самых богатых и известных и, следовательно, одной из самых могущественных фигур в Риме. Примерно в это время между Цезарем и Помпеем разразилась великая гражданская война. Антоний поддержал дело Цезаря.

Тем временем, пока бушевала гражданская война между Цезарем и Помпеем, Птолемею удалось сохранить свое место на троне с помощью римских солдат, которых ему оставили Антоний и Габиний, примерно на три года. Когда он обнаружил, что приближается к концу жизни, перед ним возник вопрос, кому он должен оставить свое королевство. Клеопатра была старшим ребенком и подавала большие надежды как в отношении умственных способностей, так и личного обаяния. Ее братья были значительно моложе ее. Притязания сына, хотя и младшего, казались от природы более сильными, чем притязания дочери; но командирские таланты и растущее влияние Клеопатры, по-видимому, заставляли сомневаться в том, что было бы безопасно пройти мимо нее. Отец решил этот вопрос так, как обычно преодолевались подобные трудности в семье Птолемеев. Он распорядился, чтобы Клеопатра вышла замуж за старшего из своих братьев и чтобы они вдвоем заняли трон. Придерживаясь также, по-прежнему, идеи союза Египта с Римом, которая была ведущим принципом всей политики его правления, он торжественно поручил исполнение своей воли и опеку над своими детьми римскому сенату посредством предоставления самого документа. Сенат принял это назначение и назначил Помпея агентом, со своей стороны, для выполнения обязанностей траста. Сразу после этого внимание Помпея было слишком поглощено гражданской войной, которая велась между ним и цезарем, чтобы предпринимать какие-либо активные шаги в отношении обязанностей, связанных с его назначением. Казалось, однако, что в этом не было необходимости, поскольку все партии в Александрии, по-видимому, были склонны после смерти царя согласиться с достигнутыми им договоренностями и присоединиться к их осуществлению. Клеопатра была замужем за своим братом — правда, всего лишь мальчиком. Ему было около десяти лет. Ей самой было около восемнадцати. Они оба были слишком молоды, чтобы править; они могли только царствовать. Соответственно, делами королевства управляли два министра, назначенных их отцом. Этими министрами были Потин, евнух, который был чем-то вроде государственного секретаря, и Ахилл, главнокомандующий армиями.

Таким образом, хотя Клеопатра в результате этих событий номинально стала царицей, ее реальное восшествие на трон еще не было совершено. Предстояло еще пройти через множество трудностей и опасностей, прежде чем наступит период, когда она действительно станет правительницей. Сама она не предпринимала никаких немедленных попыток ускорить этот период, но, с другой стороны, кажется, на какое-то время очень спокойно согласилась с приготовлениями, которые сделал ее отец.

Потин был евнухом. Долгое время он был правительственным чиновником при Птолемеях, отце. Он был гордым, амбициозным и властолюбивым человеком, полным решимости править и очень беспринципным в отношении средств, которые он использовал для достижения своих целей. Он привык относиться к Клеопатре как к простому ребенку. Теперь, когда она стала царицей, он очень не хотел, чтобы реальная власть перешла в ее руки. Ревность и неприязнь, которые он испытывал к ней, быстро возросли, когда в течение первых двух или трех лет после смерти ее отца он обнаружил, что у нее быстро растет сила характера, а также влияние и господство, которые она приобретала над всеми окружающими. Ее красота, ее достижения и некое неописуемое очарование, которое пронизывало все ее поведение, в сочетании придавали ей огромную личную силу. Но, в то время как эти события пробудили в других умах интерес к Клеопатре и привязанность к ней, они только усилили ревность и зависть Потина. Клеопатра становилась его соперницей. Он пытался помешать ей и обойти ее. Он вел себя по отношению к ней надменно и властно, чтобы удержать ее на том месте, которое, по его мнению, ей подобало быть его подопечной, поскольку он все еще был опекуном Клеопатры и ее мужа, а также регентом королевства.

У Клеопатры было много того, что иногда называют духом, и такое обращение вызвало ее негодование. По мере того как ссора разрасталась, Потин приложил все усилия, чтобы привлечь на свою сторону ее молодого мужа, Птолемея. Птолемей был моложе и обладал характером гораздо менее выраженным решительным, чем Клеопатра. Потин увидел, что ему гораздо легче и гораздо дольше сохранять контроль над ним, чем над Клеопатрой. Ему удалось пробудить в молодом Птолемеях ревность к растущему влиянию его жены и побудить его присоединиться к усилиям по пресечению этого влияния. Эти попытки настроить мужа против нее только еще больше разожгли негодование Клеопатры. Ее дух был не из тех, кого можно было принудить. Дворец был полон разногласий соперников. Потин и Птолемей начали принимать меры для привлечения армии на свою сторону. В конце концов последовал открытый разрыв, и Клеопатра была изгнана из королевства.

Она уехала в Сирию. Сирия была ближайшим местом убежища, и, кроме того, это была страна, из которой была оказана помощь, благодаря которой ее отец был восстановлен на троне, когда он был изгнан подобным образом много лет назад. Правда, ее отец сначала отправился в Рим, но помощь, о которой он договаривался, была прислана из Сирии. Клеопатра надеялась получить такую же помощь, отправившись прямо туда.

Она не была разочарована. Она собрала армию и начала свой поход на Египет, следуя тем же путем, которым шли Антоний и Габиний, чтобы восстановить на престоле ее отца. Потин собрал армию и выступил ей навстречу. Он назначил Ахилласа командующим войсками, а молодого Птолемея номинальным сувереном; в то время как он, как опекун молодого царя и премьер-министр, осуществлял реальную власть. Войска Потина продвинулись к Пелузию. Здесь они встретились с войсками Клеопатры, наступавшими с востока. Армии расположились лагерем не очень далеко друг от друга, и обе стороны начали готовиться к битве.

Битва, однако, не состоялась. Этому помешали некоторые великие и непредвиденные события, которые во время этого кризиса внезапно ворвались на сцену египетской истории и повернули все течение событий в новое и неожиданное русло. Начало гражданской войны между великими римскими полководцами Цезарем и Помпеем и их соответствующими сторонниками уже упоминалось как произошедшее вскоре после смерти отца Клеопатры и помешавшее

Помпею занять должность исполнителя завещания. С тех пор эта война бушевала со страшной яростью. Ее отдаленные раскаты были слышны даже в Египте, но они были слишком отдаленными, чтобы вызвать там какую-то особую тревогу. Огромные армии этих двух могущественных завоевателей медленно продвигались — подобно двум свирепым хищным птицам, летящим по воздуху и сражающимся на лету, — через Италию в Грецию, а из Греции через Македонию в Фессалию, вступая в ужасные схватки друг с другом по мере продвижения, топча и уничтожая все на своем пути. Наконец, при Фарсалии произошла великая финальная битва. Помпей потерпел полное поражение. Он бежал на берег моря, и там, с несколькими кораблями и небольшим числом последователей, он двинулся по Средиземному морю, не зная, куда бежать, и охваченный несчастьем и отчаянием. Цезарь бросился за ним в погоню. При нем был небольшой флот галер, на борт которых он погрузил две или три тысячи человек. Это были силы, подходящие, возможно, для преследования беглеца, но совершенно недостаточные для любого другого замысла.

Помпей подумал о Птолемее. Он вспомнил усилия, которые он сам приложил для защиты дела Птолемея Авлета в Риме, и успех этих усилий по обеспечению реставрации этого монарха — событие, благодаря которому только молодой Птолемей смог получить корону. Поэтому он прибыл в Пелузий и, бросив якорь на своем маленьком флоте у берега, послал на сушу просить Птолемея принять его и защитить. Потин, который на самом деле был командующим армией Птолемея, ответил на это заявление, что Помпея следует принять и защитить и что он пришлет лодку, чтобы доставить его на берег. Помпей испытывал некоторые опасения по поводу этого предложенного гостеприимства, но в конце концов решил отправиться на берег в лодке, которую прислал за ним Потин. Как только он приземлился, египтяне по приказу Потина закололи его и обезглавили на песке. Потин и его совет решили, что это будет самый безопасный путь. Если бы они приняли Помпея, рассуждали они, Цезарь стал бы их врагом; если бы они отказались принять его, сам Помпей был бы оскорблен, и они не знали, кому из двоих было бы безопасно вызвать недовольство; ибо они не знали, каким образом, если обоим полководцам оставить жизнь, война в конечном счете закончится. “Но, убив Помпея, - говорили они, - мы наверняка доставим удовольствие цезарю, а сам Помпей *будет лежать спокойно*”.

Тем временем Цезарь, не зная, в какую часть Египта бежал Помпей, направился прямо к Александрии. Поступая таким образом, он подвергал себя большой опасности, поскольку сил под его командованием было недостаточно, чтобы защитить его в случае возникновения у него трудностей с тамошними властями. Также он не мог, однажды прибыв на египетское побережье, легко уехать снова; ибо в то время года, когда произошли эти события, периодически дул ветер, который постоянно дул в сторону этой части побережья, и, хотя это очень облегчало флотилии кораблей путь в Александрию, делало для них возвращение почти невозможным.

Цезарь не привык уклоняться от опасности в любых своих предприятиях и планах, хотя обычно он был благоразумен и осмотрителен. Однако в данном случае его горячий интерес к преследованию Помпея превзошел все соображения личной безопасности. Он прибыл в Александрию, но обнаружил, что Помпея там нет. Он бросил якорь в порту, высадил войска и обосновался в городе. Эти два события, убийство одного из великих римских полководцев на восточной оконечности побережья и прибытие другого в тот же момент в Александрию на западной, внезапно обрушились на Египет вместе, подобно одновременным раскатам грома. Эта весть повергла в изумление всю страну и немедленно привлекла всеобщее внимание. В лагерях Клеопатры и Птолемея в Пелузии царили волнение и изумление. Вместо того чтобы

думать о битве, обе стороны были всецело заняты размышлениями о результатах, которые, вероятно, придут к той или иной стороне в совершенно новом и неожиданном аспекте, который приобрели общественные дела.

Конечно, мысли всех были обращены к Александрии. Потин немедленно отправился в город, взяв с собой молодого царя. Ахиллес тоже либо сопровождал их, либо последовал вскоре после них. Они унесли с собой голову Помпея, которую отрубили на берегу, где убили его, а также печать, которую сняли с его пальца. Прибыв в Александрию, они отправили голову, завернутую в ткань, а также печать в подарок цезарю. Привыкшие к жестоким поступкам и бессердечной жестокости Птолемеев, они полагали, что цезарь будет ликовать при виде отсеченной и ужасной головы своего великого соперника и врагини. Вместо этого он был потрясен и недоволен и приказал похоронить голову с самыми торжественными и внушительными похоронными церемониями. Он, однако, принял и сохранил печать. На нем был выгравирован лев с мечом в лапе — подходящая эмблема характеров людей, которые, будучи во многих отношениях великодушными и справедливыми, наполнили весь мир ужасом своих ссор.

Армия Птолемея, в то время как он сам и его ближайшие советники отправились в Александрию, была оставлена в Пелузии под командованием других офицеров для наблюдения за Клеопатрой. Сама Клеопатра также была бы рада отправиться в Александрию и обратиться к цезарю, если бы это было в ее силах; но она находилась за пределами страны, а мощная армия ее врагов была готова перехватить ее при любой попытке войти в нее или пройти через нее. Поэтому она осталась в Пелузии, не зная, что делать.

Между тем вскоре Цезарь оказался в несколько затруднительном положении в Александрии. В течение многих лет он привык обладать самой абсолютной и деспотической властью, где бы он ни находился; и теперь, когда Помпей, его великий соперник, был мертв, он считал себя монархом и повелителем мира. Однако в Александрии у него не было никаких средств, достаточных для поддержания и претворения в жизнь таких притязаний, и все же он был не в силах ни в малейшей степени ослабить из-за этого их рост. Он обосновался во дворцах Александрии так, словно сам был царем. Он торжественно передвигался по улицам города во главе своей стражи, демонстрируя обычные эмблемы верховной власти, использовавшиеся в Риме. Он потребовал шесть тысяч талантов, которые Птолемей Авлет ранее пообещал ему за заключение союзного договора с Римом, и призвал Потина выплатить причитающуюся сумму. Более того, он сказал, что по воле Авлета римский народ был назначен исполнителем; и что на него, как римского консула и, следовательно, представителя римского народа, возложено возложить это доверие и при его исполнении урегулировать спор между Птолемеем и Клеопатрой; и он призвал Птолемея подготовить и представить ему заявление о своих притязаниях и основаниях, на которых он отстаивал свое право на трон, исключая Клеопатру.

С другой стороны, Потин, который так же мало привык признавать превосходство, как и цезарь, хотя его превосходство и господство осуществлялись в несколько более скромных масштабах, был упрям и настойчив в сопротивлении всем этим требованиям, хотя средства и методы, к которым он прибегал, носили характер, соответствующий его слабому и неблагородному уму. Он разжигал ссоры на улицах между александрийским населением и солдатами Цезаря. Он думал, что, поскольку количество войск под командованием цезаря в городе и судов в порту было небольшим, он мог безнаказанно дразнить и беспокоить римлян, хотя у него и не хватало смелости открыто напасть на них. Он притворялся другом или, по крайней мере, не врагом, и

все же вел себя по отношению к ним властно и дерзко. Он согласился принять меры по снабжению их продовольствием, и добился этого, закупив испорченную провизию самого низкого качества; и когда солдаты запротестовали, он сказал им, что те, кто живет за счет других людей, не имеют права жаловаться на свою пищу. Он приказал использовать во дворце деревянные и глиняные сосуды и сказал в качестве объяснения, что был вынужден продать всю золотую и серебряную посуду царского двора, чтобы удовлетворить требования цезаря. Он также был занят в городе, пытаясь возбудить ненависть к предложению Цезаря заслушать и решить спорный вопрос между Клеопатрой и Птолемеем. По его словам, Птолемей был сувереном и не подчинялся никакой иностранной державе. Таким образом, не имея ни смелости, ни энергии, чтобы прибегнуть к какой-либо открытой, мужественной и эффективной системе враждебности, он довольствовался тем, что преодолевал все трудности, которые были в его силах, создавая непрекращающееся давление мелких, досадных и провоцирующих, но бесполезных неприятностей. Требования цезаря, возможно, были несправедливыми, но они были смелыми, мужественными и неприкрытыми. Евнух, возможно, был прав, сопротивляясь им; но способ был настолько низким и презренным, что человечество всегда разделяло с цезарем чувства, которые у них формировались как у зрителей состязания.

С очень небольшими силами, которые были в распоряжении цезаря, и запертый в центре очень большого и могущественного города, в котором и гарнизон, и население с каждым днем становились все более враждебными по отношению к нему, он вскоре обнаружил, что его положение начинает угрожать очень серьезной опасности. Он не мог уйти со сцены. Он, вероятно, не ушел бы на пенсию, если бы мог это сделать. Поэтому он остался в городе, ведя себя все время осмотнительно, но все же сохраняя, как и вначале, тот же вид уверенного самообладания и превосходства, которые всегда характеризовали его поведение. Однако он немедленно отправил гонца в Сирию, ближайшую страну, находившуюся под римским владычеством, с приказом погрузить на корабли несколько легионов, которые были размещены там, и переправить их в Александрию со всей возможной быстротой.

Глава VI.

Клеопатра и Цезарь.

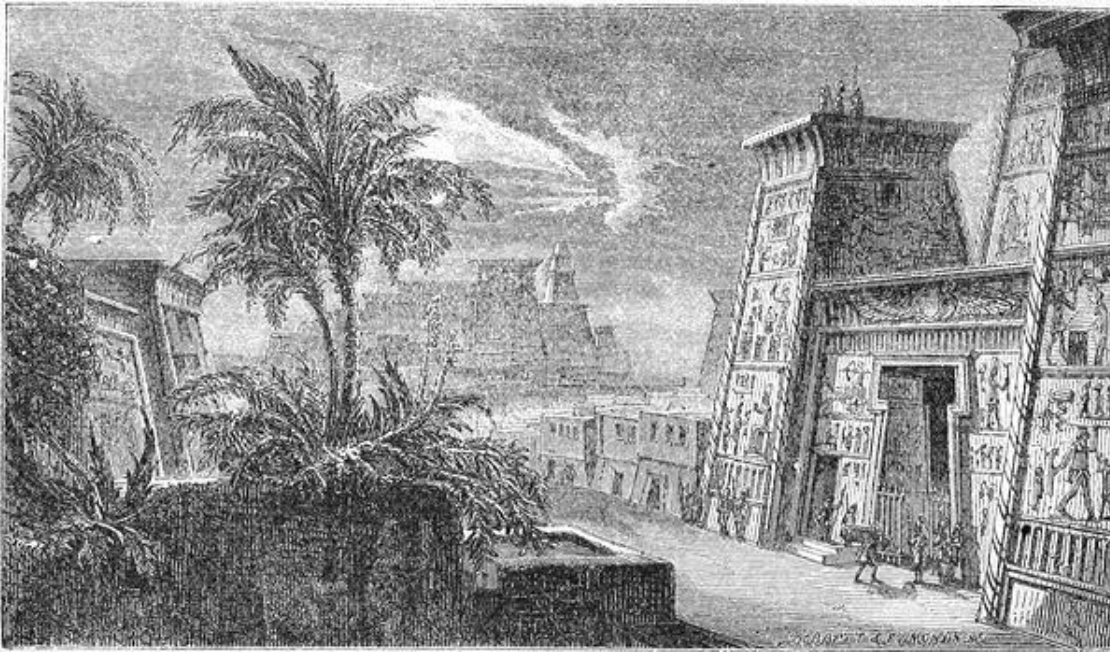
Тем временем, пока в Александрии происходили события, описанные в предыдущей главе, Клеопатра оставалась встревоженной в своем лагере, какое-то время совершенно не зная, как ей лучше поступить. Она хотела быть в Александрии. Она очень хорошо знала, что власть цезаря в контроле за ходом дел в Египте обязательно будет высшей. Она, конечно, была очень серьезна в своем желании иметь возможность изложить перед ним свое дело. Как бы то ни было, Птолемей и Потин поддерживали связь с арбитром и, насколько она знала, усердно добивались его расположения, в то время как она была далеко, ее дело не было услышано, о ее

ошибках не знали и, возможно, даже о ее существовании забыли. Конечно, при таких обстоятельствах она очень хотела попасть в Александрию.

Но то, как достичь этой цели, было источником большого недоумения. Она не могла отправиться туда во главе армии, поскольку армия царя была укреплена в Пелузии, и фактически преграждала путь. Она не могла попытаться проехать одна или с несколькими сопровождающими через страну, поскольку каждый город и деревня были заняты гарнизонами и офицерами под командованием Потина, и ее наверняка перехватили бы. У нее не было флота, и поэтому она не могла совершить переход по морю. Кроме того, даже если бы она могла каким-либо образом добраться до ворот Александрии, как она могла безопасно пройти по улицам города ко дворцу, где жил цезарь, поскольку город, за исключением покоев цезаря, был полностью в руках правительства Потина? Таким образом, трудности на пути к достижению ее цели казались почти непреодолимыми.

Однако она была полна решимости предпринять попытку. Она отправила сообщение цезарю, прося разрешения предстать перед ним и отстаивать свое собственное дело. Цезарь ответил, уговаривая ее во что бы то ни стало приехать. Она села в единственную лодку и с минимально возможным количеством сопровождающих направилась вдоль побережья в Александрию. Человеком, на которого она в основном полагалась в этой опасной экспедиции, был слуга по имени Аполлодор. Однако у нее были и другие слуги. Когда отряд добрался до Александрии, они дождались ночи, а затем подошли к подножию стен цитадели. Здесь Аполлодор завернул царицу в кусок ковра и, накрыв весь сверток тканью, перевязал его ремешком, чтобы придать ему вид тюка с обычными товарами, а затем, перекинув ношу через плечо, двинулся в город. Клеопатре в это время было около двадцати одного года, но у нее были стройные и грациозные формы, и, следовательно, ноша была не очень тяжелой. Аполлодор подошел к воротам дворца, где жил цезарь. Стражники у ворот спросили его, что это он несет. Он сказал, что это подарок для цезаря. Поэтому они позволили ему пройти, и мнимый носильщик благополучно внес его посылку внутрь.

Когда его развернули и Клеопатра вышла посмотреть, Цезарь был совершенно очарован зрелищем. На самом деле различные противоречивые эмоции, которые она не могла не испытывать при подобных обстоятельствах, придавали двойной интерес ее красивому и выразительному лицу и ее естественным чарующим манерам. Она была взволнована приключением, через которое ей пришлось пройти, и в то же время довольна тем, что ей удалось чудом избежать опасностей. Любопытство и интерес, которые она испытывала, с одной стороны, по отношению к важной персоне, в чье присутствие ее таким странным образом ввели, были очень сильны; но, с другой стороны, они были сдержаны тем чувством робости, которое в новых и неожиданных ситуациях, подобных этой, и при сознании того, что она является объектом пристального наблюдения противоположного пола, неотделимо от природы женщины.

Клеопатра входит во дворец Цезаря.

Разговор, который Цезарь вел с Клеопатрой, усилил впечатление, которое произвело на него ее первое появление. Ее ум и одушевленность, оригинальность ее идей, острота и уместность способа их выражения делали ее, независимо от ее личного обаяния, чрезвычайно занимательной и приятной собеседницей. Фактически, она полностью покорила сердце великого завоевателя; и из-за сильной привязанности к ней, которую он сразу же сформировал, он стал полностью лишен права действовать беспристрастно между ней и ее братом в отношении их соответствующих прав на корону. Мы называем Птолемея братом Клеопатры; ибо, хотя он также фактически был ее мужем, все же, поскольку ему было всего десять или двенадцать лет на момент изгнания Клеопатры из Александрии, брак, вероятно, до сих пор рассматривался лишь как простая формальность. Цезарю было сейчас около пятидесяти двух. У него была жена по имени Кальпурния, с которой он был женат около десяти лет. В то время она жила ненавязчиво и тихо в Риме. Она была дамой с дружелюбным и мягким характером, преданно привязанной к своему мужу, терпеливой и снисходительной к его недостаткам и часто встревоженной и несчастной при мысли о трудностях и опасностях, в которые его так часто вовлекали его пылкие и безграничные амбиции.

Цезарь немедленно начал проявлять очень большой интерес к делу Клеопатры. Лично к ней он относился с величайшим вниманием, и она не могла в какой-то степени не ответить взаимностью на то доброе чувство, с которым он относился к ней. На самом деле для нее было чем-то совершенно новым иметь теплого и преданного друга, поддерживающего ее дело, предлагающего ей защиту и всячески стремящегося способствовать ее счастью. Ее отец всю свою жизнь пренебрегал ею. Ее брат, по годам и пониманию значительно уступавший ей, которого она была вынуждена сделать своим мужем, стал ее смертельным врагом. Это правда, что, лишив ее наследства и изгнав с родной земли, он был всего лишь орудием в руках других коварных людей. Это, однако, отнюдь не улучшило точку зрения, с которой она смотрела на него, а сделало его не только ненавистным, но и достойным презрения. Все правительственные

чиновники при александрийском дворе также ополчились против нее, потому что они полагали, что им будет легче контролировать ее брата, если она будет в отъезде. Таким образом, она всегда была окружена эгоистичными, корыстолюбивыми и непримиримыми врагами. Теперь, казалось, впервые у нее появился друг. Внезапно появился покровитель, чтобы поддержать и защитить ее, — мужчина с очень привлекательной внешностью и манерами, с очень благородным и великодушным духом и самого высокого положения. Он любил ее, и она не могла удержаться от ответной любви к нему. Она полностью вверила свое дело в его руки, доверила ему все свои интересы и полностью отдалась в его власть.

И безграничное доверие, которое она питала к нему, не было незаслуженным в той мере, в какой это было связано с его усилиями вернуть ее на трон. Легионы, за которыми Цезарь послал в Сирию, еще не прибыли, и его положение в Александрии все еще было очень беззащитным и очень ненадежным. Однако из-за этого он ни в малейшей степени не ослабил возвышенности и уверенности в себе того положения, которое он занял, но немедленно приступил к работе по обеспечению реставрации Клеопатры. Это спокойное присвоение права и власти выступать арбитром и решать такой вопрос, как претензии на трон, в стране, где он случайно высадился и обнаружил соперничающих претендентов, спорящих за престолонаследие, в то время как он все еще был совершенно лишен средств для обеспечения превосходства, которое он так хладнокровно присвоил, отмечает огромное господство, которого римская держава достигла в то время в глазах человечества, и, кроме того, особенно характерно для гения и характера цезаря.

Очень скоро после того, как Клеопатра пришла к нему, цезарь послал за молодым Птолемеем и убедил его в долге и целесообразности возвращения Клеопатры. Птолемей начинал теперь достигать возраста, когда можно было бы предположить, что у него есть какое-то собственное мнение по подобному вопросу. Он заявил, что он категорически против любого подобного замысла. В ходе беседы он узнал, что Клеопатра прибыла в Александрию и что затем она скрывалась во дворце Цезаря. Это известие пробудило в его душе величайшее волнение и негодование. Он ушел от цезаря в ярости. Он сорвал с головы диадему, которую привык носить на улицах, бросил ее на землю и растоптал ногами. Он объявил народу, что его предали, и проявил самые яростные признаки досады и огорчения. Главным предметом его жалобы в попытках, которые он предпринимал, чтобы пробудить народное негодование против цезаря и римлян, была постыдная неприличность положения, которое заняла его сестра, отдавшись цезарю так, как она это сделала. Однако наиболее вероятно, если только его характер не сильно отличался от характера любого другого Птолемея в роду, что на самом деле его ревность и гнев пробудил страх перед властным влиянием и властью, которых Клеопатра, вероятно, достигнет с помощью столь выдающегося защитника, а не какие-либо другие последствия его дружбы или какие-либо реальные соображения деликатности по отношению к доброму имени его сестры или его собственной супружеской чести.

Как бы то ни было, Птолемею вместе с Потинном, Ахиллом и всеми другими его друзьями и приверженцами, которые присоединились к нему в ужасном крике, который он поднял против коалиции, которую он обнаружил между Клеопатрой и Цезарем, удалось вызвать очень всеобщее и жестокое волнение по всему городу. Население было возбуждено и начало собираться большими толпами, полными негодования и гнева. Некоторые знали факты и действовали, руководствуясь чем-то вроде понимания причины своего гнева. Другие знали только, что целью этой внезапной вспышки было нападение на римлян, и были готовы под

любым предлогом, известным или неизвестным, присоединиться к любым актам насилия, направленным против этих чужеземных захватчиков. Были еще другие, и их, вероятно, было гораздо больше, которые ничего не знали и не понимали, кроме того, что во дворцах и вокруг них должны были начаться беспорядки, и, соответственно, стремились быть там.

У Птолемея и его офицеров не было большого количества войск в Александрии; ибо события, которые к настоящему времени произошли после прибытия Цезаря, сменяли друг друга так быстро, что прошло еще очень мало времени, а основная армия все еще оставалась в Пелузии. Таким образом, основные силы, которыми теперь атаковали Цезаря, состояли из населения города, возглавляемого, возможно, немногочисленной стражей, находившейся в распоряжении молодого царя.

Цезарь, со своей стороны, имел лишь небольшую часть своих войск во дворце, где на него напали. Остальные были разбросаны по городу. Он, однако, похоже, не почувствовал никакой тревоги. Он даже не ограничился действиями в обороне. Он послал отряд своих солдат с приказом схватить Птолемея и привести его в качестве пленника. Солдаты, обученные, дисциплинированные и вооруженные, какими были римские ветераны, и воодушевленные пылом и энтузиазмом, которые, казалось, всегда воодушевляли войска, находившиеся под личным командованием цезаря, могли выполнить почти любое предприятие против простого населения, каким бы многочисленным или яростно возбужденным оно ни было. Солдаты сделали вылазку, схватили Птолемея и привели его внутрь.

Население сначала было поражено дерзкой самонадеянностью этого поступка, а затем пришло в ярость от его унижительность, расцененной как посягательство на личность их государя. Волнение значительно усилилось бы, если бы цезарь, который теперь достиг всех своих целей, попав таким образом в руки Клеопатры и Птолемея, не считал наиболее целесообразным утихомирить его. Соответственно, он поднялся к окну башни или какой-либо другой возвышенной части своего дворца, настолько высокой, что ракеты из толпы внизу не могли долететь до него, и начал подавать сигналы, выражающие его желание обратиться к ним.

Когда воцарилась тишина, он произнес речь, хорошо рассчитанную на то, чтобы утихомирить волнение. Он сказал им, что не претендует ни на какое право судить Клеопатру и Птолемея как их начальник, но только при исполнении долга, торжественно возложенного Птолемеем Авлетом, отцом, на римский народ, представителем которого он был. Кроме этого, он не претендовал ни на какую юрисдикцию в этом деле; и его единственным желанием при исполнении возложенной на него обязанности рассматривать дело было решить вопрос справедливым образом для всех заинтересованных сторон и таким образом остановить развитие гражданской войны, которая, если ее не остановить, грозила вовлечь страну в самые ужасные бедствия. Поэтому он посоветовал им разойтись и больше не нарушать покой города. Он немедленно примет меры для разрешения вопроса между Клеопатрой и Птолемеем, и он не сомневался, что все они будут удовлетворены его решением.

Эта речь, произнесенная в той красноречивой и убедительной, но в то же время величественной и внушительной манере, которой так славились речи цезаря перед подобными этому бурными собраниями, произвела большой эффект. Одних убедили, других заставили замолчать; а те, чье негодование и гнев не были утолены, оказались лишенными своей власти из-за умиротворения остальных. Толпа была рассеяна, и Птолемей остался с Клеопатрой под охраной цезаря.

На следующий день Цезарь, согласно своему обещанию, созвал собрание знатных людей Александрии и государственных чиновников, а затем вывел Птолемея и Клеопатру, чтобы решить их дело. Оригинал завещания, составленный Птолемеем Авлетом, был передан на хранение в государственный архив Александрии и тщательно там сохранялся. Его подлинная копия была отправлена в Рим. Цезарь приказал вынести оригинал завещания и зачитать его собранию. Положения его были совершенно ясны. Это требовало, чтобы Клеопатра и Птолемей поженились, а затем передали им верховную власть совместно, как царю и царице. Он признал римское содружество союзником Египта и назначил римское правительство исполнителем воли и опекуном короля и королевы. На самом деле, этот документ был настолько ясным и недвусмысленным, что простое прочтение его, казалось, само по себе давало решение вопроса. Поэтому, когда Цезарь объявил, что, по его мнению, Клеопатра имеет право разделить верховную власть с Птолемеем и что его долгом, как представителя римской власти и исполнителя завещания, было защитить и царя, и царицу в их соответствующих правах, казалось, ничего нельзя было возразить против его решения.

Кроме Клеопатры и Птолемея, в то время в царской семье было еще двое детей Птолемея Авлета. Одной из них была девочка по имени Арсиноя. Другого, мальчика, как ни странно, звали, как и его брата, Птолемеем. Эти дети были совсем маленькими, но Цезарь подумал, что, возможно, это порадовало бы александрийцев и побудило бы их с большей готовностью согласиться с его решением, если бы он выделил для них какое-нибудь царское обеспечение. Соответственно, он предложил передать им остров Кипр в качестве королевства. Это был буквально подарок, поскольку Кипр в то время был римским владением.^[5]

Все собрание, казалось, было удовлетворено этим решением, за исключением Потина. Он был настолько решительным и закоренелым врагом Клеопатры, что, как он прекрасно понимал, ее восстановление должно было закончиться его падением и разорением. Он покинул ассамблею в мрачном настроении, решив, что не подчинится этому решению, но немедленно примет эффективные меры, чтобы предотвратить его приведение в исполнение.

Цезарь организовал серию фестивалей и торжеств, посвященных восстановлению хорошего взаимопонимания между королем и королевой и последующему прекращению войны. Такие празднования, по его мнению, оказали бы большое влияние на устранение любой оставшейся враждебности из умов людей и восстановили бы господство добрых и дружественных чувств во всем городе. Народ согласился с этими мерами и сердечно сотрудничал, чтобы привести их в действие; но Потин и Ахиллес, хотя и подавляли все внешние проявления недовольства, тайно предпринимали неустанные усилия по организации партии и разработке планов свержения влияния Цезаря и возвращения Птолемею статуса единственного и исключительного государя.

Потин объяснил всем, кого он мог заставить выслушать его, что истинный замысел Цезаря состоял в том, чтобы сделать Клеопатру единоличной царицей и свергнуть Птолемея, и призвал их объединиться с ним, чтобы противостоять политике, которая приведет к тому, что Египет окажется под властью женщины. Он также разработал план, связанный с Ахиллом, по приказу армии отступить из Пелузия. Армия состояла из тридцати тысяч человек. Если бы эту армию можно было привести в Александрию и держать под командованием Потина, Цезарь и его три тысячи римских солдат были бы, как они думали, полностью в их власти.

Однако при отдаче приказа армии выступить к столице необходимо было остерегаться одной опасности, а именно того, что Птолемей, находясь под влиянием Цезаря, мог установить связь с

офицерами и таким образом получить контроль над ее передвижениями и сорвать все планы заговорщиков. Чтобы предотвратить это, между Потинном и Ахиллой было условлено, что последний совершит побег из Александрии, немедленно отправится в лагерь в Пелузии, возобновит там командование войсками и сам поведет их в столицу; и что во всех этих операциях, а также впоследствии по прибытии, он не должен подчиняться никаким приказам, если они не поступят к нему через самого Потина.

Хотя часовые, вероятно, были расставлены у ворот и на аллеях, ведущих из города, Ахиллу удалось совершить побег и присоединиться к армии. Он встал во главе войска и начал свой марш к столице. Потин все время оставался в городе в качестве шпиона, притворяясь, что соглашается с решением цезаря и находится с ним в дружеских отношениях, но на самом деле замыслил его свержение и получал всю информацию, которой позволяло ему располагать его положение, чтобы он мог сотрудничать с армией и Ахиллом, когда они придут.

Все это делалось в строжайшей тайне, и заговорщики были настолько хитры и ловки в составлении и осуществлении своих заговоров, что Цезарь, по-видимому, ничего не знал о мерах, которые предпринимали его враги, пока внезапно не услышал, что к городу приближается основная часть армии Птолемея, численностью по меньшей мере в двадцать тысяч человек. Тем временем, однако, силы, за которыми он послал из Сирии, так и не прибыли, и не осталось никакой альтернативы, кроме как защищать столицу и себя самого, насколько это было возможно, с помощью очень небольших сил, которые были в его распоряжении.

Однако сначала он решил испытать действие приказа, разосланного от имени Птолемея и запрещавшего приближаться армии к городу. Соответственно, двум офицерам были доверены эти приказы, и их послали передать их Ахиллу. Звали этих офицеров Диоскорид и Серапион.

Это с очень поразительной точки зрения показывает, до какого невероятного возвышения поднялись авторитет и значение суверенного царя в те древние дни в умах людей, что Ахилл, в тот момент, когда эти люди появились в лагере, очевидно, имея какое-то распоряжение от Птолемея в городе, счел более благоразумным убить их сразу, не выслушав их сообщение, вместо того, чтобы позволить передать приказы, а затем взять на себя ответственность за их неподчинение. Если бы ему удалось пройти маршем на Александрию и овладеть городом, а затем изгнать цезаря и Клеопатру и вернуть Птолемею исключительное владение тронном, он очень хорошо знал, что царь обрадовался бы результату и не обратил бы внимания на все нарушения с его стороны в средствах, с помощью которых он этого добился, за исключением абсолютного неповиновения известному приказу. Какими бы ни были приказы, которые приносили ему эти посланцы, он предположил, что они, несомненно, исходили не от собственной воли Птолемея, а были продиктованы властью цезаря. Тем не менее, это были бы приказы, исходящие от имени Птолемея; и универсальный опыт офицеров, служивших под началом военных деспотов тех древних дней, показал, что вместо того, чтобы брать на себя ответственность за прямое неподчинение однажды полученному царскому приказу, было безопаснее избежать его получения, убив гонцов.

Поэтому Ахиллес приказал схватить и убить офицеров. Соответственно, солдаты сняли их с места и проткнули копьями, а затем тела унесли. Однако выяснилось, что солдаты не выполнили свою работу должным образом. У них не было никакого интереса к такому хладнокровному убийству, и, возможно, что-то вроде чувства сострадания сдерживало их руки. В любом случае, хотя оба мужчины были тяжело ранены, умер только один. Другой выжил и выздоровел.

Ахиллес продолжал продвигаться к городу. Цезарь, обнаружив, что надвигающийся кризис становится очень серьезным по своему характеру, лично принял все командование в столице и начал принимать наилучшие меры, возможные при данных обстоятельствах, чтобы защитить себя там. Его численность была слишком мала, чтобы защитить весь город от превосходящих сил, которые наступали на него. Соответственно, он укрепил свои войска во дворцах и цитадели, а также в таких других частях города, которые казались практически пригодными для обороны. Он забаррикадировал все улицы и переулки, ведущие к этим точкам, и укрепил ворота. Точно так же он, делая таким образом все, что было в его силах, чтобы наилучшим образом использовать недостаточные средства обороны, которые уже были в его руках, не пренебрегал надлежащими усилиями по получению помощи из-за границы. Он отправил галеры в Сирию, на Кипр, на Родос и во все другие доступные из Александрии пункты, где можно было ожидать появления римских войск, настоятельно призывая тамошние власти как можно скорее направить ему подкрепления.

Все это время Клеопатра и Птолемей оставались во дворце с Цезарем, оба якобы сотрудничали с ним в его советах и мерах по защите города от Ахилласа. Клеопатра, конечно, была искренна в этом сотрудничестве, но на приверженность Птолемея общему делу можно было рассчитывать очень мало. Хотя, находясь в таком положении, он был вынужден казаться на стороне цезаря, он, должно быть, втайне желал, чтобы Ахилла добился успеха и планы цезаря были разрушены. Потин был более активен, хотя и не менее осторожен в своей враждебности к ним. Он установил тайную связь с Ахиллой, время от времени посылая ему информацию о том, что происходило внутри стен, и о мерах, принятых там для защиты города от него, а также давал ему указания, как действовать дальше. Он был очень осторожен и проницателен во всех этих действиях, все время притворяясь, что находится на стороне цезаря. Он притворился, что очень рьяно помогает цезарю более эффективно защищать различные точки, откуда следовало ожидать нападения, а также разрабатывает и завершает приготовления к обороне.

Но, несмотря на всю его хитрость, он был уличен в двурушничестве, и его карьера внезапно подошла к концу, прежде чем разразился великий финальный конфликт. В доме цезаря был цирюльник, который по той или иной причине начал подозревать Потина; и, поскольку делать было больше нечего, он занялся тем, что наблюдал за передвижениями евнуха и докладывал о них цезарю. Цезарь велел цирюльнику продолжать свои наблюдения. Он так и сделал; его подозрения вскоре подтвердились, и, наконец, письмо, которое Потин написал Ахиллу, было перехвачено и доставлено цезарю. Это послужило необходимым доказательством того, что они называли его виной, и цезарь приказал обезглавить его.

Это обстоятельство, конечно, вызвало большое волнение во дворце, поскольку Потин в течение многих лет был великим государственным министром - фактически царем во всем, кроме номинального. Его казнь встревожила многих других, которые, хотя и находились во власти цезаря, втайне желали победы Ахиллу. Среди тех, кого больше всего беспокоили эти опасения, был человек по имени Ганимед. Он был офицером, отвечавшим за Арсиною, сестру Клеопатры. Соглашение, предложенное цезарем для установления ее совместно с ее братом Птолемеем власти над островом Кипр, не вступило в силу; ибо сразу же после решения Цезаря внимание всех заинтересованных лиц было полностью поглощено известиями о продвижении армии и напряженными приготовлениями, которые требовались от всех для предстоящего сражения. Поэтому Арсиноя вместе со своим правителем Ганимедом осталась во дворце. Ганимед

присоединился к Потину в его заговорах; и когда Потин был обезглавлен, он пришел к выводу, что для него безопаснее всего улететь.

Поэтому он решил сбежать из города, прихватив с собой Арсиною. Это была очень опасная попытка, но ему удалось ее осуществить. Арсиноя очень хотела уехать, поскольку теперь она становилась достаточно взрослой, чтобы чувствовать импульс того ненасытного и безрассудного честолюбия, которое, казалось, составляло такой существенный элемент в характере каждого сына и дочери во всем роду Птолемеев. Там, где она находилась, она была незначительной и бессильной, но во главе армии она могла немедленно стать королевой.

В первую очередь все закончилось так, как она и ожидала. Ахилл и его армия встретили ее одобрительными возгласами. Под влиянием Ганимеда они решили, что, поскольку все остальные члены королевской семьи находились в незыблемом состоянии, находясь в плену у иностранного генерала, который случайно завладел столицей, и, таким образом, не имел возможности осуществлять королевскую власть, корона перешла к Арсинои; и они соответственно провозгласили ее королевой.

Теперь все было готово к отчаянному и решительному состязанию за корону между Клеопатрой, с Цезарем в качестве ее министра и полководца, с одной стороны, и Арсиной, с Ганимедом и Ахиллесом в качестве ее главных офицеров, с другой. Молодой Птолемей тем временем оставался пленником цезаря, сбитый с толку запутанностью, в которую была вовлечена ссора, и теперь едва ли знал, чего желать в отношении исхода состязания. Было очень трудно предвидеть, что будет лучше для него, если Клеопатра или Арсиноя добьются успеха.

Глава VII.

Александрийская война.

Война, возникшая в результате интриг и маневров, описанных в предыдущей главе, известна в истории Рима и Юлия Цезаря как Александрийская война. События, которые происходили во время ее продвижения и, наконец, завершились триумфом Цезаря и Клеопатры, составят тему этой главы.

В начале сражения Ахиллес имел значительное преимущество перед Цезарем в отношении численности войск под его командованием. На самом деле у Цезаря был с собой всего лишь отряд в три или четыре тысячи человек, небольшое войско, которое он поспешно погрузил на борт небольшой эскадры родосских галер для преследования Помпея через Средиземное море. Когда он отплыл от европейских берегов с этим незначительным флотом, вполне вероятно, что он вообще не ожидал высадки в Египте и уж тем более участия в тамошних крупных военных предприятиях. С другой стороны, Ахиллес стоял во главе отряда из двадцати

тысяч боеспособных людей. Его войска, это правда, были несколько разношерстного характера, но все они были солдатами-ветеранами, привыкшими к климату Египта и искусными во всех способах ведения войны, которые соответствовали характеру страны. Некоторые из них были римскими солдатами, людьми, пришедшими с армией Марка Антония из Сирии, когда Птолемей Авлет, отец Клеопатры, был восстановлен на троне, и оставшимися в Египте на службе у Птолемея, когда Антоний вернулся в Рим. Некоторые из них были коренными египтянами. В армии Ахилласа также было большое количество беглых рабов — беженцев, которые в разные периоды бежали из различных пунктов вдоль берегов Средиземного моря и время от времени включались в состав египетской армии. Все эти беглецы были людьми самого решительного и отчаянного характера.

Под командованием Ахилласа также было две тысячи всадников. Такая кавалерия делала его, конечно, совершенным хозяином всей открытой местности за городскими стенами. Во главе этих войск Ахилл постепенно подошел к самым воротам Александрии, окружил город со всех сторон и плотно окружил Цезаря.

Опасность положения, в которое попал Цезарь, была чрезвычайной; но он так привык успешно выпутываться из самых неминуемых опасностей, что ни он сам, ни его армия, по-видимому, не испытывали никакого беспокойства по поводу результата. Лично Цезарь испытывал особую гордость и удовольствие, сталкиваясь с трудностями и опасностями, которые сейчас окружали его, потому что Клеопатра была с ним, чтобы наблюдать за его поведением, восхищаться его энергией и мужеством и вознаграждать своей любовью усилия и жертвы, которые он приносил, поддерживая ее дело. Она доверяла ему все, но наблюдала за происходящим с живейшим интересом, окрыленная надеждой на результат и гордая чемпионом, который таким образом вызвался защищать ее. Одним словом, ее сердце было полно благодарности, восхищения и любви.

Непосредственным эффектом эмоций, которые она испытывала с такой силой, было также усиление ее природного очарования. Врожденная сила и энергичность ее характера были смягчены и приглушены. Ее голос, который всегда обладал неким невыразимым очарованием, под влиянием привязанности приобрел новую сладость. Ее лицо сияло свежим воодушевлением и красотой, а живость ее характера, которая в более поздние периоды ее жизни превратилась в смелость и эксцентричность, теперь смягченная и сдерживаемая в надлежащих пределах почтительным отношением, с которым она смотрела на Цезаря, делала ее очаровательной собеседницей. Цезарь был, по сути, полностью опьянен очарованием, которое она бессознательно демонстрировала.

При других обстоятельствах можно было бы ожидать, что столь сильная личная привязанность, сформированная военачальником во время прохождения действительной службы, в какой-то степени помешает выполнению им своих обязанностей; но в данном случае, поскольку операции, предпринятые Цезарем, должны были быть продолжены именно ради Клеопатры и от ее имени, его любовь к ней только стимулировала дух и энергию, с которыми он в них участвовал.

Первой мерой, которую следовало принять, было, как ясно понимал Цезарь, сконцентрироваться и укрепить свои позиции в городе, чтобы иметь возможность защищаться там от Ахилласа до тех пор, пока он не получит подкрепления из-за границы. Для этой цели он выбрал определенную группу дворцов и цитаделей, которые располагались рядом с началом

длинной пристани или дамбы, которая вела к Фаросу, и, отозвав свои войска из всех других частей города, разместил их там. В квартале, который он таким образом занял, находились большие городские арсеналы и общественные зернохранилища. Цезарь собрал все военное оружие и амуницию, которые смог найти в других частях города, а также все зерно и другие припасы, которые находились либо на общественных складах, либо на частных складах, и сложил все это в пределах своих границ. Затем он окружил весь квартал мощными укреплениями. Ведущие к нему улицы были забаррикадированы каменными стенами. Дома в окрестностях, которые могли бы послужить убежищем для врага, были снесены, а материалы использовались для возведения стен везде, где они были необходимы, или для укрепления баррикад. Огромные военные машины, созданные для метания тяжелых камней, деревянных балок и других тяжелых снарядов, были установлены в его рядах, а в стенах и других защитных сооружениях цитадели, где это было необходимо, были проделаны отверстия для облегчения действий этих машин.

Вид на Александрию.

В начале пирса, или мола, ведущего к острову Фарос, на котором не было укреплений Цезаря и который все еще находился в руках египетских властей, находилась мощная крепость. Таким образом, египтяне завладели входом в крот. Сам остров вместе с крепостью на другом конце пирса все еще находился во владении египетских властей, которые, по-видимому, намеревались сохранить его для Ахилласа. Мол был очень длинным, так как остров находился почти в миле от берега. На самом острове был довольно маленький городок, помимо крепости или замка, построенного там для защиты этого места. Гарнизон этого замка был силен, и жители города тоже представляли собой несколько внушительное население, поскольку состояли из рыбаков, матросов, вредителей и других отчаянных личностей, которые обычно собираются в подобных местах. Клеопатра и Цезарь из окон своего дворца в черте города смотрели на этот остров с высоким маяком в центре и замком у его основания, а также на длинный и узкий перешеек, соединяющий его с материком, и пришли к выводу, что им очень важно завладеть этим постом, поскольку он контролировал вход в гавань.

Также в гавани, которая, как видно из гравюры, находилась на южной стороне мола и, следовательно, на стороне, противоположной той, с которой Ахилла продвигался к городу, стояло большое количество египетских судов, некоторые из которых были разобраны, а другие укомплектованы экипажами и вооружены более или менее эффективно. Эти суда еще не попали в руки Ахилласа, но было ясно, что он завладеет ими, как только получит доступ в те части города, которые покинул Цезарь. Это было чрезвычайно важно предотвратить, ибо, если бы Ахилла удержал этот флот, особенно если бы он продолжал командовать островом Фарос, он был бы совершенным хозяином всех подходов к городу со стороны моря. Тогда он мог бы не только сам получать подкрепления и припасы из этого квартала, но и фактически отрезать римскую армию от всякой возможности их получения. Поэтому, как считал Цезарь, было настоятельно необходимо, чтобы он защитил себя от этой опасности. Это он сделал, отправив экспедицию с целью сжечь все суда в гавани и в то же время завладеть неким фортом на острове Фарос, который контролировал вход в порт. Это предприятие было чрезвычайно успешным. Войска сожгли суда, взяли форт, изгнали из него египетских солдат и вместо этого разместили в нем римский гарнизон, а затем благополучно вернулись в пределы обороны Цезаря. Клеопатра наблюдала за этими подвигами из окон своего дворца с чувством глубочайшего восхищения энергией и доблестью, которые проявили ее римские защитники.

Сожжение египетских кораблей в ходе этого сражения, каким бы удачным оно ни было для Клеопатры и Цезаря, сопровождалось катастрофой, о которой с тех пор скорбит весь цивилизованный мир. Некоторые из горящих кораблей были отнесены ветром к берегу, где они подожгли здания, примыкавшие к воде. Пламя распространилось и вызвало обширный пожар, в ходе которого была уничтожена большая часть великой библиотеки. Эта библиотека была единственным общим собранием древних писаний, которое когда-либо создавалось, и ее утрата так и не была восстановлена.

Уничтожение египетского флота привело также к падению и разорению Ахилласа. С момента прибытия Арсинои в лагерь между ним и Ганимедом, евнухом, сопровождавшим Арсиною в ее бегстве, было постоянное соперничество и ревность. В армии были сформированы две партии, одни выступали за Ахилласа, другие - за Ганимеда. Арсиноя защищала интересы Ганимеда, и когда, наконец, флот был сожжен, она обвинила Ахилласа в том, что он из-за своего пренебрежения или неспособности стал причиной потери. Ахилласа судили, осудили и

обезглавили. С этого времени Ганимед взял на себя управление правительством Арсинои в качестве ее государственного министра и главнокомандующего ее армиями.

Примерно в то время, когда произошли эти события, египетская армия продвинулась в те части города, из которых отступил цезарь, вызвав те ужасные сцены паники и замешательства, которые всегда сопровождают внезапную и насильственную смену военных порядков в черте города. Ганимед со всех сторон подтянул свои войска к стенам цитаделей и укреплений Цезаря и плотно окружил его. Он отрезал все пути подхода к позициям Цезаря по суше и начал энергичную подготовку к штурму. Он сконструировал машины для разрушения стен. Он открыл магазины и основал кузницы в каждой части города для изготовления дротиков, копий, пик и всех видов военной техники. Он построил башни, опирающиеся на огромные колеса, с намерением заполнить их вооруженными людьми, когда они, наконец, будут готовы к нападению на позиции Цезаря, и подтащить их к стенам цитаделей и дворцов, чтобы дать своим солдатам преимущество возвышенности при проведении своих атак. Он взимал взносы с богатых граждан, собирая необходимые средства, и обеспечивал себя людьми, привлекая к себе на службу всех ремесленников, чернорабочих и мужчин, способных носить оружие. Он разослал гонцов обратно в глубь страны, во все стороны, призывая народ к оружию и требуя жертвований деньгами и военными припасами.

Этим посланцам было поручено убедить народ, что, если цезарь и его армия не будут немедленно изгнаны из Александрии, существует неминуемая опасность того, что национальная независимость Египта будет навсегда уничтожена. Римляне, по их словам, распространили свои завоевания почти на весь остальной мир. Они и раньше посылали в Египет одну армию под командованием Марка Антония под предлогом восстановления на троне Птолемея Авлета. Теперь пришел другой командир с другими войсками, предложивший какие-то другие предлоги для вмешательства в их дела. Посланники должны были сказать, что эти римские вторжения закончатся полным подчинением Египта иностранной державе, если только народ страны не поднимется, чтобы мужественно встретить опасность и изгнать незваных гостей.

Поскольку Цезарь владел островом Фарос и гаванью, Ганимед не мог лишить его возможности получать такое пополнение людьми и оружием, какое он мог получить за морем; он также не мог сократить его запасы продовольствия, поскольку зернохранилища и склады в квартале Цезаря в городе содержали почти неисчерпаемые запасы зерна. Оставался один пункт, необходимый для существования осажденной армии, и это был обильный запас воды. Дворцы и цитадели, которые занимал Цезарь, снабжались водой с помощью многочисленных подземных акведуков, по которым вода из Нила поступала в огромные цистерны, построенные под землей, откуда ее поднимали ведрами и гидравлическими двигателями для использования. Размышляя над этим обстоятельством, Ганимед задумал тайно прорыть канал, чтобы с его помощью направить воды моря в эти акведуки. Этот план он привел в исполнение. Следствием этого было то, что вода в цистернах постепенно менялась. Сначала она становилась солоноватой, затем все более соленой и горькой, пока, наконец, ее стало совершенно невозможно использовать. Некоторое время армия внутри страны не могла понять этих изменений; и когда, наконец, они обнаружили причину, солдат охватила паника при мысли, что теперь они, по-видимому, полностью находятся во власти своих врагов, поскольку без запасов воды все они должны немедленно погибнуть. Они считали безнадежными попытки продержаться дольше и убеждали цезаря покинуть город, погрузиться на борт своих галер и выйти в море.

Однако вместо того, чтобы сделать это, цезарь, приказав приостановить все другие операции, задействовал всю рабочую силу под своим командованием под руководством капитанов нескольких рот для рытья колодцев в каждой части своего квартала города. Пресная вода, по его словам, почти всегда находилась на умеренной глубине на морских побережьях, даже на земле, лежащей в непосредственной близости от моря. Раскопки были успешными. Была найдена пресная вода в большом изобилии. Таким образом, опасность миновала, и страхи людей окончательно рассеялись.

Вскоре после того, как произошли эти сделки, однажды в гавань с берега к западу от города вошел небольшой шлюп, доставивший разведданные о том, что эскадра транспортов прибыла на побережье к западу от Александрии и бросила там якорь, не имея возможности подойти к городу из-за восточного ветра, который преобладал в это время года. Эта эскадрилья была отправлена через Средиземное море с оружием, боеприпасами и военными припасами для Цезаря в ответ на запросы, которые он сделал сразу после высадки. Транспорты, стоявшие таким образом у берега, скованные ветром, и почти исчерпавшие свои запасы воды, терпели бедствие; и они, соответственно, послали вперед шлюп, который, вероятно, приводился в движение веслами, чтобы сообщить о своем положении цезарю и попросить помощи. Цезарь немедленно сам поднялся на борт одной из своих галер и, приказав остальной части своего маленького флота следовать за ним, вышел из гавани, а затем повернул на запад, намереваясь пройти вдоль побережья к месту стоянки транспортов.

Все это делалось тайно. Местность в окрестностях Александрии настолько низкая, что лодки или галеры не видны с нее на очень небольшом расстоянии от берега. На самом деле, путешественники говорят, что при приближении к побережью иллюзия, создаваемая сферической формой поверхности воды и низким и ровным характером побережья, такова, что кажется, что человек действительно спускается с моря на сушу. Таким образом, Цезарь мог бы легко сохранить свою экспедицию в секрете, если бы не тот факт, что, желая запастись водой для транспортов сразу по прибытии к ним, он остановился в уединенной части побережья, на некотором расстоянии от Александрии, и отправил отряд немного вглубь страны на поиски воды. Этот отряд был обнаружен сельскими жителями, перехвачен конным отрядом и взят в плен. От этих пленников египтяне узнали, что сам цезарь находится на побережье с небольшой эскадрой галер. Весть распространилась во всех направлениях. Люди стекались отовсюду. Они поспешно собрали все лодки и суденышки, которые можно было раздобыть в деревнях этого региона и на различных притоках Нила. Тем временем Цезарь отправился на якорную стоянку эскадры и взял транспорты на буксир, чтобы доставить их в город; поскольку галеры приводились в движение веслами, они были в некоторой степени независимы от ветра. По возвращении он обнаружил довольно внушительное военно-морское вооружение, собранное для оспаривания прохода.

Последовал серьезный конфликт, но Цезарь одержал победу. Флот, который египтяне так внезапно собрали, был так же внезапно уничтожен. Некоторые корабли были сожжены, другие потоплены, третьи взяты в плен; и Цезарь с триумфом вернулся в порт со своим транспортом и припасами. Он был встречен одобрительными возгласами своих солдат и, что еще теплее, радостью и благодарностью Клеопатры, которая во время его отсутствия с большой тревогой и напряженным ожиданием ожидала результатов экспедиции, прекрасно понимая, что ее герой подвергает себя в ней самой неминуемой личной опасности.

Прибытие этих подкреплений значительно улучшило состояние Цезаря, и обстоятельства их прибытия внушили Ганимеду чувство абсолютной необходимости овладеть гаванью, если он намеревался держать Цезаря в узде. Соответственно, он решил принять немедленные меры по формированию военно-морских сил. Он послал вдоль побережья и приказал, чтобы все корабли и галеры, которые можно было найти во всех портах, были немедленно отправлены в Александрию. Он нанял как можно больше людей в городе и его окрестностях для строительства новых зданий. Он снял крыши с некоторых из самых великолепных зданий, чтобы заготовить древесину для изготовления скамеек и весел. Когда все было готово, он предпринял грандиозную атаку на Цезаря в порту, и завязалась ужасная борьба за обладание гаванью, молотом, островом, а также цитаделями и крепостями, господствующими над входами с моря. Цезарь хорошо знал, что это состязание будет решающим в отношении окончательного результата войны, и, соответственно, он сам выступил вперед, чтобы принять активное и личное участие в конфликте. Несомненно, он также испытывал сильное чувство гордости и удовольствия от демонстрации своей доблести перед Клеопатрой, которая могла наблюдать за ходом битвы из окон дворца, преисполненный восторга от опасностей, которым он подвергался, и восхищения подвигами силы и доблести, которые он совершал. Во время этой битвы жизнь великого завоевателя несколько раз подвергалась самой неминуемой опасности. Он носил рясу или мантию императорского пурпура, что делало его заметным для его врагов; и, конечно, куда бы он ни шел, в этом месте была самая жаркая битва. Однажды, посреди ужаснейшей суматохи и шума, он прыгнул из перегруженной лодки в воду и поплыл, спасая свою жизнь, зажав плащ в зубах и волоча его за собой по воде, чтобы он не попал в руки его врагов. В то же время, когда он плавал, он нес с собой некоторые ценные бумаги, которые хотел сохранить, держа их над головой одной рукой, в то время как другой двигался по воде.

Результатом этого состязания стала еще одна решающая победа Цезаря. Не только корабли, захваченные египтянами, были разбиты и уничтожены, но и мол с крепостями на каждой его оконечности, и остров с маяком и городом Фарос - все перешло в руки цезаря.

Теперь египтяне начали падать духом. Армия и народ, судившие, как это всегда делает человечество, о добродетели своих военачальников исключительно по критерию успеха, начали уставать от правления Ганимеда и Арсинои. Они отправили тайных гонцов к цезарю, открыто выражая свое недовольство и говоря, что, если он освободит Птолемея, который, как следует помнить, все это время содержался как своего рода государственный узник во дворцах цезаря, они думали, что народ в целом примет его как своего суверена, и что тогда можно будет легко договориться о мирном урегулировании всего конфликта. Цезарь был сильно склонен согласиться с этим предложением.

Поэтому он призвал Птолемея к себе и, ласково взяв его за руку, сообщил ему о пожеланиях народа Египта и разрешил ему отправиться. Птолемей, однако, умолял не отсылать его прочь. Он заявлял о сильнейшей привязанности к цезарю и величайшем доверии к нему и, по его словам, очень предпочитал оставаться под его защитой. Цезарь ответил, что, если бы таковы были его чувства, разлука не была бы длительной. "Если мы расстанемся друзьями," сказал он, "то скоро встретимся снова". Этими и подобными заверениями он попытался ободрить молодого принца, а затем отослал его прочь. Птолемей был принят египтянами с большой радостью и немедленно был поставлен во главе правительства. Однако вместо того, чтобы попытаться способствовать урегулированию ссоры с цезарем, он, казалось, вступил в нее сейчас сам, лично, с величайшим рвением и сразу же начал самые обширные приготовления

как на море, так и на суше к энергичному ведению войны. Каков был бы результат этих операций, сейчас неизвестно, поскольку общий аспект событий вскоре после этих операций полностью изменился в результате нового и очень важного события, которое внезапно вмешалось и которое привлекло внимание всех сторон, как египтян, так и римлян, к восточной части царства. Пришло известие, что большая армия под командованием полководца по имени Митрадат, которого Цезарь отправил в Азию с этой целью, внезапно появилась в Пелузии, захватила этот город и теперь готова выступить на Александрию.

Египетская армия немедленно свернула свои лагеря в окрестностях Александрии и двинулась на восток, чтобы встретить этих новых захватчиков. Цезарь последовал за ними со всеми силами, которые он мог безопасно увести из города. Он покинул город ночью, никем не замеченный, и пересек страну с такой быстротой, что присоединился к Митрадату еще до того, как прибыли войска Птолемея. После различных маршей и маневров армии встретились, и произошла великая битва. Египтяне потерпели поражение. Лагерь Птолемея был взят. Когда римская армия ворвалась на одну его сторону, стражники и слуги Птолемея бежали с другой, карабкаясь по крепостным валам в крайнем ужасе и смятении. Передовые упали головой в ров внизу, который, таким образом, вскоре наполнился до краев мертвыми и умирающими; в то время как те, кто шел сзади, устремились дальше по образованному таким образом мосту, безжалостно топча на бегу тела своих товарищей, которые лежали, корчась, отбиваясь и крича, у них под ногами. Те, кому удалось спастись, добрались до реки. Они набились в лодку, которая стояла у берега, и оттолкнулись от берега. Лодка была перегружена, и она затонула, как только оторвалась от берега. Римляне снова вытащили тела, выплывшие на берег, и нашли среди них одно, которое, как они узнали по царской кирасе, которая была на нем, обычному знаку и доспехам египетских царей, принадлежало Птолемею.

Победа, одержанная Цезарем в этой битве, и смерть Птолемея положили конец войне. Теперь ему ничего не оставалось, как встать во главе объединенных сил и отправиться обратно в Александрию. Оставленные там египетские войска не оказали сопротивления, и он с триумфом вошел в город. Он взял в плен Арсиною. Он постановил, что Клеопатра должна править как царица и что она должна выйти замуж за своего младшего брата, другого Птолемея — мальчика в то время около одиннадцати лет. Брак с таким молодым человеком был, конечно, простой формой. Клеопатра, как и прежде, оставалась спутницей Цезаря.

Тем временем Цезарь навлек на себя сильное порицание в Риме и во всем римском мире за то, что таким образом отказался от своих собственных обязанностей римского консула и главнокомандующего армиями империи, чтобы ввязаться в распри отдаленного и уединенного королевства, с которым интересы римского государства были так мало связаны. Его друзья и власти в Риме постоянно уговаривали его вернуться. Они были особенно возмущены его длительным пренебрежением своими собственными обязанностями, поскольку знали, что его удерживала в Египте преступная привязанность к царице — таким образом, он не только нарушал свои обязательства перед государством, но и причинял своей жене Кальпурнии и своей семье в Риме невыносимое зло. Но Цезарь был так очарован чарами Клеопатры и таинственным и необъяснимым влиянием, которое она оказывала на него, что не обратил внимания ни на одно из этих увещаний. Даже после окончания войны он несколько месяцев оставался в Египте, чтобы насладиться обществом своей фаворитки. Он проводил целые ночи в ее обществе, в пиршествах и разгуле. После окончания войны он совершил с ней великолепное царственное путешествие по Египту в сопровождении многочисленного отряда римской

стражи. Он составил план отвезти ее в Рим и жениться на ней там; и он принял меры к тому, чтобы изменить законы города таким образом, чтобы позволить ему сделать это, хотя он уже был женат.

Все это вызвало большое недовольство среди друзей Цезаря и всей римской армии. Египтяне тоже сильно осуждали поведение Клеопатры. Примерно в это же время у нее родился сын, которого александрийцы называли Цезарионом от его отца. К Клеопатре относились в новом материнском отношении, которое она теперь поддерживала, не с интересом и симпатией, а с чувством упрека и осуждения.

Клеопатра все это время становилась все более и более совершенной и все более и более красивой; но ее живость и дух, которые были такими очаровательными, пока были простыми и детскими, теперь стали казаться более дерзкими. Характерной чертой чистой и законной любви является смягчение и покорение сердца и внесение мягкости и покоя во все его действия; в то время как то, что преодолевает барьеры, установленные для этого Богом и природой, имеет тенденцию делать женщину мужественной и смелой, ожесточать все ее чувства и разрушать ту мягкость и робость поведения, которые оказывают столь большое влияние на усиление ее очарования. Клеопатра начинала испытывать на себе эти эффекты. Она была безразлична к мнению своих подданных и стремилась лишь как можно дольше сохранить свое преступное господство над цезарем.

Однако цезарь, наконец, решил вернуться в столицу. Оставив Клеопатре, соответственно, достаточные силы, чтобы обеспечить сохранение ее власти, он погрузил оставшиеся силы на транспорты и галеры и отплыл. Он взял несчастную Арсиною с собой, намереваясь по прибытии в Рим выставить ее в качестве трофея своих египетских побед.

Глава VIII.

Клеопатра - царица.

Война, в результате которой Цезарь восстановил Клеопатру на троне, была не очень продолжительной. Цезарь прибыл в Египет в погоне за Помпеем примерно 1 августа; война была закончена, и Клеопатра утвердилась в безопасном владении к концу января; так что конфликт, каким бы жестоким он ни был, пока продолжался, был очень кратким, мирные и коммерческие занятия александрийцев были прерваны им всего на несколько месяцев.

Ни сама война, ни последовавшие за ней потрясения не распространились слишком далеко в глубь страны. Сам город Александрия и соседние побережья были главными аренами состязания, пока Митридат не прибыл в Пелузий. Он, это правда, прошел маршем через Дельту, и последняя битва разыгралась в глубине страны. Однако, в конце концов, это была лишь очень

небольшая часть египетской территории, которая непосредственно пострадала от войны. Огромная масса людей, населявших богатые и плодородные районы, граничащие с различными рукавами Нила, и длинную зеленую долину, которая простиралась так далеко в сердце континента, ничего не знала об этом конфликте, кроме смутных и отдаленных слухов. Занятия земледельческого населения продолжались все это время так же стабильно и процветающе, как и прежде; так что, когда конфликт закончился и Клеопатра вступила в тихое и мирное владение своей властью, она обнаружила, что ресурсы ее империи пострадали очень незначительно.

Соответственно, она воспользовалась доходами, которые обильно сыпались на нее, чтобы начать карьеру, полную величайшей роскоши и великолепия. Повреждения, нанесенные дворцам и другим общественным сооружениям Александрии пожаром и военными операциями при осаде, были устранены. Разрушенные мосты были восстановлены. Каналы, которые были засорены, снова открылись. Морская вода была перекрыта из дворцовых цистерн; мусор из разрушенных домов был вывезен; баррикады были убраны с улиц; и повреждения, которые дворцы получили либо от насилия военных машин, либо от грубого обращения римских солдат, были устранены. Одним словом, город был быстро восстановлен, насколько это было возможно, в своем прежнем порядке и красоте. Пятьсот тысяч рукописей Александрийской библиотеки, которые были сожжены, действительно, не могли быть восстановлены; но во всех других отношениях город вскоре обрел все свое прежнее великолепие. Даже в отношении библиотеки Клеопатра предприняла попытку вернуть утраченное. Она восстановила разрушенные здания, а позже, в течение своей жизни, она собрала, как говорили, способом, который будет описан ниже, сто или двести тысяч свитков рукописей, что стало началом новой коллекции. Новая библиотека, однако, так и не приобрела той известности и отличия, которые были присущи старой.

Бывшие правители Египта, предки Клеопатры, как правило, как уже было показано, тратили огромные доходы, которые они вымогали у земледельцев долины Нила, на честолюбивые цели. Клеопатра, казалось, теперь была настроена растратить их в роскоши и удовольствиях. Они, Птолемеи, использовали свои ресурсы для возведения огромных сооружений или основания великолепных институтов в Александрии, чтобы приумножить славу города, и расширить свою собственную известность. Клеопатра, с другой стороны, как, возможно, и следовало ожидать от молодой, красивой и импульсивной женщины, внезапно занявшей столь заметное положение и обладавшей таким безграничным богатством и властью, тратила свои царские доходы на личную демонстрацию, а также на сцены празднеств, веселья и наслаждений. Она украсила свои дворцы, построила великолепные баржи для увеселительных прогулок по Нилу и тратила огромные суммы на наряды, экипажи и роскошные развлечения. Фактически, ее расходы на эти и подобные цели в первые годы ее правления были настолько щедрыми, что считается, что она довела экстравагантность чувственной роскоши, личную демонстрацию и великолепие до пределов, которые когда-либо были достигнуты раньше или с тех пор.

Какой бы простотой характера, мягкостью и душевной добротой она ни обладала в прежние годы, они, конечно, постепенно исчезли под влиянием того образа жизни, который она вела сейчас. Она по-прежнему была красива и обворожительна, но начала расти эгоистичной, бессердечной и расчетливой. Ее младший брат — надо помнить, что ему было всего одиннадцать лет, когда цезарь устроил их брак, — был для нее объектом ревности. Сейчас он, конечно, был слишком молод, чтобы принимать какое-либо реальное участие в осуществлении

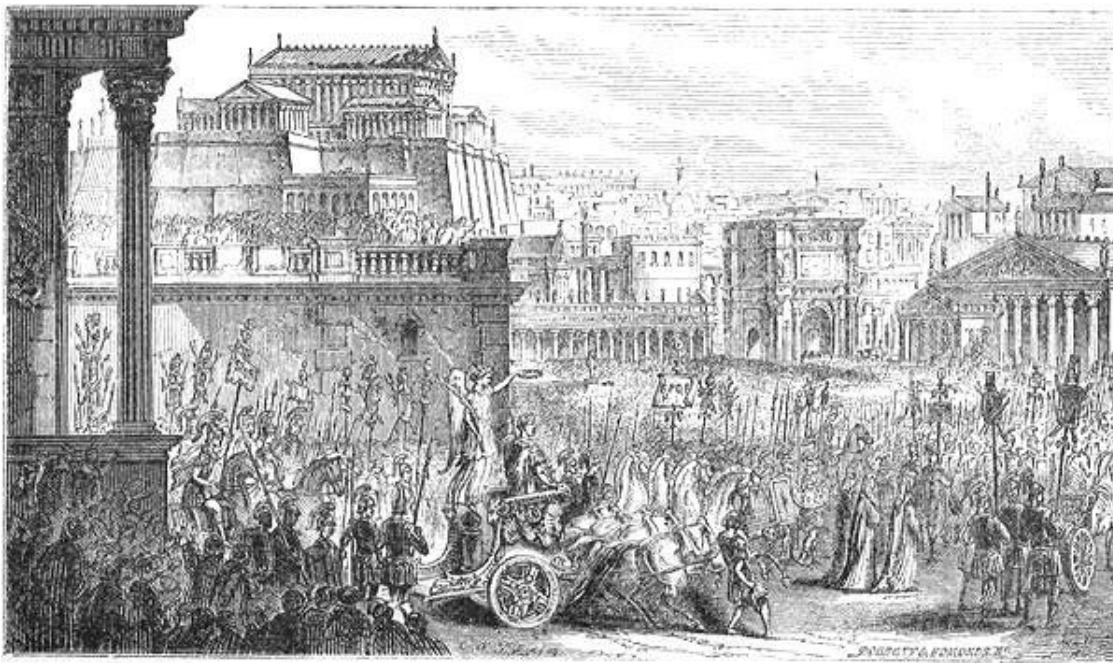
королевской власти или вообще вмешиваться в планы или удовольствия своей сестры. Но с другой стороны, он становился старше. Через несколько лет ему должно было исполниться пятнадцать — это был период жизни, установленный распоряжениями цезаря и, фактически, законами и обычаями египетского царства, — когда он должен был вступить во владение властью как царь и как муж Клеопатры. Клеопатра крайне не желала, чтобы произошли изменения в ее отношениях к нему и к правительству, которые должен был принести этот период. Соответственно, незадолго до того, как пришло время, она приказала отравить его. Его смерть освободила ее, как она и намеревалась, от всех ограничений, и с тех пор она продолжала править в одиночку. В течение оставшейся части своей жизни, насколько это было возможно в плане наслаждения богатством и властью, а также всеми другими элементами внешнего процветания, карьера Клеопатры была успешной. У нее не было никаких угрызений совести, чтобы препятствовать самому полному и безудержному потаканию всем склонностям своего сердца, и средства для этого были перед ней в самом неограниченном изобилии. Единственным препятствием к ее счастью была невозможность удовлетворить порывы и страсти человеческой души, когда они однажды выходят за рамки, установленные для их сдерживания законами Бога и природы.

Тем временем, в то время как Клеопатра проводила первые годы своего правления во всей этой роскоши и великолепии, Цезарь самым успешным образом делал свою карьеру завоевателя мира. После смерти Помпея он, естественно, сразу же получил бы верховную власть; но его задержка в Египте и степень, в которой было известно, что он связан с Клеопатрой, ободрили и усилили его врагов в различных частях света. Фактически, восстание, вспыхнувшее в Малой Азии, к подавлению которого ему было абсолютно необходимо приступить немедленно, было непосредственной причиной того, что он, наконец, покинул Египет. Другие планы восстания против власти цезаря были разработаны в Испании, Африке и Италии. Однако его военное мастерство и энергия были так велики, а влияние, которое он оказывал на умы людей своим личным присутствием, было столь безграничным, и, более того, столь поразительной была быстрота, с которой он перемещался с континента на континент и из царства в царство, что за очень короткий период со времени своего отъезда из Египта он провел самые блестящие и успешные кампании во всех трех известных тогда частях света, эффективно подавил всякое сопротивление своей власти, а затем вернулся в Рим признанным властелином мира. Клеопатра, которая, конечно, все это время с большой гордостью и удовольствием наблюдала за его карьерой, решила, наконец, отправиться в Рим и нанести ему там визит.

Однако народ Рима был не готов принять ее очень радушно. Это была эпоха, когда к порокам любого рода относились с большим снисхождением, но моральные инстинкты человечества были слишком сильны, чтобы полностью ослепнуть от истинного характера такого яркого примера порока, как этот. Арсиноя тоже была в Риме в этот период жизни цезаря. Следует помнить, что он привез ее туда по возвращении из Египта как пленницу и как трофей своей победы. Фактически, его замысел состоял в том, чтобы оставить ее в качестве пленницы, чтобы украсить свой *триумф*.

Триумф, согласно обычаям древних римлян, был грандиозным празднованием, назначаемым сенатом великим военачальникам высшего ранга по возвращении из далеких походов, в которых они совершили великие завоевания или одержали выдающиеся победы. Цезарь объединил все свои триумфы в один. Они были отпразднованы по его возвращении в Рим в последний раз, после завершения завоевания мира. Шествия в честь этого триумфа заняли

четыре дня. На самом деле, было четыре триумфа, по одному в каждый день в течение четырех дней. Войны и завоевания, которые эти овации были призваны отметить, происходили в Галлии, Египте, Азии и Африке; и процессии в течение нескольких дней состояли из бесконечных верениц пленных, трофеев, оружия, знамен, картин, истуканов, колонн повозок, груженных награбленным, пленными принцами и принцессами, животными, дикими и ручными, и всем остальным, что завоеватель смог привезти домой из своих походов, чтобы возбудить любопытство или восхищение жителей города и проиллюстрировать величие своих подвигов. Конечно, римские полководцы, участвуя в далеких зарубежных войнах, стремились привезти с собой как можно больше выдающихся пленников и как можно больше общественной добычи, чтобы добавить разнообразия и великолепия триумфальному шествию, которым должны были быть отмечены их победы по возвращении. Именно с этой целью Цезарь привез Арсиною из Египта; и он держал ее в качестве пленницы в Риме до тех пор, пока его завоевания не были завершены и не настало время его триумфа. Она, конечно же, была частью триумфального кортежа *вегипетский* день. Она шла прямо перед колесницей, в которой ехал Цезарь. Она была в цепях, как и любая другая пленница, хотя ее цепи, в честь ее высокого положения, были сделаны из золота.

Сестра Клеопатры в триумфальном шествии.

Однако эффект, произведенный на римское население зрелищем несчастной принцессы, переполненной горем и огорчением, медленно двигавшейся в обозе среди других эмблем и трофеев насилия и грабежа, оказался отнюдь не благоприятным для цезаря. Население было склонно жалеть ее и сочувствовать ее страданиям. Вид ее отчаяния также напомнил им о пренебрежении долгом, в котором был повинен Цезарь, поддавшийся соблазну Клеопатры и так долго остававшийся в Египте из-за пренебрежения своими надлежащими обязанностями римского государственного министра. Одним словом, волна восхищения военными подвигами

цезаря, которая так сильно настраивала в его пользу, казалось, переменялась, и город наполнился ропотом против него даже в разгар его триумфов.

Фактически, гордость и тщеславие, которые побудили Цезаря сделать свои победы более блестящими и внушительными, чем когда-либо были у любого бывшего завоевателя, заставили его переигрывать со своей стороны, чтобы произвести эффект, обратный его намерениям. Случай с Арсиной был одним из примеров этого. Вместо того, чтобы произвести на народ впечатление величием его подвигов в Египте, когда он сверг одну царицу и доставил ее пленницей в Рим, чтобы он мог посадить на трон вместо нее другую, это лишь заново воспроизвело порицания и уголовщину, которые он заслужил своими действиями там, но которые, если бы не жалкое зрелище Арсиной в обозе, могли быть забыты.

Были и другие примеры подобного характера. Например, были праздники. Из добычи, которую цезарь добыл в своих различных кампаниях, он потратил самые огромные суммы на организацию праздников и зрелищ для населения во время своего триумфа. Большая часть населения, правда, была довольна безграничными поблажками, которые им таким образом предлагались; но лучшая часть римского народа была возмущена расточительством и экстравагантностью, которые повсюду демонстрировались. В течение многих дней весь Рим представлял взору не что иное, как одну широко раскинувшуюся сцену буйства и разврата. Народ, вместо того чтобы быть довольным этим изобилием, сказал, что цезарь, должно быть, прибегал к самому крайнему и незаконному вымогательству, чтобы получить огромную сумму денег, необходимую для того, чтобы позволить ему производить такое безграничное и безрассудное расточительство.

Был и другой способ, с помощью которого цезарь настроил общественное мнение резко против себя, теми самыми средствами, которые он использовал для создания настроений в свою пользу. Римляне, среди других варварских развлечений, которые практиковались в городе, особенно любили бои. Эти бои были различных видов. Иногда в них участвовали свирепые звери одного или разных видов, например, собаки друг против друга или быки, львы или тигры. На самом деле для этой цели использовались любые животные, которых можно было подразнить или спровоцировать на гнев и свирепость в драке. Иногда в этих боях использовались мужчины — пленные солдаты, захваченные на войне и доставленные в Рим, чтобы сражаться там в амфитеатрах в качестве гладиаторов. Эти люди были вынуждены сражаться иногда с дикими зверями, а иногда друг с другом. Цезарь, зная, как высоко ценились римскими собраниями подобные сцены, решил предоставить им удовольствие в самом пышном масштабе, предполагая, конечно, что чем масштабнее и ужаснее будет битва, тем большее удовольствие получат зрители, наблюдая за ней. Соответственно, готовясь к празднествам, сопровождавшим его триумф, он распорядился образовать большое искусственное озеро в удобном месте в окрестностях Рима, где оно могло быть окружено населением города, и там он организовал морское сражение. В озеро было спущено большое количество галер. Они были обычного размера, используемого на войне. На этих галерах находилось множество солдат. Тирских пленников разместили по одну сторону, а египтян — по другую; и когда все было готово, двум эскадрам было приказано приблизиться и устроить настоящее морское сражение на потеху огромной толпе зрителей, собравшихся вокруг. Поскольку нации, из которых были взяты участники этого конфликта, соответственно, были враждебны друг другу, и поскольку мужчины сражались, конечно, за свои жизни, сражение сопровождалось обычными ужасами отчаянного

морского столкновения. Сотни были убиты. Мертвые тела сражавшихся падали с галер в озеро, и воды его окрасились их кровью.

Были и наземные сражения такого же грандиозного масштаба. В одном из них с каждой стороны участвовали пятьсот пеших солдат, двадцать слонов и отряд из тридцати всадников. Таким образом, это сражение было более масштабным по количеству сражавшихся, чем знаменитое сражение при Лексингтоне, ознаменовавшее начало американской войны; а по количеству имевших место убийств оно, весьма вероятно, было в десять раз больше. Ужас этих сцен оказался непосильным даже для народа, каким бы свирепым и безжалостным он ни был, которого они должны были позабавить. Цезарь, в своем стремлении превзойти все прежние представления, вышел за пределы, в пределах которых зрелище людей, убитых в кровавых схватках и умирающих в муках и отчаянии, могло служить удовольствием и времяпрепровождением. Народ был потрясен, и осуждение жестокости цезаря было добавлено к другим скрытым упрекам и обвинениям, которые возникали повсюду.

Клеопатра во время своего визита в Рим открыто жила с цезарем в его резиденции, и это вызвало всеобщее недовольство. На самом деле, в то время как народ жалел Арсиною, Клеопатра, несмотря на ее красоту, тысячи личных достижений и очарования, была объектом всеобщего недовольствия, поскольку общественное внимание вообще было обращено на нее. Общественное сознание, однако, было сильно поглощено великими политическими движениями, предпринятыми цезарем, и целями, к которым он, казалось, стремился. Люди обвиняли его в том, что он замышлял стать королем. Создавались партии за и против него; и хотя люди не осмеливались открыто высказывать свои чувства, их страсти становились все более неистовыми пропорционально внешней силе, с помощью которой они подавлялись. Марк Антоний в это время находился в Риме. Он горячо поддерживал дело цезаря и поощрял его намерение провозгласить себя царем. Однажды он действительно предложил возложить царскую диадему на голову цезаря на каком-то публичном торжестве; но признаки общественного неодобрения, вызванные этим поступком, заставили его воздержаться.

Наконец, однако, настало время, когда цезарь решил добиться провозглашения себя царем. Он воспользовался неким замечательным стечением обстоятельств в государственных делах, которое здесь не может быть подробно описано, но которое, как ему казалось, особенно благоприятствовало его планам, и были приняты меры к тому, чтобы сенат наделил его королевской властью. Ропот и недовольство людей при признаках того, что приближается время осуществления их страхов, становились все более и более слышными, и, наконец, был составлен заговор с целью положить конец опасности, уничтожив жизнь честолюбивого претендента. Два суровых и решительных человека, Брут и Кассий, были руководителями этого заговора. Они вынашивали свои планы, организовали группу единомышленников, тайно запасались оружием, и когда в день, когда должно было состояться решающее голосование, собрался сенат под председательством самого цезаря, они смело окружили его в президентском кресле и убили своими кинжалами.

Антоний, от которого планы заговорщиков держались в строжайшем секрете, стоял рядом, ошеломленный и сбитый с толку, пока совершалось дело, но совершенно неспособный оказать своему другу какую-либо защиту.

Клеопатра немедленно бежала из города и вернулась в Египет.

Арсиноя уже уходила раньше. Цезарь, то ли сжалившись над ее несчастьями, то ли побуждаемый, возможно, силой общественного мнения, которое, казалось, было склонно поддержать ее против него, отпустил ее на свободу сразу же после завершения церемоний своего триумфа. Однако он не позволил бы ей вернуться в Египет, вероятно, опасаясь, что она может тем или другим способом помешать правительству Клеопатры. Соответственно, она отправилась в Сирию уже не как пленница, а все еще как изгнанница со своей родины. Позже мы узнаем, что с ней там стало.

Кальпурния оплакивала смерть своего мужа с искренним и неподдельным горем. Она переносила обиды, которые претерпевала как жена, с очень терпеливым и непреклонным духом и любила своего мужа с самой преданной привязанностью до конца. Ничто не может быть более трогательным, чем доказательства ее нежного и тревожного отношения в ночь, непосредственно предшествовавшую убийству. Были определенные слабые и неясные признаки опасности, которые ее бдительная преданность мужу заставила ее заметить, хотя они ускользнули от внимания всех других друзей цезаря и наполнили ее опасениями и тревогой; и когда, наконец, окровавленное тело принесли домой из здания сената, она была переполнена горем и отчаянием.

У нее не было детей. Соответственно, она смотрела на Марка Антония как на своего ближайшего друга и защитника, и в смятении и ужасе, царивших на следующий день в городе, она поспешно собрала деньги и другие ценности, находившиеся в доме, а также все книги и бумаги своего мужа и отправила их Антонию на хранение.

Глава IX.

Битва при Филиппах.

Когда весть об убийстве Цезаря впервые была доведена до сведения народа Рима, люди всех рангов и классов были поражены изумлением и ужасом. Никто не знал, что сказать или сделать. Очень большая и влиятельная часть общества была друзьями Цезаря. Также было очевидно, что ему противостояли очень могущественные интересы. Никто не мог предвидеть, какая из этих двух партий теперь одержит верх, и, конечно, какое-то время все пребывало в неопределенности.

Марк Антоний немедленно выступил вперед и занял позицию представителя цезаря и лидера партии с этой стороны. Среди вещей цезаря было найдено завещание, и когда оно было вскрыто, оказалось, что крупные суммы денег были оставлены римскому народу, а другие крупные суммы - племяннику покойного по имени Октавий, о котором позже будет сказано более подробно. Антоний был назван в завещании его исполнителем. Это и другие обстоятельства, казалось, давали ему право выступить в качестве главы партии цезаря.

Брут и Кассий, которые открыто оставались в городе после того, как был совершен их отчаянный поступок, были признанными лидерами другой партии; в то время как массы народа были сначала так поражены размахом и внезапностью переворота, который обозначало открытое и публичное убийство римского императора римским сенатом, что они не знали, что сказать или сделать. Фактически, убийство Юлия Цезаря, учитывая высокое положение, которое он занимал, ранг и положение людей, совершивших это деяние, и весьма необычную публичность сцены, на которой это деяние было совершено, было, несомненно, самым заметным и ужасающим случаем покушения, которое когда-либо происходило. В течение нескольких дней все население Рима, казалось, было поражено и ошеломлено этой новостью. Однако, наконец, партии начали формироваться более отчетливо. Линии разграничения между ними постепенно обозначались, и люди начали все более и более недвусмысленно располагаться по разные стороны баррикад.

На короткое время превосходство Антония над партией цезаря было с готовностью признано и допущено. Однако, в конце концов, еще до того, как его планы окончательно созрели, он обнаружил, что на его стороне появились два грозных конкурента. Это были Октавий и Лепид.

Октавий, который приходился племянником Цезарю, о котором уже упоминалось, был очень образованным и элегантным молодым человеком, которому сейчас было около девятнадцати лет. Он был сыном племянницы Юлия Цезаря.^[6] Он всегда был большим любимцем своего дяди. Его образованию уделялось все возможное внимание, и Цезарь уже выдвинул его на высокие посты в общественной жизни. Цезарь, по сути, усыновил его как своего сына и сделал своим наследником. В момент смерти Цезаря он находился в Аполлонии, городе Иллирии, к северу от Греции. Войска, находившиеся там под его командованием, предложили немедленно выступить с ним, если он этого пожелает, в Рим и отомстить за смерть своего дяди. Октавий, после некоторого колебания, пришел к выводу, что для него было бы наиболее благоразумно сначала отправиться туда самому, в одиночку, как частное лицо, и потребовать соблюдения своих прав как наследника своего дяди, согласно положениям завещания. Он так и поступил. По прибытии он обнаружил, что завещание, собственность, книги и пергаменты, а также значительная правительственная власть - все это было в руках Антония. Антоний, вместо того чтобы передать Октавию его собственность и права, находил различные предлоги для уклонения и проволочек. Октавий, по его словам, был еще слишком молод, чтобы брать на себя такую тяжелую ответственность. Кроме того, он сам был слишком озабочен неотложными общественными делами, чтобы заняться составлением завещания. Используя эти и подобные им доводы в свое оправдание, Антоний, казалось, был склонен не обращать никакого внимания на заявления Октавия.

Октавиус, каким бы молодым он ни был, обладал характером, отмеченным большим умом, силой духа и решительностью. Вскоре у него появилось много влиятельных друзей в городе Риме и среди римского сената. Возник серьезный вопрос, кто из друзей Цезаря получит наибольшее влияние - он или Антоний. Борьба за это господство фактически затянулась на два или три года и привела к огромному усложнению интриг, маневров и гражданских войн, которые, однако, не могут быть здесь особенно подробно описаны.

Другим соперником, с которым Антонию пришлось бороться, был выдающийся римский полководец по имени Лепид. Лепид был офицером армии, занимавшим очень высокое положение на момент смерти Цезаря. Он присутствовал в зале заседаний сената в день

убийства. Он тайно улизнул, когда увидел, что дело сделано, и направился в лагерь армии за городом, где немедленно принял командование войсками. Это дало ему огромную власть, и в ходе состязаний, которые впоследствии разгорелись между Антонием и Октавием, он принимал активное участие и в какой-то мере поддерживал равновесие между ними. Наконец, соревнование было окончательно закрыто коалицией трех соперников. Обнаружив, что ни один из них не может одержать решительной победы над другими, они объединились и образовали знаменитый *триумвират*, который впоследствии еще некоторое время сохранял верховную власть в римском мире. Формируя эту лигу примирения, трое соперников провели свою конференцию на острове, расположенном в одном из ответвлений реки По, на севере Италии. Они проявили крайнюю ревность и подозрительность друг к другу, придя на это собеседование. Были построены два моста, ведущих на остров, по одному с каждого берега ручья. Армия Антония была выстроена на одном берегу реки, а армия Октавия - на другом. Лепид первым направился к острову по одному из мостов. Тщательно осмотрев местность, чтобы убедиться, что на ней нет засады, он подал сигнал другим генералам, которые затем перешли реку, каждый по своему мосту в сопровождении трехсот гвардейцев, которые остались на мосту, чтобы обеспечить отступление своему господину в случае предательства. Конференция длилась три дня, по истечении которых все статьи были согласованы и подписаны.

После образования этой лиги три конфедерата обратили свои объединенные силы против партии заговорщиков. Во главе этого отряда по-прежнему стояли Брут и Кассий.

Ареной состязаний между Октавием, Антонием и Лепидом была главным образом Италия и другие центральные страны Европы. Брут и Кассий, с другой стороны, отправились через Адриатическое море на Восток сразу после убийства Цезаря. Теперь они находились в Малой Азии и были заняты сосредоточением своих сил, заключением союзов с различными восточными державами, сбором войск, привлечением на свою сторону римских легионов, расквартированных в этой части света, захватом складов и взысканием контрибуций со всех, кого можно было склонить на их сторону. Среди других послов, которые они отправили, одно отправилось в Египет, чтобы потребовать помощи у Клеопатры. Клеопатра, однако, была полна решимости присоединиться к другой стороне в состязании. Вполне естественно, что она чувствовала благодарность цезарю за его усилия и жертвы ради нее, и что она была склонна поддержать дело его друзей. Соответственно, вместо того, чтобы послать войска на помощь Бруту и Кассию, как они того желали, она немедленно снарядила экспедицию к побережью Азии с целью оказать всю возможную помощь делу Антония.

Кассий, со своей стороны, обнаружив, что Клеопатра полна решимости присоединиться к его врагам, немедленно решил отправиться в Египет и завладеть страной. Он также разместил военные силы на Тенаре, южном мысе Греции, чтобы следить за флотом Клеопатры и перехватить его, как только он появится у европейских берегов. Однако все эти планы — как те, которые Клеопатра строила против Кассия, так и те, которые Кассий строил против нее, — не были осуществлены. Флот Клеопатры столкнулся с ужасным штормом, который рассеял и уничтожил его. Небольшой остаток был выброшен на побережье Африки, но спасти ничего не удалось, что можно было бы использовать для намеченной цели. Что же касается предполагавшейся экспедиции Кассия в Египет, то она не была осуществлена. Опасности, которые теперь начали угрожать ему со стороны Италии и Рима, были настолько неизбежны, что по настоятельной просьбе Брута он отказался от египетского плана, и два полководца сосредоточили свои силы, чтобы встретить армии триумвирата, которые теперь быстро

продвигались в атаку на них. С этой целью они переправились через Геллеспонт из Сестоса в Абидос и вошли во Фракию.[7]

После различных маршей и контрмаршей и долгой череды тех маневров, с помощью которых две могущественные армии, готовясь к сражению, пытаются каждая занять какое-нибудь выгодное положение против другой, различные соединения войск, принадлежащие, соответственно, двум державам, сошлись в непосредственной близости друг от друга близ Филиппов. Брут и Кассий прибыли сюда первыми. В окрестностях города была равнина с возвышенностью в определенной ее части. Брут овладел этим возвышением и укрепился там. Кассий разместил свои войска примерно в трех милях от него, недалеко от моря. Между двумя лагерями проходила линия укреплений, которая образовывала коммуникационную цепь, соединявшую позиции двух командующих. Таким образом, армии были размещены в очень выгодном положении. У них была река Стримон и болото слева от земли, которую они занимали, в то время как перед ними была равнина, а позади - море. Здесь они ожидали прибытия своих врагов.

Антоний, находившийся в это время в Амфиполе, городе недалеко от Филиппов, узнав, что Брут и Кассий заняли свои позиции в ожидании нападения, немедленно выступил вперед и расположился лагерем на равнине. Октавий был задержан болезнью в городе Диррахий, не очень далеко. Антоний ждал его. Прошло десять дней, прежде чем он приехал. Наконец он прибыл, хотя по прибытии его пришлось нести на носилках, поскольку он все еще был слишком болен, чтобы передвигаться каким-либо другим способом. Антоний приблизился и разбил свой лагерь напротив лагеря Кассия, у моря, в то время как Октавий занял пост напротив Брута. Затем четыре армии сделали паузу, обдумывая вероятные результаты предстоящего сражения.

Силы с обеих сторон были почти равны; но на стороне республиканцев, то есть со стороны Брута и Кассия, были большие неудобства и страдания из-за отсутствия достаточного запаса провизии и припасов. Между Брутом и Кассием существовали некоторые расхождения во мнениях относительно того, что для них было лучше всего сделать. Брут был склонен дать врагу бой. Кассий неохотно шел на это, поскольку при тех обстоятельствах, в которые они попали, он считал неразумным ставить под угрозу, как они неизбежно должны были сделать, весь успех своего дела в расчете на шансы одного сражения. Был созван военный совет, и различным офицерам было предложено высказать свое мнение. На этом совещании один из военачальников порекомендовал отложить войну до следующей зимы, и Брут спросил его, какой выгоды он надеется добиться такой отсрочкой. “Если я больше ничего не добьюсь,” ответил офицер, “я проживу намного дольше”. Этот ответ тронул гордость Кассия и его воинское чувство чести. Вместо того чтобы согласиться с советом, который, таким образом, был продиктован, по крайней мере, со стороны одного из его защитников, тем, что он считал бесславной любовью к жизни, он предпочел отказаться от своего мнения. На совете было решено, что армия должна удерживать свои позиции и дать врагу бой. Затем офицеры отправились в свои соответствующие лагеря.

Брут был очень доволен этим решением. Участвовать в этой битве было его первоначальным желанием, и поскольку его советы возобладали, он, конечно, был доволен перспективой на завтра. Он устроил роскошное угощение в своей палатке и пригласил всех офицеров своей дивизии поужинать с ним. Компания провела ночь в дружеских утехах и взаимных поздравлениях по поводу победы, которая, как они верили, ожидала их завтра. Брут весь вечер

развлекал своих гостей блестящей беседой и вдохновлял их своими собственными уверенными ожиданиями успеха в конфликте, который должен был разразиться.

Кассий, напротив, в своем лагере у моря был молчалив и подавлен. Он ужинал наедине с несколькими близкими друзьями. Встав из-за стола, он отвел одного из своих офицеров в сторону и, пожав ему руку, сказал, что испытывает большие опасения относительно результата состязания. “Это противоречит моему суждению, - сказал он, - что мы таким образом подвергаем риску свободу Рима из-за одного сражения, произошедшего при таких обстоятельствах, как эти. Каким бы ни был результат, я хочу, чтобы впоследствии вы засвидетельствовали мне, что меня вынудили к этой мере обстоятельства, которые я не мог контролировать. Однако я полагаю, что мне следует набраться мужества, несмотря на причины, которые у меня есть для этих мрачных предчувствий. Поэтому будем надеяться на лучшее; и приходите отужинать со мной завтра вечером. Завтра у меня день рождения”.

На следующее утро алая мантия — обычный знак, вывешиваемый в римских лагерях утром в день сражения, — была замечена на верхушках палаток двух командующих генералов, развешивавшихся в воздухе, как знамя. В то время как войска, повинаясь этому сигналу, готовились к столкновению, два генерала отправились навстречу друг другу на полпути между своими двумя лагерями для окончательной консультации и соглашения относительно распорядка дня. Когда с этим делом было покончено и они уже собирались разойтись, чтобы приступить каждый к своим обязанностям, Кассий спросил Брута, что он намерен делать на случай, если день обернется против них. “Мы надеемся на лучшее, - сказал он, - и молимся, чтобы боги даровали нам победу в этом важнейшем кризисе. Но мы должны помнить, что это величайшее и наиболее важное из человеческих дел, которое всегда является самым неопределенным, и мы не можем предвидеть, каким сегодня будет результат битвы. Если это обернется против нас, что ты собираешься делать? Ты собираешься сбежать или умереть?”

“Когда я был молодым человеком, ” сказал в ответ Брут, “ и рассматривал этот предмет только как вопрос теории, я считал неправильным, чтобы человек когда-либо лишал себя жизни. Каким бы великим ни было зло, угрожавшее ему, и каким бы отчаянным ни было его положение, я считал своим долгом жить и терпеливо ждать лучших времен. Но теперь, оказавшись в том положении, в котором я нахожусь, я вижу этот предмет в другом свете. Если мы не выиграем битву сегодня, я буду считать, что все надежды и возможности спасти нашу страну навсегда потеряны, и я не уйду с поля битвы живым”.

Кассий, в своем унынии, уже принял такое же решение для себя, и он был рад услышать, как Брут высказывает эти чувства. Он пожал руку своему коллеге с выражением величайшего оживления и удовольствия на лице и попрощался с ним, сказав: “Мы смело выйдем навстречу врагу. Ибо мы уверены, что либо победим их, либо нам нечего будет бояться их победы над нами”.

Уныние Кассия и склонность его ума с отчаянием смотреть на перспективы дела, которым он занимался, были в какой-то мере вызваны некоторыми неблагоприятными предзнаменованиями, которые он заметил. Эти предзнаменования, хотя и были на самом деле легкомысленными и совершенно недостойными внимания, по-видимому, оказали на него большое влияние, несмотря на его общий интеллект и замечательную силу и энергичность его характера. Они были следующими:

Принося определенные жертвы, он должен был носить, согласно обычаю, предписанному в таких случаях, гирлянду цветов, и случилось так, что офицер, принесший гирлянду, по ошибке или случайно поднес ее не той стороной. Опять же, в какой-то процессии, которая была сформирована и в которой несли некое золотое изображение, сделанное в честь него, его носитель споткнулся и упал, и изображение было брошено на землю. Это было очень мрачное предзнаменование надвигающейся беды. Затем за несколько дней до битвы было замечено большое количество стервятников и других хищных птиц, парящих над римской армией; а на территории лагеря было обнаружено несколько пчелиных роев. Это последнее указание было настолько тревожным, что офицеры изменили линию укреплений, чтобы отделить зловещее место от лагеря. Эти и другие подобные вещи оказали большое влияние на разум Кассия, убедив его в том, что над ним нависла какая-то великая катастрофа.

Да и сам Брут не обошелся без предупреждений подобного рода, хотя они, по-видимому, оказали меньшее влияние на его разум, чем в случае с Кассием. Самым необычным предупреждением, которое Брут получил, согласно рассказам его древних историков, было сверхъестественное явление, которое он увидел некоторое время назад, когда находился в Малой Азии. В то время он стоял лагерем недалеко от города Сардис. Он всегда привык спать очень мало и часто, как говорили, когда все его офицеры расходились по домам и в лагере царила тишина, сидел один в своей палатке, иногда читая, а иногда обдумывая тревожные заботы, которые всегда давили на его разум. Однажды ночью он был таким образом один в своей палатке, перед ним горела маленькая лампа, он сидел, погруженный в свои мысли, когда внезапно услышал движение, как будто кто-то входил в палатку. Он поднял глаза и увидел странную, неземную и чудовищную фигуру, которая, казалось, только что вошла в дверь и направлялась к нему. Приближаясь, дух пристально смотрел на него, но ничего не говорил.

Брут, не слишком привыкший к страху, смело спросил у призрака, кто и что это было и что привело его сюда. “Я твой злой дух”, - сказала видение. “Я встречу тебя в Филиппах”. “Тогда, похоже, ” сказал Брут, “ что, во всяком случае, я увижу тебя снова”. Дух ничего не ответил на это, но немедленно исчез.

Брут встал, подошел к двери своей палатки, вызвал часовых и разбудил солдат, спавших поблизости. Часовые ничего не видели, и после самых тщательных поисков не удалось обнаружить никаких следов таинственного посетителя.

На следующее утро Брут рассказал Кассию о происшествии, свидетелем которого он был. Кассий, хотя и был, по-видимому, очень чувствителен к влиянию предзнаменований на него самого, придерживался весьма философских взглядов по отношению к другим людям. Он очень разумно спорил с Брутом, чтобы убедить его, что видение, которое он видел, было всего лишь призраком сна, принявшим свою форму и характер из идей и образов, которые ситуация, в которую тогда попал Брут, а также усталость и беспокойство, которые он перенес, естественным образом запечатлелись в его уме.

Но вернемся к битве. Брут сражался против Октавия, в то время как Кассий, находясь в двух или трех милях от него, столкнулся с Антонием, что, как мы помним, определяло расположение соответствующих армий и их лагерей на равнине. Брут одержал триумфальную победу на своем участке поля боя. Его войска разгромили армию Октавия и овладели его лагерем. Мужчины ворвались в палатку Октавия и проткнули носилки, на которых, по их предположению, лежал

больной военачальник, насквозь своими копьями. Но объекта их отчаянной вражды там не было. Несколько минут назад его унесли охранники, и никто не знал, что с ним стало.

Однако, к несчастью для тех, за чьими приключениями мы сейчас более подробно следим, результат битвы был совсем иным на участке поля боя Кассия. Когда Брут, завершив победу над своими непосредственными врагами, вернулся в свой лагерь на возвышенности, он посмотрел в сторону лагеря Кассия и с удивлением обнаружил, что палатки исчезли. Некоторые из офицеров вокруг заметили, как оружие блеснуло на солнце в том месте, где должны были появиться палатки Кассия. Теперь Брут подозревал правду, которая заключалась в том, что Кассий потерпел поражение, и его лагерь перешел в руки врага. Он немедленно собрал столько сил, сколько мог командовать, и двинулся на выручку своему коллеге. Наконец он нашел его с небольшим отрядом стражи и слуг на вершине небольшого возвышения, на которое тот сбежал в поисках безопасности. Кассий увидел приближающийся к нему отряд всадников, высланный Брутом вперед, и предположил, что это был отряд из армии Антония, направлявшийся, чтобы схватить его. Он, однако, послал гонца вперед, чтобы встретить их и выяснить, друзья они или враги. Гонец, которого звали Титиний, прискакал. Всадники узнали Титиния и, радостно объехав его, спешили со своих лошадей, чтобы поздравить его с благополучным исходом битвы и расспросить о судьбе его господина.

Кассий, видя все это, но не очень отчетливо, предположил, что отряд всадников был врагами, и что они окружили Титиния и зарубили его или взяли в плен. Поэтому он считал несомненным, что теперь все окончательно потеряно. Соответственно, во исполнение плана, который он составил ранее, он позвал слугу по имени Пиндар, которому приказал следовать за ним, и вошел в палатку, находившуюся поблизости. Когда Брут и его всадники подъехали, они вошли в палатку. Внутри они не нашли ни одного живого человека; но там было мертвое тело Кассия, голова которого была полностью отделена. Впоследствии Пиндара так и не удалось найти.

Брут был подавлен горем из-за смерти своего коллеги; это также давило на него двойным бременем ответственности и забот, поскольку теперь все ведение дел лежало на нем одном. Он обнаружил, что окружен трудностями, которые с каждым днем становились все более затруднительными. В конце концов, он был вынужден вступить во вторую битву. Подробностей самого сражения мы не можем привести, но результатом его было то, что, несмотря на самые беспримерные и отчаянные усилия, предпринятые Брутом, чтобы удержать своих людей на работе и удержать свои позиции, его войска были разбиты непреодолимыми натисками врагов, и его дело было безвозвратно и безнадежно загублено.

Когда Брут обнаружил, что все потеряно, он позволил небольшому отряду гвардейцев увести себя с поля боя, которые, отступая, прорвались сквозь ряды противника с той стороны, где, по их мнению, они должны были встретить наименьшее сопротивление. Однако их преследовал конный эскадрон, всадники горели желанием взять Брута в плен. В этой чрезвычайной ситуации один из друзей Брута, по имени Луцилий, задумал притвориться Брутом и, таким образом, сдаться в плен. Этот план он привел в исполнение. Когда подошел отряд, он потребовал пощады, сказал, что он Брут, и умолял их сохранить ему жизнь и отвести к Антонию. Мужчины так и сделали, радуясь тому, что, как они себе представляли, заполучили столь бесценный приз.

Тем временем настоящий Брут продолжал попытки к бегству. Он перешел ручей, попавшийся ему на пути, и вошел в небольшую лощину, которая обещала послужить укрытием, так как была

загромождена отвесными скалами и затенена деревьями. Несколько друзей и офицеров сопровождали Брута в его бегстве. Вскоре наступила ночь, и он прилег в небольшом углублении под выступом скалы, измученный усталостью и страданиями. Затем, подняв глаза к небу, он в строках, процитированных из греческого поэта, проклял справедливый суд Божий над врагами, которые в тот час торжествовали то, что он считал гибелью своей страны.

Затем он, охваченный тоской и отчаянием, перечислил поименно нескольких друзей и товарищей, которые на его глазах пали в тот день в бою, с горькой скорбью оплакивая потерю каждого. Тем временем надвигалась ночь, и отряд, укрывшийся таким образом в дикой лощине, был разорен и беззащитен. Несмотря на то, что они были голодны и измучены жаждой, у них, казалось, не было никакой перспективы ни отдохнуть, ни подкрепиться. В конце концов они послали одного из своих людей тихо прокрасться обратно к ручью, который они пересекли во время своего отступления, и принести им немного воды. Солдат взял свой шлем, чтобы принести воды, за неимением другого сосуда. Пока Брут пил воду, которую они принесли, в противоположном направлении послышался шум. Двое офицеров были посланы выяснить причину. Вскоре они вернулись и доложили, что в этом квартале находится вражеский отряд. Они спросили, где вода, которую принесли. Брут сказал им, что она вся выпита, но что он немедленно пошлет за добавкой. Посыльный снова отправился к ручью, но очень скоро вернулся, раненый и истекающий кровью, и сообщил, что враг настиг их и с этой стороны, и что он едва избежал гибели. Опасения отряда Брута значительно усилились после этих известий: было очевидно, что всякая надежда на то, что им удастся долго скрываться там, где они находятся, должна была быстро исчезнуть.

Затем один из офицеров, по имени Статилий, предложил попытаться выбраться из ловушки, в которую они попали. Он сказал, что пойдет как можно осторожнее, избегая встречи со всеми отрядами врага, и, поскольку ночная тьма благоприятствовала ему, он надеялся найти какой-нибудь способ отступления. Если ему это удастся, он установит факел на отдаленном возвышении, которое сам укажет, чтобы группа в долине, увидев свет, могла быть уверена в его безопасности. Затем он вернется и проведет их всех через опасность тем путем, который он должен был найти.

Этот план был одобрен, и Статилий соответственно отбыл. В должное время в указанном месте был замечен свет, указывающий на то, что Статилий выполнил свое начинание. Брут и его спутники были очень воодушевлены новой надеждой, которую пробудил этот результат. Они начали наблюдать и прислушиваться к возвращению своего посланца. Они долго наблюдали и ждали, но он не пришел. На обратном пути его перехватили и убили.

Когда, наконец, всякая надежда на то, что он вернется, была окончательно оставлена, кое-кто из отряда в ходе отчаянных консультаций, которые несчастные беглецы вели друг с другом, сказал, что они не должны больше оставаться там, где они были, но должны бежать из этого места во что бы то ни стало. “Да,” сказал Брут, “мы действительно должны вырваться из нашего нынешнего положения, но мы должны сделать это нашими руками, а не ногами”. Он имел в виду, что единственное средство, которое теперь осталось у них, чтобы ускользнуть от своих врагов, - это самоуничтожение. Когда его друзья поняли, что именно это он имел в виду и что он был полон решимости воплотить этот замысел в жизнь в своем собственном случае, их охватила печаль. Брут взял их, одного за другим, за руки и попрощался. Он поблагодарил их за верность, поддерживавшую его дело до последнего, и сказал, что для него было источником большого

утешения и удовлетворения то, что все его друзья оказались такими верными. “Я не жалею о своей тяжелой судьбе,” добавил он, “что касается меня самого. Я скорблю только о своей несчастной стране. Что касается меня, я думаю, что мое положение даже сейчас лучше, чем у моих врагов; ибо, хотя я умру, потомки воздадут мне должное, и я буду вечно пользоваться почестями, которых заслуживают добродетель и честность; в то время как они, хотя и живы, живут только для того, чтобы пожирать горькие плоды несправедливости и тирании.

“После того, как я уйду, - продолжал он, по-прежнему обращаясь к своим друзьям, “не думайте больше обо мне, но позаботьтесь о себе. Антоний, я уверен, будет удовлетворен смертью Кассия и моей. Он больше не будет расположен мстительно преследовать тебя. Помиришься с ним на самых лучших условиях, какие только сможешь”.

Тогда Брут попросил сначала одного, а затем другого из своих друзей помочь ему выполнить последний долг, как он, по-видимому, считал, а именно лишить себя жизни; но один за другим они заявляли, что ничем не могут помочь ему в осуществлении столь ужасного решения. Наконец, он взял с собой старого и давно испытанного друга по имени Стратон и немного отошел в сторону, отдельно от остальных. Здесь он еще раз попросил об одолжении, в котором ему было отказано раньше, — попросил Стратона обнажить свой меч. Стратон по-прежнему отказывался. Затем Брут позвал одного из своих рабов. На это Стратон заявил, что скорее сделает что угодно, чем позволит Бруту умереть от руки раба. Он взял меч и правой рукой поднял его в воздух. Левой рукой он прикрыл глаза, чтобы не видеть ужасного зрелища. Брут бросился на острие оружия с такой смертельной силой, что упал и немедленно испустил дух.

Так завершилась великая и знаменитая битва при Филиппах, вошедшая в историю как завершение великого конфликта между друзьями и врагами Цезаря, который так сильно взволновал мир после смерти завоевателя. Эта битва укрепила господство Антония и сделала его на какое-то время самым заметным мужчиной, как Клеопатра была самой заметной женщиной в мире.

Глава X.

Клеопатра и Антоний.

Насколько на Клеопатру в ее решимости поддержать дело Антония, а не Брута и Кассия, в гражданской войне, описанной в предыдущей главе, повлияла благодарность к Цезарю, а насколько, с другой стороны, личный интерес к Антонию, судить читателю. Следует помнить, что Клеопатра видела Антония несколько лет назад, во время его визита в Египет, когда она была молодой девушкой. Несомненно, она была хорошо знакома с его характером. В некоторых

отношениях это был персонаж, способный поразить воображение такой пылкой, импульсивной и смелой женщины, какой Клеопатра быстро становилась.

Фактически, Энтони стал объектом всеобщего интереса во всем мире благодаря своим диким и эксцентричным манерам и безрассудному поведению, а также весьма необычным превратностям, которыми была отмечена его карьера. По своим моральным качествам он был настолько заброшен и развращен, насколько это было возможно. В молодости, как уже говорилось, он погрузился в такой разгул и экстравагантность, что полностью и безнадежно разорился; или, скорее, он был бы таковым, если бы под влиянием той магической силы обаяния, которой часто обладают подобные личности, ему не удалось добиться большого влияния на молодого человека с огромным состоянием по имени Курио, который на некоторое время поддержал его, став поручителем по его долгам. Это средство, однако, вскоре иссякло, и Антоний был вынужден покинуть Рим и несколько лет прожить беглецом и изгнанником, в беспутной нищете и нужде. В течение всех последующих перипетий, через которые он прошел в ходе своей карьеры, сохранялись те же привычки к расточительству, когда в его распоряжении были средства. Эта черта его характера иногда принимала форму благородной щедрости. В своих походах награбленное он обычно делил между своими солдатами, ничего не оставляя себе. Это сделало его людей беззаветно преданными ему и заставило их считать его расточительность добродетелью, даже если сами они не извлекали из этого никакой прямой выгоды. В кэмпе всегда ходили тысячи историй о его поступках, иллюстрирующих его безрассудное пренебрежение ценностью денег, некоторые нелепые, все эксцентричные и странные.

И в своих личных привычках он максимально отличался от других мужчин. Он гордился тем, что происходил от Геркулеса, и стиль одежды, общий вид и манеры соответствовали дикарскому характеру этого его мнимого предка. Черты его лица были резкими, нос изогнутым и выступающим, а волосы и бороду он носил очень длинными - настолько длинными, насколько он мог заставить их отрасти. Эти особенности придавали его лицу очень дикое и свирепое выражение. Он также перенял стиль одежды, который, если судить по преобладающей моде того времени, придавал всему его облику грубый, дикий и безрассудный вид. Его манеры и поведение соответствовали его одежде и внешнему виду. Он жил в привычках самой откровенной фамильярности со своими солдатами. Он свободно общался с ними, ел и пил с ними на свежем воздухе и присоединялся к их шумному веселью, грубому и неистовому веселью. Его властный ум и отчаянная безрассудность его мужества позволили ему проделать все это без какой-либо опасности. Эти качества внушали солдатам чувство глубокого уважения к своему командиру; и это хорошее мнение ему удалось сохранить, несмотря на такую фамильярность с подчиненными, которая была бы фатальной для влияния обычного человека.

В самый благополучный период карьеры Антония — например, в период, непосредственно предшествовавший смерти Цезаря, — он пристрастился к порочным удовольствиям самого открытого, публичного и бесстыдного характера. Вокруг него было что-то вроде двора, состоявшего из шутов, акробатов, балагуров, театральных актеров и других подобных персонажей самого низкого и пользующегося самой дурной репутацией класса. Многие из этих спутников были поющими и танцующими девушками, очень красивыми и очень сведущими в искусстве своих соответствующих профессий, но все они были полностью развращены. Общественное мнение, даже в ту эпоху и в той стране, решительно осуждало такое поведение. Люди были язычниками, это правда, но ошибочно полагать, что формирование морального

чувства в обществе против подобных пороков - это работа, которую может выполнить только христианство. Существует закон природы в форме инстинкта, универсального для расы, повелительно предписывающий, чтобы связь полов заключалась в союзе одного мужчины с одной женщиной, и эта женщина была его женой, и очень строго запрещающий все остальное. Так что, вероятно, никогда в мире не было общества настолько развращенного, чтобы человек мог практиковать в нем такие пороки, как у Антония, не только не нарушая своего собственного чувства добра и неправды, но и не навлекая на себя всеобщего осуждения окружающих.

Тем не менее, мир склонен быть очень терпимым по отношению к порокам великих. О таких возвышенных личностях, как Антоний, по-видимому, судят по иным меркам, чем о простых людях. Даже в странах, где те, кто занимает высокое положение, пользующееся доверием или властью, фактически избираются для того, чтобы быть назначенными туда голосами своих братьев, любое исследование личного характера кандидата часто подавляется, такое исследование осуждается как совершенно неуместное и неподобающее, и те, кто преуспевает в достижении власти, пользуются иммунитетом при возвышении, в котором отказано обычным людям.

Но, несмотря на влияние ранга и власти Антония, защищавших его от общественного порицания, он довел свои выходки до такой крайности, что его поведение было очень громко осуждено всеми. Он проводил всю ночь в кутежах, а затем, на следующий день, появлялся на публике, шатаясь по улицам. Иногда он приходил в суды для ведения бизнеса, когда был настолько пьян, что друзьям приходилось приходить ему на помощь, чтобы увести его. В некоторых своих путешествиях по окрестностям Рима он брал с собой отряд товарищей самого худшего характера и путешествовал с ними открыто и без стыда. Была некая актриса по имени Цитерида, которую он сделал своей компаньонкой в одном из таких случаев. Ее несли на носилках в его свите, и он повсюду возил с собой обширную коллекцию золотой и серебряной посуды, великолепную столовую мебель, а также бесконечный запас роскошных яств и вин, чтобы обеспечить развлечения и банкеты, которые он должен был отпраздновать с ней во время путешествия. Иногда Он останавливался на обочине дороги, ставил свои палатки, обустраивал кухни, заставлял своих поваров готовить пиршество, накрывал столы и устраивал роскошный банкет самого дорогостоящего, полного и торжественного характера — и все это для того, чтобы заставить людей удивляться изобилию и совершенству средств роскоши, которые он мог носить с собой, куда бы ни отправился. На самом деле, он, казалось, всегда испытывал особое удовольствие от того, что делал странные и экстраординарные вещи, чтобы вызвать удивление. Однажды во время путешествия он запряг в повозки львов, которые тащили его багаж, чтобы произвести сенсацию.

Несмотря на беспечность, с которой Антоний предавался этим роскошным удовольствиям в Риме, ни один человек не мог лучше переносить воздействие и лишения в лагере или на поле боя. На самом деле, находясь за границей, он с такой же безудержной стремительностью бросался в трудности и опасности, как и в расходы и расточительство дома. Во время своих сражений с Октавием и Лепидом после смерти Цезаря ему однажды довелось перейти Альпы, которые он со свойственным ему безрассудством попытался пересечь без каких-либо надлежащих запасов провизии или транспортных средств. Во время перехода он вместе с войсками, находившимися под его командованием, был доведен до крайней нищеты. Им приходилось питаться кореньями и травами и, наконец, корой деревьев; и они едва спасались этим от настоящей голодной смерти. Однако Антония, казалось, все это несколько не

волновало, но он продолжал преодолевать трудности и опасности, проявляя все ту же смелость и решительное безразличие до конца. В той же кампании он одно время оказался в крайней нужде в отношении людей. Его войска постепенно истощались, пока его положение не стало совсем отчаянным. В этих обстоятельствах ему пришла в голову совершенно необычайная идея отправиться одному в лагерь Лепида и увести войска своего соперника прямо из-под глаз их командующего. Этот смелый план был успешно выполнен. Антоний продвигался один, одетый в жалкую одежду, со спутанными волосами и бородой, свисавшими на грудь и плечи, к позициям Лепида. Люди, которые хорошо знали его, встретили его одобрительными возгласами и, выражая сожаление по поводу печального состояния, в которое, по их мнению, он пришел, начали прислушиваться к тому, что он хотел сказать. Лепид, который не мог напасть на него, поскольку они с Антонием в то время не были в открытой вражде друг к другу, а были всего лишь соперничающими командирами в одной армии, приказал трубачам затрубить, чтобы произвести шум, который не позволил бы услышать слова Антония. Это прервало переговоры; но мужчины немедленно переодели двоих из своего числа в женскую одежду и послали их к Антонию, чтобы договориться с ним о том, чтобы они перешли под его командование, и в то же время предложили убить Лепида, если он только скажет слово. Антоний приказал им не причинять Лепиду вреда. Он, однако, перешел на сторону противника, овладел лагерем и принял командование армией. Он обращался с самим Лепидом, лично, с чрезвычайной вежливостью и сохранил его в качестве подчиненного под своим командованием.

Незадолго до смерти цезаря Антоний женился. Женщину звали Фульвия. На момент своего замужества с Антонием она была вдовой и обладала очень заметным и решительным характером. До этого времени она вела разгульную и нерегулярную жизнь, но она очень сильно привязалась к своему новому мужу и посвятила себя ему со времени своего замужества с самой постоянной преданностью. Вскоре она приобрела над ним очень большое влияние и стала средством проведения весьма значительных реформ в его поведении и характере. Она была амбициозной и устремленной женщиной и приложила много очень эффективных и успешных усилий, чтобы способствовать возвышению своего мужа. Кроме того, она, казалось, испытывала огромную гордость и удовольствие от того, что проявляла над ним, собой, большой личный контроль. Она преуспела в этих попытках таким образом, что удивила всех. Всему человечеству казалось удивительным, что такого тигра, каким он был, можно было усмирить какой-либо человеческой силой. И не мягкостью Фульвия приобрела такую власть над своим мужем. У нее был очень суровый и мужественный характер, и она, кажется, овладела Антонием, превзойдя его в использовании его собственного оружия. На самом деле, вместо того чтобы попытаться успокоить его, она, по-видимому, довела его до необходимости прибегать к различным ухищрениям, чтобы смягчить и умиловить ее. Однажды, например, возвращаясь из похода, в котором он подвергался большим опасностям, он переоделся и ночью вернулся домой в одежде курьера с депешами. Он приказал отвести себя, закутанного и переодетого, в апартаменты Фульвии, где вручил ей несколько фальшивых писем, которые, по его словам, были от ее мужа; и пока Фульвия вскрывала их в большом волнении и трепете, он сбросил свою маскировку и открылся ей, заключив ее в объятия и целуя в разгар ее изумления.

Брак Антония с Фульвией, помимо того, что он в некоторой степени изменил его мораль, смягчил и цивилизовал его манеры. Теперь его одежда и внешность приобрели иной характер. Фактически, его политическое возвышение после смерти цезаря вскоре стало очень высоким, и различные демократические ухищрения, с помощью которых он пытался подняться до этого, теперь были уже не нужны и, как обычно в таких случаях, постепенно отброшены. Находясь в

Риме, он жил с большим шиком и великолепием, а когда уезжал из дома в свои военные кампании, он начал демонстрировать ту же помпезность и парадность в своем снаряжении и в расстановке, что и в лагерях других римских полководцев.

После битвы при Филиппах, описанной в предыдущей главе, Антоний, который, при всех своих недостатках, иногда был очень великодушным противником, как только до него дошла весть о смерти Брута, немедленно отправился на место и, казалось, был весьма потрясен и обеспокоен видом тела. Он снял свой собственный военный плащ или мантию — которая была очень великолепной и дорогой одеждой, украшенной множеством дорогих украшений, — и накинул ее на труп. Затем он дал указания одному из слуг своей семьи организовать погребальные церемонии очень внушительного характера в знак своего уважения к памяти покойного. На этих церемониях обязанностью офицера было сжечь военный плащ, который Энтони присвоил для использования в качестве покрывала, вместе с телом. Однако он этого не сделал. Поскольку плащ был очень ценным, он оставил его себе; кроме того, он удержал значительную часть денег, которые были даны ему на расходы по похоронам. Он предположил, что Энтони, вероятно, не стал бы слишком подробно расспрашивать о деталях подготовки к похоронам своего самого заклятого врага. Антоний, однако, навел о них справки, и когда он узнал, что натворил офицер, он приказал убить его.

Различные политические изменения, которые произошли, и передвижения, имевшие место среди нескольких армий после битвы при Филиппах, не могут быть здесь подробно описаны. Достаточно сказать, что Антоний двинулся на восток через Малую Азию и в течение следующего года прибыл в Киликию. Отсюда он отправил гонца в Египет к Клеопатре, призывая ее предстать перед ним. По его словам, против нее были выдвинуты обвинения в том, что она помогала Кассию и Бруту в последней войне вместо того, чтобы оказать помощь ему. Были ли на самом деле какие-либо подобные обвинения, или они были только сфабрикованы Антонием как предлог для свидания с Клеопатрой, слава о красоте которой была очень широко распространена, доподлинно неизвестно. Как бы то ни было, он послал позвать к себе царицу. Имя гонца, которого Антоний отправил с этим поручением, было Деллий. Фульвии, жены Антония, в это время с ним не было. Ее оставили в Риме.

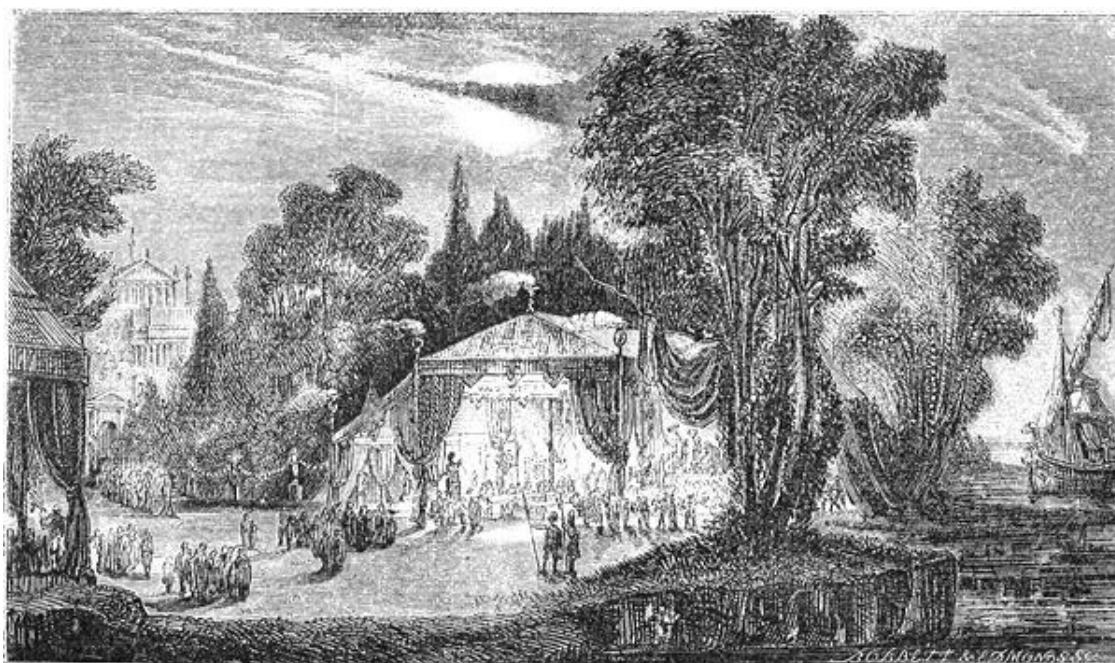
Деллий отправился в Египет и появился при дворе Клеопатры. В то время царице было около двадцати восьми лет, но, как было сказано, она была красивее, чем когда-либо прежде. Деллий был очень поражен ее красотой и неким очарованием в ее голосе и разговоре, о котором ее древние биографы часто говорят как об одном из самых неотразимых ее обаяний. Он сказал ей, что ей не нужно бояться Энтони. По его словам, не имеет значения, какие обвинения могут быть выдвинуты против нее. Она обнаружила бы, что уже через несколько дней после того, как предстанет перед Энтони, будет в большом почете. На самом деле, сказал он, она могла бы рассчитывать на то, что очень быстро получит неограниченное влияние над генералом. Поэтому он посоветовал ей без страха отправиться в Киликию и предстать перед Антонием со всей pompой и великолепием, на которые она была способна. Он сказал, что ответит за результат.

Клеопатра решила последовать этому совету. На самом деле, ее пылкое и импульсивное воображение загорелось идеей во второй раз покорить величайшего полководца и высочайшего властелина в мире. Она немедленно начала готовиться к путешествию. Она использовала все ресурсы своего королевства, чтобы приобрести для себя самые великолепные предметы роскоши, такие как дорогие и блистательные платья, богатый сервиз,

украшения из драгоценных камней и золота, а также подарки в большом разнообразии и самого дорогого качества для Антония. Она назначила также многочисленную свиту слуг для сопровождения себя и, одним словом, завершила все приготовления к экспедиции самого внушительного и великолепного характера. Пока шли эти приготовления, она получала новые и частые послания от Антония, призывавшие ее поторопиться с отъездом, но она обращала на них очень мало внимания. Было очевидно, что она чувствовала себя вполне независимой и намеревалась не торопиться.

Наконец, однако, все было готово, и Клеопатра отплыла. Она пересекла Средиземное море и вошла в устье реки Кидн. Антоний находился в Тарсе, городе на Кидне, на небольшом расстоянии от ее устья. Когда флот Клеопатры вошел в реку, она поднялась на борт великолепнейшей баржи, которую построила специально для этого случая и привезла с собой через море. Эта баржа была самым великолепным и богато украшенным судном, которое когда-либо строилось. Она была украшена резьбой и украшениями тончайшей работы и искусно позолочена. Паруса были пурпурного цвета, а весла инкрустированы серебром. На палубе этой баржи появилась царица Клеопатра под балдахин из золотой ткани. Она была очень великолепно одета в костюм, в котором тогда обычно изображалась Венера, богиня Красоты. Она была окружена компанией красивых мальчиков, которые ухаживали за ней в образе Купидонов и обмахивали ее своими крыльями, а также группой молодых девушек, изображавших нимф и Граций. На палубе располагался оркестр музыкантов. Эта музыка направляла гребцов, когда они в такт ей гребли; и какой бы мягкой ни была мелодия, звуки были слышны далеко над водой и вдоль берегов, по мере того как прекрасное судно продвигалось вперед по своему пути. Исполнители были снабжены флейтами, лирами, виолами и всеми другими инструментами, которые обычно использовались в те времена для создания нежной и чувственной музыки.

На самом деле, все это зрелище казалось волшебным видением. Весть о приближении баржи быстро распространилась по округе, и жители страны толпами стекались на берега реки, чтобы с восхищением смотреть, как она медленно плывет по течению. Во время прибытия корабля в Тарс Антоний был занят публичной аудиенцией в каком-то трибунале своего дворца, но все сбежались посмотреть на Клеопатру и баржу, и, следовательно, великий триумвир остался один или, по крайней мере, с несколькими официальными сопровождающими рядом с ним. Клеопатра, прибыв в город, высадилась на берег и начала разбивать свои палатки на берегу. Антоний послал гонца приветствовать ее и пригласить прийти и поужинать с ним. Она отклонила приглашение, сказав, что будет правильнее, если он придет и поужинает с ней. Соответственно, она будет ожидать, что он придет, сказала она, и ее палатки будут готовы в назначенный час. Антоний согласился на ее предложение и пришел на ее прием. Его приняли с великолепием, которое поразило его самого. Палатки и павильоны, где проводилось представление, были освещены огромным количеством ламп. Эти лампы были расположены очень оригинальным и красивым образом, чтобы создавать освещение самой удивительной яркости и красоты. Огромное количество и разнообразие яств и вин, золотых и серебряных сосудов, которыми были уставлены столы, а также великолепие нарядов, которые носили Клеопатра и ее приближенные, в совокупности придавали всей сцене ошеломляющее очарование.

Развлечения в Тарсе.

На следующий день Антоний пригласил Клеопатру приехать с ответным визитом; но, хотя он приложил все возможные усилия, чтобы устроить такой же роскошный пир и так же великолепно сервировать его, как у нее, он потерпел полную неудачу в этой попытке и признал себя полностью превзойденным. Более того, Антоний во время этих бесед был совершенно очарован чарами Клеопатры. Ее красота, ее остроумие, тысячи ее достоинств и, прежде всего, такт, ловкость и самообладание, которые она проявила, сразу же так смело и искусно воплотив в жизнь идею своего социального превосходства над ним, что он почти сразу же подчинил свое сердце ее неоспоримому влиянию.

Первое, чем воспользовалась Клеопатра своей властью, было то, что она попросила Антония ради нее приказать убить ее сестру Арсиною. Арсиноя, как известно, отправилась в Рим, чтобы отметить там триумф Цезаря, а затем удалилась в Азию, где сейчас жила в изгнании. Клеопатра, то ли из чувства прошлой мести, то ли из-за каких-то предчувствий будущей опасности, теперь желала смерти своей сестре. Антоний с готовностью согласился на ее просьбу. Он послал офицера на поиски несчастной принцессы. Офицер убил ее там, где нашел, на территории храма, в который она убежала, полагая, что это святилище, нарушить которое не посмела бы никакая враждебность, какой бы крайней она ни была.

Клеопатра некоторое время оставалась в Тарсе, вращаясь в непрерывном круговороте веселья и удовольствий и придерживаясь безудержной близости с Антонием. Она привыкла проводить с ним целые дни и ночи в пиршествах и кутежах. Безмерное великолепие этих развлечений, особенно со стороны Клеопатры, было чудом света. Похоже, ей доставляло особое удовольствие вызывать удивление Энтони демонстрацией своего богатства и безграничной расточительности, которой она предавалась. На одном из ее банкетов Антоний выразил свое удивление огромным количеством золотых кубков, украшенных драгоценными камнями, которые были выставлены со всех сторон. "О, - сказала она, - это пустяки; если они тебе

понравятся, ты получишь их все”. С этими словами она приказала своим слугам отнести их в дом Антония. На следующий день она снова пригласила Антония с большим количеством высших офицеров его армии и двора. Стол был уставлен новым сервизом из золотых и серебряных сосудов, более обширным и великолепным, чем в предыдущий день; и по окончании ужина, когда компания собиралась расходиться, Клеопатра раздала все эти сокровища гостям, присутствовавшим на угощении. На другом из этих пиршеств она довела свое хвастовство и показуху до поразительной крайности, сняв с одной из своих сережек жемчужину огромной ценности и растворив ее в чашке с уксусом,^[8] из которого она впоследствии приготовила напиток, такой, какой обычно употребляли в те дни, а затем выпила его. Она собиралась проделать то же самое с другой жемчужиной, когда кто-то из компании приостановил процесс и забрал оставшуюся жемчужину.

Тем временем, пока Антоний таким образом тратил свое время в роскоши и удовольствиях с Клеопатрой, его общественными обязанностями пренебрегали, и все приводило в замешательство. Фульвия оставалась в Италии. Ее положение и характер давали ей огромное политическое влияние, и она очень энергично отстаивала в этой части мира интересы своего мужа. Она была окружена трудностями и опасностями, подробности которых, однако, не могут быть здесь подробно описаны. Она постоянно писала Антонию, настойчиво умоляя его приехать в Рим и демонстрируя в своих письмах все те признаки волнения и огорчения, которые жена, естественно, испытывала бы в тех обстоятельствах, в которых она оказалась. Мысль о том, что ее муж был так сильно отдален от нее преступными уловками такой женщины и что она побудила его бросить его жену и семью и оставить в небрежении и смятении заботы такого важного значения, как те, которые требовали его внимания дома, вызвала в ее душе волнение, граничащее с безумием. В конце концов, срочность дела настолько повлияла на Антония, что он решил вернуться. Он снял свою квартиру в Тарсе и двинулся на юг, в сторону Тира, который в те дни был крупным военно-морским портом и базой. Клеопатра поехала с ним. Они должны были расстаться в Тире. Она должна была отправиться оттуда в Египет, а он - в Рим.

По крайней мере, таков был план Антония, но не Клеопатры. Она решила, что Антоний должен отправиться с ней в Александрию. Как и следовало ожидать, когда пришло время принимать решение, женщина одержала верх. Ее лесть, ее искусство, ее ласки, ее слезы одержали верх. После непродолжительной борьбы между чувством любви, с одной стороны, и честолюбием и чувством долга, вместе взятыми, с другой, Антоний отказался от состязания. Забыв обо всем остальном, он полностью отдался во власть Клеопатры и отправился с ней в Александрию. Он провел там зиму, предаваясь с ней всем видам чувственного наслаждения, которые только может вынести самая безжалостная распущенность и самое безграничное богатство, какое только можно получить.

Казалось, на самом деле, экстравагантности и безрассудству, которые Антоний проявлял зимой в Александрии, не было границ. Клеопатра посвящала себя ему непрерывно, днем и ночью, заполняя каждое мгновение каким-нибудь новым видом удовольствия, чтобы у него не было времени думать о своей отсутствующей жене или выслушивать упреки своей совести. Антоний, со своей стороны, добровольно поддавался этим уловкам и всем сердцем погрузился в тысячи планов веселья, которые придумывала Клеопатра. У каждого из них было отдельное заведение в городе, содержание которого обходилось им в огромные деньги, и они договорились, что каждый будет гостить у другого поочередно. Эти визиты проходили в играх, спортивных

состязаниях, зрелищах, пиршествах, пьянстве и во всех видах буйства, нерегулярности и излишествах.

Приводится любопытный пример случайного способа, которым иногда добывались сведения о сценах и происшествиях частной жизни в те древние времена, при обстоятельствах, которые произошли в это время при дворе Антония. По-видимому, той зимой в Александрии был молодой студент-медик по имени Филотас, который тем или иным образом познакомился с одним из слуг Антония, поваром. Под руководством этого повара Филотас однажды отправился во дворец, чтобы посмотреть, что можно увидеть. Повар повел своего друга на кухню, где, к великому удивлению Филотаса, он увидел среди бесконечного количества и разнообразия других приготовлений восемь диких кабанов, жарящихся на огне, причем некоторые были более, а некоторые менее продвинуты в процессе приготовления. Филота спросил, какая большая компания будет обедать там в этот день. Повар улыбнулся на этот вопрос и ответил, что никакой компании вообще не будет, кроме обычной вечеринки Антония. “Но, ” сказал повар в качестве объяснения, “ мы всегда вынуждены готовить несколько ужинов и готовить их последовательно в разные часы, потому что никто не может сказать, в какое время они прикажут подать угощение. Иногда, когда ужин уже подан, Антоний и Клеопатра предаются какому-нибудь новому развлечению и решают не садиться сразу за стол, и поэтому нам приходится уносить ужин и вскоре приносить другой ”.

В то время в Александрии у Антония был сын от его жены Фульвии. Этого сына, как и отца, звали Антоний. Он был достаточно взрослым, чтобы испытывать некоторое чувство стыда из-за того, что его отец пренебрег своим долгом, и проявлять некоторое уважение к правам и чести своей матери. Однако вместо этого он подражал примеру своего отца и, по-своему, был таким же безрассудным и экстравагантным, как и он сам. Тот самый Филота, о котором говорилось выше, через некоторое время был назначен на ту или иную должность в доме молодого Антония, так что он привык сидеть за его столом и участвовать в его веселых забавах. Он рассказывает, что однажды, когда они вместе пировали, там присутствовал гость, врач, который был очень тщеславным человеком и таким разговорчивым, что ни у кого другого не было возможности заговорить. Все удовольствие от беседы было испорчено его чрезмерной болтливостью. Филотас, однако, в конце концов так озадачил его вопросом логики — подобного тому, который часто с большим интересом обсуждался в древности, — что заставил его на время замолчать; и молодой Антоний был так восхищен этим подвигом, что отдал Филотасу всю золотую и серебряную посуду, которая была на столе, и отослал все предметы Филотасу домой, после того как угощение закончилось, сказав ему поставить на них свою метку и штамп и запереть их.

Вопрос, которым Филота озадачил самодовольного врача, заключался в следующем. Однако следует исходить из того, что в те дни считалось, что холодная вода при перемежающейся лихорадке чрезвычайно опасна, за исключением некоторых особых случаев, но в тех случаях эффект был хорошим. Затем Филотас аргументировал следующим образом: “В случаях определенного рода лучше всего давать воду пациенту с лихорадкой. Все случаи лихорадки - это случаи определенного рода. Поэтому лучше всего во всех случаях давать пациенту воду ”. Филотас, изложивший свой аргумент таким образом, призвал врача указать на его ошибочность; и пока врач сидел озадаченный в своих попытках распутать эту запутанность, компания наслаждалась временной передышкой от его чрезмерной болтливости.

Филотас добавляет в своем рассказе об этом деле, что он снова отправил золотое и серебряное блюдо молодому Антонию, побоявшись оставить их у себя. Энтони сказал, что, возможно, это и к лучшему, поскольку многие сосуды представляют большую ценность из-за своей редкой и антикварной работы, и его отец, возможно, соскучится по ним и захочет узнать, что с ними стало.

Как не было пределов, с одной стороны, возвышенности и величию удовольствий, к которым прирастились Антоний и Клеопатра, так не было пределов и низким и порочным наклонностям, которые характеризовали их, с другой. Иногда в полночь, проведя много часов в веселье и кутежах во дворце, Антоний переодевался в платье раба и, разгоряченный вином, выходил на улицы в поисках приключений. Во многих случаях сама Клеопатра, точно так же переодетая, выходила с ним на свидание. Во время этих экскурсий Антоний получал удовольствие, ввязываясь во всевозможные трудности и опасности — уличные беспорядки, пьяные драки и отчаянные ссоры с населением — и все это для развлечения Клеопатры и своего собственного. Рассказы об этих приключениях впоследствии распространялись среди людей, одни из которых восхищались свободным и веселым характером своего эксцентричного гостя, а другие презирали его как принца, низводящего себя до уровня животного.

Некоторые развлечения, которым предавались Антоний и Клеопатра, были невинны сами по себе, хотя и совершенно недостойны того, чтобы стать серьезным делом жизни людей, на которых по праву возлагались такие возвышенные обязанности. Они совершали различные экскурсии по Нилу и устраивали увеселительные вечеринки для прогулок по воде в гавани и в различных сельских убежищах в окрестностях города. Однажды они отправились на рыбалку, на лодках, в порт. Антонию это не удалось; и, чувствуя огорчение от того, что Клеопатра стала свидетельницей его невезения, он тайно договорился с некоторыми рыбаками нырнуть туда, где они могли бы сделать это незаметно, и насадить рыбу на его крючок под водой. С помощью этого плана он очень быстро поймал очень крупную и тонкую рыбу. Клеопатра, однако, была слишком осторожна, чтобы ее можно было легко обмануть подобной уловкой. Она заметила этот маневр, но сделала вид, что не заметила его; с другой стороны, она выразила величайшее удивление и восторг по поводу удачи Энтони и необычайного мастерства, о котором это свидетельствовало.

На следующий день она снова захотела порыбачить, и, соответственно, была устроена вечеринка, как и накануне. Однако она тайно поручила другому рыбаку раздобыть на рынке сушеную и соленую рыбу и, воспользовавшись удобным случаем, спуститься в воду под лодками и насадить ее на крючок, прежде чем туда доберутся ныряльщики Энтони. Этот план удался, и Антоний посреди большой и веселой компании, которая наблюдала за происходящим, вытащил превосходную рыбу, вяленую и вяленостями, такую, которая всем была известна как импортный товар, купленный на рынке. Это была рыба того вида, который был привезен родом из Малой Азии. Лодки и вода вокруг них огласились криками веселья и смеха, вызванными этим происшествием.

Тем временем, пока Антоний таким образом проводил свое время в низких и неблагородных занятиях и постыдных удовольствиях в Александрии, его жена Фульвия, исчерпав все другие средства заставить своего мужа вернуться к ней, впала в отчаяние и приняла меры для разжигания открытой войны, которая, как она думала, вынудит его вернуться. Необычайная

энергия, влияние италант, которыми обладала Фульвия, позволили ей сделать это эффективным образом. Она собрала армию, разбила лагерь, встала во главе войск и послала Антонию такие вести об опасностях, которые угрожали его делу, что они сильно встревожили его. В то же время пришли известия о великих бедствиях в Малой Азии и о тревожных восстаниях в провинциях, которые были вверены там его попечению. Антоний понимал, что он должен освободиться от чар, которые околдовали его, и порвать с Клеопатрой, иначе он будет полностью и безвозвратно разорен. Соответственно, он предпринял отчаянную попытку освободиться. Он попрощался с царицей, поспешно сел на флот галер и отплыл в Тир, оставив Клеопатру в ее дворце раздосадованной, разочарованной и огорченной.

Глава XI.

Битва при Акциуме.

Клеопатра, расставшись с Антонием, как описано в предыдущей главе, потеряла его на два или три года. За это время Антоний сам был вовлечен в великое множество трудностей и опасностей и прошел через множество насыщенных событиями сцен, которые, однако, не могут здесь быть описаны подробно. Его жизнь в этот период была полна превратностей и волнений и, вероятно, проходила в чередовании раскаяния в прошлом и тревоги за будущее. Высадившись в Тире, он сначала был крайне озадачен, идти ли ему в Малую Азию или в Рим. В обоих местах настоятельно требовалось Его присутствие. Война, которую развязала Фульвия, была вызвана отчасти соперничеством Октавия и столкновением его интересов с интересами ее мужа. Антоний был очень зол на нее за то, что она устроила его дела таким образом, что привела к войне. Через некоторое время Антоний и Фульвия встретились в Афинах. Фульвия удалилась в этот город и была там очень серьезно больна, то ли от телесной болезни, то ли под влиянием длительных тревог, досады и огорчения. У них была бурная встреча. Ни одна из сторон не была расположена проявлять милосердие по отношению к другой. Энтони ушел от своей жены грубо, осыпав ее упреками. Вскоре после этого она в печали сошла в могилу.

Смерть Фульвии была событием, которое оказалось выгодным для Антония. Это открыло путь к примирению между ним и Октавием. Фульвия была чрезвычайно активна в противодействии планам Октавия и в организации планов сопротивления ему. Поэтому он испытывал особую враждебность к ней, а через нее и к Антонию. Однако теперь, когда она была мертва, путь, казалось, в некотором смысле открылся для примирения.

У Октавия была сестра Октавия, которая была женой римского полководца по имени Марцелл. Она была очень красивой и очень образованной женщиной, и по духу своему сильно отличалась от Фульвии. Она была нежной, ласковой и доброй, любила мир и гармонию и вовсе не была склонна, подобно Фульвии, утверждать и поддерживать свое влияние на других

властными жестоким поведением. Муж Октавии умер примерно в это же время, и в ходе перемещений и переговоров между Антонием и Октавием был предложен план заключения брака между Антонием и Октавией, который, как считалось, закрепит примирение. Это предложение было в конце концов принято. Антоний был рад, что нашел такой простой способ разрешить свои трудности. Народ Рима также и тамошние власти, зная, что мир во всем мире зависит от условий, на которых эти два человека стояли по отношению друг к другу, были крайне заинтересованы в том, чтобы это соглашение было приведено в действие. В содружестве существовал закон, запрещающий вдове вступать в брак в течение определенного срока после смерти ее мужа. В случае Октавии этот срок еще не истек. Однако было настолько сильное желание, чтобы никакие препятствия не помешали этому предполагаемому союзу или даже вызвали отсрочку, что закон был изменен специально для этого случая, и Антоний и Октавия поженились. Империя была разделена между Октавием и Антонием, Октавий получил западную часть в качестве своей доли, в то время как восточная была закреплена за Антонием.

Маловероятно, что Антоний испытывал какую-то очень сильную привязанность к своей новой жене, какой бы красивой и нежной она ни была. На самом деле человек, который вел такую жизнь, какой была у него, должен был к этому времени стать неспособным к какой-либо сильной и чистой привязанности. Он, однако, был доволен новизной своего приобретения и, казалось, на время забыл о потере Клеопатры. Он оставался с Октавией год. После этого он уехал по каким-то военным делам, которые на некоторое время оторвали его от нее. Он снова вернулся и снова ушел. Все это время влияние Октавии на него и на своего брата носило самый благотворный и превосходный характер. Она успокоила их вражду, усмирила их подозрения и ревность, и однажды, когда они были на грани открытой войны, она добилась примирения между ними самыми смелыми и энергичными, и в то же время мягкими и непритязательными усилиями. Во время этой опасности она находилась со своим мужем в Греции; но она убедила его отправить ее к брату в Рим, сказав, что уверена, что сможет уладить надвигающиеся трудности. Антоний позволил ей уехать. Она отправилась в Рим и добилась свидания со своим братом в присутствии двух главных государственных чиновников. Здесь она вступилась за своего мужа со слезами на глазах; она защищала его поведение, объясняла, что, по-видимому, было направлено против него, и умоляла своего брата не избирать такой курс, который превратил бы ее из счастливейшей из женщин в самую несчастную. “Подумайте об обстоятельствах моего дела”, - сказала она. “Глаза всего мира устремлены на меня. Из двух самых могущественных людей в мире я жена одного и сестра другого. Если вы позволите продолжать давать опрометчивые советы и начнется война, я безнадежно разорена; ибо, кто бы ни был побежден, мой муж или мой брат, моего собственного счастья больше не будет”.

Октавий искренне любил свою сестру и был настолько смягчен ее мольбами, что согласился назначить встречу с Антонием, чтобы посмотреть, можно ли уладить их трудности. Соответственно состоялась и эта встреча. Два генерала пришли к реке, где на противоположных берегах каждый сел в лодку, и, когда их направили навстречу друг другу, они встретились на середине потока. Последовала конференция, на которой все спорные вопросы были, по крайней мере на какое-то время, очень удачно урегулированы.

Однако через некоторое время Антоний начал уставать от своей жены и снова вздыхать по Клеопатре. Он оставил Октавию в Риме и отправился на восток под предлогом участия в делах этой части империи; но вместо этого он отправился в Александрию и там возобновил свою прежнюю близость с египетской царицей.

Октавиус был очень возмущен этим. Его прежняя враждебность к Антонию, которая была до некоторой степени смягчена добрым влиянием Октавии, теперь вспыхнула с новой силой и усилилась чувством негодования, естественно вызванным поступками его сестры. Общественное мнение в Риме также было настроено очень решительно против Антония. Против него были написаны пасквили, высмеивающие его и Клеопатру, и его поведению были вынесены самые решительные порицания. Октавия была всеобщей любимицей, и симпатия, которую повсюду испытывали к ней, очень сильно усиливала народное негодование, которое испытывали против человека, который мог так глубоко обидеть такую милоту, мягкость и беззаветную верность, как у нее.

Пробыв некоторое время в Александрии и возобновив свою связь и близость с Клеопатрой, Антоний снова отправился за море в Азию с намерением продолжить там определенные военные действия, которые настоятельно требовали его внимания. Его план состоял в том, чтобы как можно скорее вернуться в Египет после того, как цель его экспедиции будет достигнута. Однако он обнаружил, что не может вынести даже временного отсутствия Клеопатры. Его мысли так много думали о ней и об удовольствиях, которыми он наслаждался с ней в Египте, и он так сильно жаждал увидеть ее снова, что был совершенно непригоден для выполнения своих обязанностей в лагере. Он стал робким, неэффективным и небрежным, и почти все, за что он брался, заканчивалось катастрофически. Армия, прекрасно понимавшая причину небрежности своего командира и вытекающего из этого несчастья, была крайне возмущена его поведением, и лагерь наполнился приглушенным ропотом и жалобами. Антоний, однако, как и другие люди в его положении, был слеп ко всем этим признакам неудовлетворенности; вероятно, он проигнорировал бы их, если бы заметил. Наконец, обнаружив, что он больше не может выносить разлуку со своей любовницей, он посреди зимы отправился в поход через всю страну к морскому берегу, туда, где он послал за Клеопатрой, чтобы она присоединилась к нему. В этом марше армия пережила невероятные трудности и лишения. Когда Антоний однажды отправился в путь, ему так не терпелось продвинуться вперед, что он вынудил свои войска продвигаться с быстротой, превышающей их возможности. Кроме того, они не были обеспечены ни надлежащими палатками, ни надлежащими запасами провизии. Поэтому они часто были вынуждены после долгого и утомительного дневного перехода устраиваться на ночь бивуаком под открытым небом среди гор, имея скудные средства утолить свой голод и очень мало укрытия от холодного дождя или от снежных бурь. Восемь тысяч человек погибли в этом походе от холода, усталости и переохлаждения; возможно, это была большая жертва, чем когда-либо прежде, из-за простого пыла и нетерпения влюбленного.

Когда Антоний достиг берега, он направился к определенному морскому порту близ Сидона, где должна была высадиться Клеопатра. К моменту его прибытия от его армии осталась лишь небольшая часть, а те немногие, кто выжил, находились в плачевном состоянии. По мере приближения срока Антоний все больше и больше возбуждался от желания увидеть Клеопатру. Она пришла не так скоро, как он ожидал, и во время задержки он, казалось, изнывал под влиянием любви и печали. Он был молчалив, рассеян и печален. У него не было мыслей ни о чем, кроме пришествия Клеопатры, и он не испытывал интереса к каким-либо другим планам. Он непрестанно высматривал ее и иногда покидал свое место за столом посреди ужина и спускался один на берег, где стоял, глядя на море, и печально говорил себе: "Почему она не приходит?" Враждебность и насмешки, которые эти события вызвали против него со стороны армии, были чрезвычайными; но он был настолько увлечен этим делом, что игнорировал все

проявления общественных настроений вокруг себя и продолжал позволять своему разуму быть полностью поглощенным единственной идеей прихода Клеопатры.

Наконец она добралась. Она привезла с собой большой запас одежды и других предметов первой необходимости для армии Антония, так что ее приезд не только удовлетворил его любовь, но и принес ему очень существенное облегчение в связи с военными трудностями, в которые он был вовлечен.

После некоторого времени, проведенного в наслаждении, которое доставляло ему воссоединение с Клеопатрой, Антоний снова начал думать о делах своего правительства, которые с каждым месяцем все более и более властно требовали его внимания. Он начал получать срочные звонки из разных источников, призывающие его к действиям. Тем временем Октавия, которая все это время в отчаянии ждала в Риме, постоянно слыша самые мрачные рассказы о делах своего мужа и самые унижительные известия о его безрассудной преданности Клеопатре, решила предпринять еще одну попытку спасти его. Она ходатайствовала перед своим братом, чтобы тот позволил ей собрать войска и припасы, а затем отправиться на восток, чтобы восстановить его силы. Октавий согласился на это. На самом деле он помогал Октавии готовиться. Говорят, однако, что на этот план на него повлияла его твердая вера в то, что благородная попытка его сестры вернуть своего мужа потерпит неудачу, и что в результате ее провала Антоний будет неправ в глазах римского народа более решительно и безнадежно, чем когда-либо, и что таким образом будет подготовлен путь к его полному и окончательному уничтожению.

Октавия была рада заручиться поддержкой брата в своем предприятии, каковы бы ни были мотивы, побудившие его позволить себе это. Соответственно, она набрала значительный отряд войск, собрала крупную сумму денег, снабдила армию одеждой, палатками и военными припасами; и когда все было готово, она покинула Италию и вышла в море, предварительно отправив гонца к своему мужу, чтобы сообщить ему, что она прибывает.

Теперь Клеопатра начала бояться, что снова потеряет Антония, и сразу же начала прибегать к обычным в таких случаях уловкам, чтобы сохранить над ним свою власть. Она ничего не сказала, но приняла вид человека, изнывающего под влиянием какого-то тайного страдания или печали. Она умудрялась часто удивляться тому, что плачет. В таких случаях она поспешно смахивала слезы и изображала улыбку и хорошее настроение, как будто прилагала все усилия, чтобы быть счастливой, хотя на самом деле была подавлена тяжелым бременем беспокойства и горя. Когда Антони был рядом с ней, она, казалось, была вне себя от радости и смотрела на него с выражением самой преданной нежности. В разлуке с ним она проводила время в одиночестве, всегда молчаливая и удрученная, и часто в слезах; и она заботилась о том, чтобы тайные печали и страдания, которые она перенесла, были должным образом доведены до сведения Антония и чтобы он понял, что все они были вызваны ее любовью к нему и опасностью, которую, как она опасалась, он собирался покинуть ее.

Друзья и тайные агенты Клеопатры, которые сообщили об этом Антонию, более того, сделали ему прямые заявления, чтобы склонить его мнение в ее пользу. На самом деле у них хватило поразительной смелости утверждать, что требования Клеопатры к Антонию о продолжении его любви были превыше требований Октавии. Они сказали, что она, то есть Октавия, была его женой лишь очень короткое время. Клеопатра была преданно привязана к нему на протяжении многих лет. Они утверждали, что Октавия вышла за него замуж не по порыву любви, а

исключительно из политических соображений, чтобы доставить удовольствие своему брату и утвердить заключенный с ним политический союз. Клеопатра, с другой стороны, отдалась ему самым абсолютным и безоговорочным образом, исключительно под влиянием личной привязанности, которую она не могла контролировать. Она сдалась и пожертвовала ради него всем. Ради него она потеряла свое доброе имя, оттолкнула привязанность своих подданных, стала объектом порицания всего человечества, а теперь покинула свою родину, чтобы приехать и присоединиться к нему в его неблагоприятной судьбе. Учитывая, как много она сделала, выстрадала и пожертвовала ради него, с его стороны было бы крайней и неоправданной жестокостью бросить ее сейчас. Она бы никогда не пережила такого одиночества. Вся ее душа была настолько погружена в него, что она зачала бы и умерла, если бы он сейчас оставил ее.

Антоний был сверх всякой меры огорчен и взволнован запутанностью, в которую, как он обнаружил, был вовлечен. Его долг, возможно, его склонность, безусловно, его честолюбие и все требования благоразумия и политики требовали, чтобы он немедленно вырвался из этих ловушек и отправился навстречу Октавии. Но чары, сковывавшие его, были слишком сильны, чтобы их можно было развеять. Он уступил горестям и слезам Клеопатры. Он отправил гонца к Октавии, которая к этому времени добралась до Афин в Греции, приказав ей больше не приезжать. Октавия, которая, казалось, была неспособна обижаться или гневаться на своего мужа, послала обратно спросить, что ей делать с войсками, деньгами и военными припасами, которые она везла. Антоний велел ей оставить их в Греции. Октавия так и сделала и в печали вернулась к себе домой.

Как только она прибыла в Рим, Октавий, ее брат, чье негодование теперь было полностью вызвано низостью Антония, послал к своей сестре сказать, что она должна покинуть дом Антония и приехать к нему. Должное самоуважение, сказал он, не позволяет ей дольше оставаться под крышей такого человека. Октавия ответила, что не покинет дом своего мужа. Этот дом был ее постом, что бы ни делал ее муж, и там она останется. Соответственно, она удалилась в пределы своего старого дома и с терпеливой и безропотной печалью посвятила себя заботам о семье и детях. Среди этих детей был один маленький сын Антония, родившийся во время его брака с ее предшественницей Фульвией. Тем временем, пока Октавия таким образом добросовестно, хотя и скорбно, выполняла свои обязанности жены и матери в доме своего мужа в Риме, сам Антоний отправился с Клеопатрой в Александрию и снова предался там жизни, полной греховных удовольствий. Величие ума, которое таким образом продемонстрировала эта красивая и преданная жена, вызвало восхищение всего человечества. Это произвело, однако, еще один эффект, который Октавия, должно быть, сильно осуждала. Это вызвало сильное и всеобщее чувство негодования против недостойного объекта, по отношению к которому было проявлено это необычайное великодушие.

Тем временем Антоний полностью отдался влиянию и контролю Клеопатры и управлял всеми делами Римской империи на Востоке таким образом, который наилучшим образом способствовал ее возвышению и чести. Он сделал Александрию своей столицей, праздновал там триумфы, устраивал показательные экспедиции в Азию и Сирию с Клеопатрой и ее свитой, подарил ей целые провинции в качестве подарков и возвел двух ее сыновей, Александра и Птолемея, детей, родившихся в период его первого знакомства с ней, на самые высокие посты, как своих признанных сыновей. Последствия этих и подобных мер в Риме были фатальными для характера и положения Антония. Октавий обо всем докладывал римскому сенату и народу и сделал дурное управление Антонием и его различные проступки основанием для самых тяжких

обвинений против него. Антоний, услышав об этих событиях, послал своих агентов в Рим и выдвинул обвинения против Октавия; но эти встречные обвинения не возымели действия. Общественное мнение в столице было очень сильным и настроено против него, и Октавий начал готовиться к войне.

Антоний понял, что должен подготовиться к самозащите. Клеопатра с большим рвением принялась за планы, которые он разработал для этой цели. Антоний начал набирать войска, собирать и снаряжать галеры и военные корабли, а также реквизировать деньги и военные припасы из всех восточных провинций и королевств. Клеопатра предоставила в его распоряжение все ресурсы Египта. Она снабдила его огромными суммами денег и неисчерпаемым запасом зерна, которое она закупала для этой цели в своих владениях в долине Нила. Различным подразделениям огромного вооружения, которое было таким образом предоставлено, было приказано собраться в Эфесе, где Антоний и Клеопатра ожидали их приема, отправившись туда, когда их приготовления в Египте были завершены, и они были готовы начать кампанию.

Когда все было готово к отплытию экспедиции из Эфеса, Антоний решил, что Клеопатре лучше вернуться в Египет, а ему самому отправиться с флотом навстречу Октавию в одиночку. Однако Клеопатра была полна решимости никуда не уезжать. Она вообще не осмеливалась предоставить Антония самому себе, опасаясь, что так или иначе между ним и Октавием будет заключен мир, что приведет к его возвращению к Октавии и отказу от нее. Соответственно, она ухитрилась убедить Антония оставить ее при себе, подкупив его главного советника, чтобы тот посоветовал ему это сделать. Его советника звали Канидий. Канидий, получив деньги Клеопатры, хотя и делал вид, что совершенно не заинтересован в его совете, объяснил Антонию, что было бы неразумно отсылать Клеопатру прочь и лишать ее всякого участия в славной войне, когда она покрывала столь значительную часть связанных с ней расходов. Кроме того, большая часть армии состояла из египетских войск, которые почувствовали бы себя обескураженными, если бы Клеопатра покинула их, и, вероятно, действовали бы в конфликте гораздо менее эффективно, чем если бы их воодушевляло присутствие их царицы. Тогда, более того, такую женщину, как Клеопатра, следовало рассматривать не как помеху и источник заботы в военной экспедиции, к которой она могла бы присоединиться, как это сделали бы многие женщины, а как очень эффективного советника и подспорье в ней. По его словам, она была очень мудрой, энергичной и могущественной королевой, привыкшей командовать армиями и управлять государственными делами, и можно ожидать, что ее помощь в проведении экспедиции очень существенно повлияет на ее успех.

Антоний легко поддался на подобные уговоры, и в конце концов было решено, что Клеопатра должна сопровождать его.

Затем Антоний приказал флоту продвигаться к острову Самос.^[9] Здесь он был поставлен на якорь и оставался некоторое время, ожидая прибытия новых подкреплений и завершения других мероприятий. Антоний, как будто становясь все более и более одержимым по мере того, как он приближался к краю своей гибели, проводил время, пока экспедиция оставалась на Самосе, не в созревании своих планов и совершенствовании приготовлений к надвигающемуся грандиозному конфликту, а в празднествах, играх, откровениях и всевозможных буйствах и распутных излишествах. Это, впрочем, неудивительно. Люди почти всегда, оказавшись в ситуации, аналогичной его собственной, прибегают к подобным средствам защиты, в какой-то

малой степени, от мук раскаяния и от дурных предчувствий, которые готовы утратить и мучить их в любое мгновение, если эти мрачные призраки не будут прогнаны опьянением и разгулом. По крайней мере, Энтони находил это таковым. Соответственно, огромной компании игроков, акробатов, дураков, шутов и шарлатанов было приказано собраться на Самосе и со всем усердием посвятить себя развлечению двора Антония. Остров был одной из универсальных сцен буйства и разгула. Люди были поражены подобными празднествами и демонстрациями, совершенно не соответствующими, по их мнению, данному случаю. Если таковы торжества, говорили они, которые Антоний устраивает перед тем, как отправиться на битву, то какие торжества он устроит по возвращении, достаточно радостный, чтобы выразить свое удовольствие, если одержит победу?

Через некоторое время Антоний и Клеопатра в сопровождении великолепной свиты покинули Самос и, переплыв Эгейское море, высадились в Греции и двинулись к Афинам; в то время как флот, двинувшись на запад от Самоса, обогнул Тэнар, южный мыс Греции, а затем двинулся на север вдоль западного побережья полуострова. Клеопатра пожелала отправиться в Афины по особой причине. Именно там Октавия остановилась на своем пути к мужу с подкреплением и помощью; и пока она была там, жители Афин, сожалея о ее печальном положении и восхищаясь благородством духа, которое она проявила в своих несчастьях, уделяли ей большое внимание и во время ее пребывания среди них оказывали ей множество почестей. Теперь Клеопатра хотела отправиться в то же самое место и одержать там победу над своей соперницей, так широко продемонстрировав свое богатство и великолепие, а также свое влияние на разум Антония, что это полностью превзошло бы и затмило более скромные притязания Октавии. Похоже, она не желала оставлять несчастной жене, с которой так жестоко обошлась, даже место в сердцах жителей этого чужого города, но должна была пойти и с завистью стремиться стереть впечатление, произведенное оскорбленной невинностью, показной демонстрацией триумфального процветания ее собственной бесстыдной порочности. Она преуспела в своих планах. Жители Афин были поражены и сбиты с толку огромным великолепием, которое Клеопатра продемонстрировала перед ними. Она раздала народу огромные суммы денег. Город, в свою очередь, оказал ей самые высокие почести. Они отправили к ней торжественное посольство, чтобы вручить ей эти указы. Сам Антоний в образе гражданина Афин был одним из послов. Клеопатра приняла депутацию в своем дворце. Прием сопровождался самыми великолепными и внушительными церемониями.

Можно было бы предположить, что жестокая и неестественная враждебность Клеопатры к Октавии теперь могла быть удовлетворена, но это было не так. Антоний, находясь в Афинах и, несомненно, по наущению Клеопатры, отправил гонца в Рим с уведомлением Октавии о разводе и с приказом, чтобы она покинула его дом. Октавия повиновалась. Она вышла из дома, забрав с собой детей и горько оплакивая свою жестокую судьбу.

Тем временем, пока все эти события происходили на Востоке, Октавий готовился к надвигающемуся кризису и теперь продвигался с мощным флотом через море. Он был вооружен властью римского сената и народа, поскольку добился от них указа о низложении Антония от его власти. Все выдвинутые против него обвинения касались мелких правонарушений, возникших в связи с его связью с Клеопатрой. Октавию удалось завладеть завещанием, которое Антоний написал перед отъездом из Рима и которое он поместил туда, как он полагал, в очень священное место для хранения. Хранители, которые отвечали за это, ответили Октавию, когда он потребовал это, что они не отдадут это ему, но если он захочет взять

это, они не будут ему препятствовать. Затем Октавий взял завещание и зачитал его римскому сенату. Оно предусматривало, среди прочего, что после его смерти, если его смерть произойдет в Риме, его тело должно быть отправлено в Александрию для передачи Клеопатре; и другими способами это свидетельствовало о такой степени подчинения и преданности египетской царице, которая считалась совершенно недостойной римского верховного судьи. Антония также обвиняли в том, что он грабил города и провинции, чтобы преподнести подарки Клеопатре; в том, что он отправил ей из Пергама библиотеку из двухсот тысяч томов взамен той, которую случайно сжег Юлий Цезарь; в том, что он вырастил ее сыновей, какими бы неблагородными ни были их роды, на высокие посты в римском правительстве и во многих отношениях скомпрометировал достоинство римского офицера своим недостойным поведением по отношению к ней. Например, председательствуя в судебном заседании, он получал любовные письма, присланные ему Клеопатрой, а затем сразу же отвлекался от предстоящего ему разбирательства, чтобы прочитать письма.^[10] Иногда он делал это, сидя в государственном кресле, давая аудиенции послам и принцам. Клеопатра, вероятно, отправляла эти письма в такое время под влиянием распутного желания продемонстрировать свою власть. Однажды, как сказал Октавий в своих выступлениях перед римским сенатом, Антоний слушал дело величайшей важности, и в тот момент, когда к нему обращался один из главных ораторов города, Клеопатра проходила мимо, когда Антоний внезапно встал и, покинув двор без каких-либо церемоний, выбежал, чтобы последовать за ней. Эти и тысячи подобных историй выставляли Антония в столь отвратительном свете, что его друзья отказались от его дела, а враги одержали полную победу. Указ был принят против него, и Октавий был уполномочен привести его в исполнение; и соответственно, в то время как Антоний со своим флотом и армией двигался на запад от Самоса и Эгейского моря, Октавий двигался на восток и юг по Адриатике, чтобы встретить его.

Со временем, после различных маневров и задержек, два вида вооружений оказались поблизости друг от друга в месте под названием Актиум, которое можно найти на карте на западном побережье Эпира, к северу от Греции. У обоих командующих были мощные флоты на море, и у обоих были великие армии на суше. Антоний был сильнейшим в сухопутных войсках, но его флот уступал флоту Октавия, и он сам был склонен остаться на суше и вести главное сражение там. Но Клеопатра не согласилась бы на это. Она убеждала его дать Октавиусу сражение на море. Предполагалось, что мотивом, побудившим ее сделать это, было ее желание обеспечить более надежный путь к отступлению в случае неблагоприятного исхода конфликта. Она думала, что на своих галерах сможет сразу же переплыть море в Александрию в случае поражения, тогда как она не знала, что с ней будет, если ее разобьют во главе сухопутной армии. Самые способные советники и старшие офицеры армии очень настойчиво убеждали Антония не доверять себя морю. Однако Антоний оставался глух ко всем их доводам и увещаниям. Клеопатре должно быть позволено поступать по-своему.

Утром в день битвы, когда корабли были выстроены в боевом порядке, Клеопатра командовала подразделением из пятидесяти или шестидесяти египетских судов, все они были полностью укомплектованы людьми и хорошо оснащены мачтами и парусами. Она позаботилась о том, чтобы все вещи были в идеальном порядке для полета, на случай, если полет окажется необходимым. С этими кораблями она заняла позицию в резерве и некоторое время оставалась там тихой свидетельницей сражения. Корабли Октавия двинулись в атаку на корабли Антония, и люди сражались с палубы на палубу копьями, абордажными пиками, горящими дротиками и всеми другими разрушительными снарядами, которые тогда изобрело военное искусство.

Кораблям Антония приходилось бороться с большими трудностями. Они не только превосходили корабли Октавия численностью, но и намного превосходили их по эффективности, с которой они были укомплектованы персоналом и вооружены. Тем не менее, это был очень упорный конфликт. Клеопатра, однако, не стала ждать, чтобы увидеть, как он будет окончательно решен. Поскольку войска Антония не сразу одержали победу, она вскоре начала поддаваться своим страхам относительно результата и, в конце концов, впала в панику и решила бежать. Она приказала взяться за весла и поднять паруса, а затем, пробившись сквозь часть флота, участвовавшую в состязании, и приводя суда в замешательство по пути, ей удалось выйти в море, а затем под всеми парусами двинуться дальше вдоль побережья на юг. Антоний, как только понял, что она уходит, отбросив все другие мысли и движимый своей безумной преданностью ей, поспешно вызвал галеру из пяти рядов весел и, вскочив на ее борт, приказал гребцам изо всех сил грести вслед за летучей эскадрой Клеопатры.

Клеопатра, оглянувшись с палубы своего судна, увидела, что эта быстрая галера приближается к ней. Она подала сигнал на корме судна, на котором находилась, чтобы Энтони знал, каким из пятидесяти летающих кораблей ему следует управлять. Руководствуясь сигналом, Антоний подошел к кораблю, и матросы подняли его на борт и помогли забраться внутрь. Клеопатра, однако, исчезла. Охваченная стыдом и замешательством, она, по-видимому, не осмеливалась встретиться взглядом с несчастной жертвой своего искусства, которую она теперь безвозвратно погубила. Антоний не искал ее. Он не произнес ни слова. Он прошел на нос корабля и, бросившись там один, обхватил голову руками и казался ошеломленным, совершенно подавленным ужасом и отчаянием.

Однако вскоре он был выведен из оцепенения поднятой на борту его галеры тревогой о том, что их преследуют. Он встал со своего места, схватил копье и, поднявшись на шканцы, увидел, что за ними плывет несколько маленьких легких лодок, полных людей и оружия, которые быстро догоняют его галеру. Антоний, теперь на мгновение освободившийся от власти своей чародейки и действовавший под влиянием собственной неукротимой смелости и решимости, вместо того чтобы побуждать гребцов двигаться вперед быстрее, чтобы облегчить им бегство, приказал повернуть руль и, таким образом, развернув галеру лицом к преследователям, направил свой корабль прямо в их гущу. Последовал жестокий конфликт, шум и неразбериха которого усилились из-за толчков и столкновений между лодками и камбузом. В конце концов шлюпки были отбиты, все, кроме одной: та все еще маячила поблизости, и ее командир, который стоял на палубе, подняв свое копье, целясь в Антония, и нетерпеливо искал случая метнуть его, по его позе и выражению лица казалось, что им движет какое-то особенно горькое чувство враждебности и ненависти. Антоний спросил его, кто он такой, что осмелился так яростно угрожать ему. Мужчина ответил, назвав свое имя и сказав, что пришел отомстить за смерть своего отца. Это доказывало, что он был сыном человека, которого Антоний в прошлый раз по тем или иным причинам обезглавил.

Последовало упорное состязание между Антонием и этим свирепым противником, в конце которого последний был отбит. Затем лодки, сумев отобрать несколько трофеев у флота Антония, хотя им и не удалось захватить самого Антония, прекратили преследование и вернулись. Затем Энтони вернулся на свое место, сел на носу, закрыл лицо руками и погрузился в то же состояние безнадежного горя, что и раньше.

Когда на мужа и жену обрушиваются несчастья и страдания, каждый инстинктивно ищет убежища в сочувствии и поддержке другого. Однако совсем иначе обстоит дело с такими связями, как у Антония и Клеопатры. Совесть, которая остается спокойной и безмятежной в достатке и солнечном свете, восстает с внезапной и неожиданной силой, как только наступает час бедствия; и таким образом, вместо взаимного утешения и помощи каждый находит в мыслях другого только средство добавить ужасы раскаяния к мукам разочарования и отчаяния. Горе Антония было столь велико, что в течение трех дней они с Клеопатрой не виделись и не разговаривали друг с другом. Она была переполнена замешательством и огорчением, а он находился в таком душевном возбуждении, что она не осмеливалась подойти к нему. Одним словом, разум, казалось, полностью утратил свою власть — его разум, в чередовании приступов безумия, иногда доходил до страшного возбуждения, в пароксизмах неконтролируемой ярости, а затем снова погружался на время в оцепенение отчаяния.

Тем временем корабли со всей возможной скоростью приближались к западному побережью Греции. Когда они достигли Тэнаруса, южного мыса полуострова, необходимо было остановиться и обдумать, что делать дальше. Женщины Клеопатры пришли к Антонию и попытались успокоить его. Они приносили ему еду. Они убедили его увидеться с Клеопатрой. Огромное количество торговых судов из портов вдоль побережья собрались вокруг небольшого флота Антония и предложили свои услуги. Его дело, по их словам, ни в коем случае не было безнадежным. Сухопутная армия не была разбита. Не было даже уверенности в том, что его флот был побежден. Таким образом они пытались возродить угасающее мужество погибшего командира и побудить его предпринять новые усилия для восстановления своего состояния. Но все было напрасно. Антоний погрузился в безнадежное уныние. Клеопатра была полна решимости отправиться в Египет, и он тоже должен был отправиться. Он распределил оставшиеся в его распоряжении сокровища между своими ближайшими последователями и друзьями и дал им совет, как скрываться до тех пор, пока они не смогут заключить мир с Октавием. Затем, сочтя все потерянным, он последовал за Клеопатрой через море в Александрию.

Глава XII.

Конец Клеопатры.

Случай Марка Антония представляет собой один из самых экстраординарных примеров силы незаконной любви, способной привести свою обманутую и влюбленную жертву в самую пасть открытого и признанного разрушения, о котором свидетельствует история. Подобные по характеру случаи происходят тысячами в обычной жизни; но случай с Антонием, хотя,

возможно, и не более поразительный сам по себе, чем великое множество других, является наиболее заметным примером, который когда-либо был доступен наблюдению человечества.

В молодости Антоний отличался, как мы уже видели, определенной дикой суровостью характера и суровым и неукротимым безрассудством воли, настолько большим, что казалось невозможным, чтобы что-либо человеческое было способно укротить его. Он также находился под контролем честолюбия, столь возвышенного и честолюбивого, что оно, казалось, не знало границ; и все же мы находим, что в самый разгар своей карьеры, на пике своего процветания и успеха он был захвачен женщиной и настолько покорен ее искусством и очарованием, что полностью подчинился ее руководству и позволил ей вести себя полностью по ее воле. Она вытесняет все, что могло бы быть благородного и великодушного в его сердце, и заменяет это своими собственными принципами злобы и жестокости. Она гасит все огни его честолюбия, изначально столь величественного в своих целях, что мир казался едва ли достаточно большим, чтобы дать ему простор, и вместо этой возвышенной страсти наполняет его душу любовью к самым низким, подлым и неблагородным удовольствиям. Она заставляет его предать всякое общественное доверие, оттолкнуть от себя все чувства своих соотечественников, самым жестоким образом отвергнуть доброту и преданность красивой и верной жены и, наконец, изгнать эту жену и всю его собственную законную семью из своего дома; и вот, наконец, она уводит его в самом трусливом и позорном бегстве с поля его солдатского долга — он все время знает, что она подталкивает его к позору и гибели, и все же совершенно бессилён вырваться из-под контроля своих невидимых цепей.

Возмущение, вызванное подлым оставлением Антонием своего флота и армии в битве при Акциуме по всей той части империи, которая находилась под его командованием, было чрезвычайным. Не было ни малейшего повода для такого бегства. Его армия, в которой заключалась его главная сила, осталась невредимой, и даже его флот не был разбит. Корабли продолжали бой до ночи, несмотря на предательство их командира. Однако в конце концов они были усмирены. Армия, также обескураженная и потерявшая всякий мотив к сопротивлению, тоже сдалась. За очень короткое время вся страна перешла на сторону Октавия.

Тем временем Клеопатра и Антоний, вернувшись в Египет в первый раз, были совершенно вне себя от ужаса. Клеопатра разработала план, согласно которому все сокровища, которые она могла спасти, и определенное количество галер, достаточное для перевозки этих сокровищ, и небольшая компания друзей были перевезены через Суэцкий перешеек и спущены на воду в Красном море, чтобы она могла бежать в этом направлении и найти какое-нибудь отдаленное укрытие и безопасное убежище на берегах Аравии или Индии, вне досягаемости страшной власти Октавия. Она действительно начала это предприятие и отправила одну или две свои галеры через перешеек; но арабы захватили их, как только они достигли места назначения, и убили или взяли в плен людей, которые ими командовали, так что от этого отчаянного плана вскоре отказались. Затем она и Антоний, наконец, решили обосноваться в Александрии и, насколько могли, подготовились к защите от Октавия там.

Антоний, когда первые последствия его паники прошли, начал сходить с ума от досады и негодования против всего человечества. Он решил, что не будет иметь ничего общего ни с Клеопатрой, ни с кем-либо из ее друзей, но в приступе угрюмой ярости удалился и построил отшельничество в уединенном месте на острове Фарос, где прожил некоторое время,

проклиная свое безумие и свою несчастную судьбу и изрекая самые горькие ругательства в адрес всех, кто был в этом замешан. Сюда постоянно поступали вести, сообщавшие ему о дезертирстве одной за другой его армий, о падении его провинций в Греции и Малой Азии и о неудержимом продвижении, которое Октавий теперь делал к вселенскому владычеству. Известия об этих бедствиях, непрестанно обрушивающихся на него, держали его в постоянной лихорадке негодования и ярости.

Наконец ему надоело свое человеконенавистническое одиночество, между ним и Клеопатрой произошло своего рода примирение, и он снова вернулся в город. Здесь он снова соединился с Клеопатрой, и, собрав все, что осталось от их общих средств, они снова погрузились в разгульную и порочную жизнь, тщетно пытаясь весельем и вином утопить горькие сожаления и тревожные предчувствия, наполнявшие их души. Они присоединились к компании гуляк, таких же заброшенных, как и они сами, и очень старались замаскировать свои заботы за своим наигранным и неестественным весельем. Однако им не удалось достичь этой цели. Октавиус постепенно продвигался вперед, и они очень хорошо знали, что скоро должно наступить время его ужасной расплаты с ними; и не было ни одного места на земле, куда они могли бы заглянуть с какой-либо надеждой найти там убежище от его мстительной враждебности.

Клеопатра, предупрежденная ужасными предчувствиями о том, какой, вероятно, в конце концов будет ее судьба, развлекалась изучением природы ядов — не теоретически, а практически, — проводя эксперименты с ними на несчастных пленниках, которых она заставляла их принимать, чтобы она и Антоний могли увидеть эффект, который они производили. Она собрала все яды, которые смогла раздобыть, и вводила их по частям, чтобы увидеть, какие из них действуют внезапно, а какие медленно, а также узнать, какие вызывают наибольшие страдания, а какие, с другой стороны, только притупляют способности и, таким образом, прекращают жизнь с наименьшим причинением боли. Эти эксперименты не ограничивались такими растительными и минеральными ядами, которые можно было смешивать с пищей или вводить в виде зелья. Клеопатра проявляла не меньший интерес к последствиям укусов ядовитых змей и рептилий. Она раздобыла образцы всех этих животных и опробовала их на своих пленниках, заставляя мужчин подвергаться их укусам, а затем наблюдая за эффектом. Эти исследования проводились не непосредственно с целью какого-либо практического применения полученных таким образом знаний, а скорее как приятное занятие, чтобы отвлечь ее ум и позабавить Антонию и ее гостей. Разнообразие форм и выражений, которые принимала агония ее отравленных жертв — их корчи, крики, конвульсии и искажения черт лица во время борьбы со смертью, доставляли именно тот вид и степень возбуждения, в которых она нуждалась, чтобы занять и развлечь свой ум.

Однако Антоний был не совсем спокоен во время проведения этих ужасных экспериментов. Его глупая и детская привязанность к Клеопатре смешивалась с ревностью, подозрительностью и недоверием; и он так боялся, что Клеопатра может тайно отравить его, что никогда не брал никакой еды или вина, не потребовав, чтобы она попробовала их при нем. Наконец, однажды Клеопатра приказала отравить лепестки некоторых цветов, а затем вплела их в венок, который Антоний должен был надеть за ужином. В разгар пиршества она сорвала листья цветов со своего собственного венка и игриво положила их в вино, а затем предложила Антонию сделать то же самое со своим венком, а затем они выпили вино, настоящее, как полагается, на цвете и аромате цветов. Антоний с готовностью откликнулся на это предложение, и когда он уже собирался выпить вино, она схватила его за руку и сказала, что оно отравлено. “Теперь ты

видишь, ” сказала она, “ как напрасно ты остерегаешься меня. Если бы я могла жить без тебя, как легко было бы для меня придумать способы убить тебя”. Затем, чтобы доказать правдивость своих слов, она приказала одному из слуг выпить вина Антония. Он так и сделал и умер у них на глазах в ужасных мучениях.

Эксперименты, которые Клеопатра таким образом проводила над природой и действием яда, не были, однако, полностью безрезультатными. Говорят, Клеопатра узнала от них, что укус аспиды был самым легким и наименее болезненным способом умерщвления. Действие яда этого животного, как ей показалось, заключалось в усыплении сенсориума до состояния летаргии или ступора, которое вскоре заканчивалось смертью без вмешательства боли. Это знание она, похоже, отложила в своем сознании для использования в будущем.

На самом деле мысли Клеопатры, по-видимому, в то время были весьма склонны течь по мрачному руслу, поскольку она много занималась возведением для себя надгробного памятника в определенной священной части города. Фактически, строительство этого памятника было начато много лет назад, в соответствии с распространенным среди египетских государей обычаем тратить часть своих доходов при жизни на строительство и украшение собственных гробниц. Теперь Клеопатра с новым интересом обратила свои мысли к своему собственному мавзолею. Она закончила его, снабдила самыми прочными засовами и перекладинами и, одним словом, казалось, готовила его во всех отношениях к заселению.

Тем временем Октавий, сделав себя хозяином всех стран, которые ранее находились под властью Антония, теперь продвигался, не встречая никого, кто мог бы ему противостоять, из Малой Азии в Сирию, а из Сирии в Египет. Антоний и Клеопатра предприняли единственную попытку, пока он таким образом продвигался к Александрии, предотвратить надвигающуюся на них бурю, отправив посольство с просьбой о некоторых условиях мира. Антоний предложил в ходе этого посольства уступить все своему победителю при условии, что ему будет позволено беспрепятственно удалиться с Клеопатрой в Афины и провести там остаток их дней в мире; и что египетское царство может перейти к их детям. Октавий ответил, что не может заключать никаких условий с Антонием, хотя и был готов согласиться на все, что было разумно в интересах Клеопатры. Гонец, вернувшийся от Октавия с этим ответом, провел некоторое время в частных беседах с Клеопатрой. Это вызвало ревность и гнев Антония. Соответственно, он приказал выпороть несчастного гонца, а затем отослал обратно к Октавию, всего израненного, с приказом сказать Октавию, что, если ему не понравится, что один из его слуг был наказан таким образом, он может отомстить, выпоров слугу Антония, который тогда, как оказалось, находился во власти Октавия.

Наконец в Александрию внезапно пришла весть, что Октавий появился перед Пелузием и что город попал в его руки. Следующее, что Антоний и Клеопатра хорошо знали, было то, что они увидят его у ворот Александрии. Ни у Антония, ни у Клеопатры не было никаких средств противостоять его продвижению, и не было места, куда они могли бы улететь. Ничего не оставалось делать, кроме как в оцепенении и ужасе ожидать верной и неотвратимой гибели, которая была теперь так близка.

Клеопатра собрала все свои сокровища и отправила их в свою гробницу. Эти сокровища состояли из огромных и ценных запасов золота, серебра, драгоценных камней, одежды высочайшей стоимости, оружия и сосудов тонкой работы и огромной ценности - наследственного имущества египетских царей. Она также прислала в мавзолей огромное

количество льна, пакли, факелов и других горючих материалов. Все это она хранила в нижних помещениях памятника с отчаянной решимостью сжечь себя и свои сокровища вместе, лишь бы не попасть в руки римлян.

Тем временем армия Октавия неуклонно продолжала свой марш через пустыню из Пелузия в Александрию. По дороге Октавий узнал через агентов, поддерживавших с ним связь в городе, какие меры приняла Клеопатра для уничтожения своего сокровища всякий раз, когда возникнет неминуемая опасность того, что оно попадет в его руки. Он крайне не желал, чтобы это сокровище было потеряно. Помимо его внутренней ценности, для него было чрезвычайно важно завладеть им, чтобы доставить в Рим в качестве трофея своего триумфа. Соответственно, он отправил тайных гонцов к Клеопатре, пытаясь разлучить ее с Антонием и позабавить ее уверениями, что испытывает к ней только дружеские чувства и не хотел причинить ей никакого вреда, преследуя только Антония. Эти переговоры продолжались изо дня в день, пока Октавий продвигался вперед. Наконец римская армия достигла Александрии и окружила ее со всех сторон.

Как только Октавий обосновался в своем лагере под стенами города, Антоний задумал вылазку и действительно осуществил ее со значительной энергией и успехом. Он внезапно выступил из ворот во главе самого сильного отряда, каким только мог командовать, и атаковал отряд всадников Октавия. Ему удалось отогнать этих всадников с их позиции, но вскоре он, в свою очередь, был отброшен назад и вынужден отступить в город, сражаясь на бегу, чтобы отбиться от преследователей. Он был чрезвычайно обрадован успехом этой стычки. Он подошел к Клеопатре с лицом, полным оживления и удовольствия, заключил ее в объятия и поцеловал, как был, в боевом снаряжении, и широко хвастался совершенным им подвигом. Он также в самых высоких выражениях восхвалял доблесть одного из офицеров, который отправился с ним на битву и которого он теперь привел во дворец, чтобы представить Клеопатре. Клеопатра вознаградила доблесть верного военачальника великолепными доспехами из золота. Однако, несмотря на эту награду, человек бросил Антония в ту же ночь и перешел на сторону врага. Почти все приверженцы Антония были в таком же настроении. Они бы с радостью перешли в лагерь Октавия, если бы у них была для этого возможность.

Фактически, когда разыгралась финальная битва, ее судьба была решена грандиозным дезертирством флота, который в полном составе перешел на сторону Октавия. Антоний планировал операции на день и наблюдал за передвижениями врага с возвышенности, которую он занимал во главе отряда пехотинцев — всех сухопутных войск, которые теперь оставались у него, — и, взглянув с возвышения, на котором он стоял, в сторону гавани, он заметил движение среди галер. Они выходили навстречу кораблям Октавия, которые стояли на якоре не очень далеко от них. Антоний предположил, что его корабли собираются атаковать корабли противника, и он хотел посмотреть, какие подвиги они совершат. Они двинулись к кораблям Октавия, и когда они встретились с ними, Антоний, к своему крайнему изумлению, заметил, что вместо яростного боя, который он ожидал увидеть, корабли лишь обменялись дружескими приветствиями, используя обычные военно-морские сигналы; а затем его корабли, спокойно обойдя вокруг, заняли свои позиции в рядах другого флота. Таким образом, два флота слились в один.

Антоний сразу же решил, что это измена Клеопатры. "Она заключила мир с Октавием, - подумал он, - и передала ему флот в качестве одного из условий". Антоний пробежал через город, крича,

что его предали, и в порыве ярости бросился во дворец. Клеопатра бежала к своей гробнице. Она пригласила туда одного или двух своих слуг и заперла двери на засовы, закрепив их тяжелыми защелками и пружинами, которые заранее приготовила. Затем она приказала своим женщинам крикнуть через дверь, что она покончила с собой в гробнице.

Весть о ее смерти была доведена до Антония. Это сменило его гнев на горе и отчаяние. На самом деле его разум теперь был полностью утрачен из-за всякого равновесия и контроля, и он переходил из-под власти одной бурной страсти в другую с самой капризной легкостью. Он кричал с самыми горькими выражениями скорби, оплакивая, по его словам, не столько смерть Клеопатры, потому что он скоро последует за ней и присоединится к ней, сколько тот факт, что она наконец доказала, что превосходит его в мужестве, опередив его в деле саморазрушения.

В это время он находился в одной из комнат дворца, куда убежал в отчаянии, и стоял у огня, потому что утро было холодное. У него был любимый слуга по имени Эрос, которому он очень доверял и которого задолго до этого заставил принести клятву, что всякий раз, когда ему понадобится умереть, Эрос убьет его. Этого Эроса он теперь призвал к себе и, сказав ему, что время пришло, приказал ему взять меч и нанести удар.

Эрос взял меч, в то время как Антоний встал перед ним. Эрос отвернул голову в сторону, словно желая, чтобы его глаза не видели деяния, которое собирались совершить его руки. Однако вместо того, чтобы пронзить им своего господина, он вонзил его себе в грудь, пал к ногам Антония и умер.

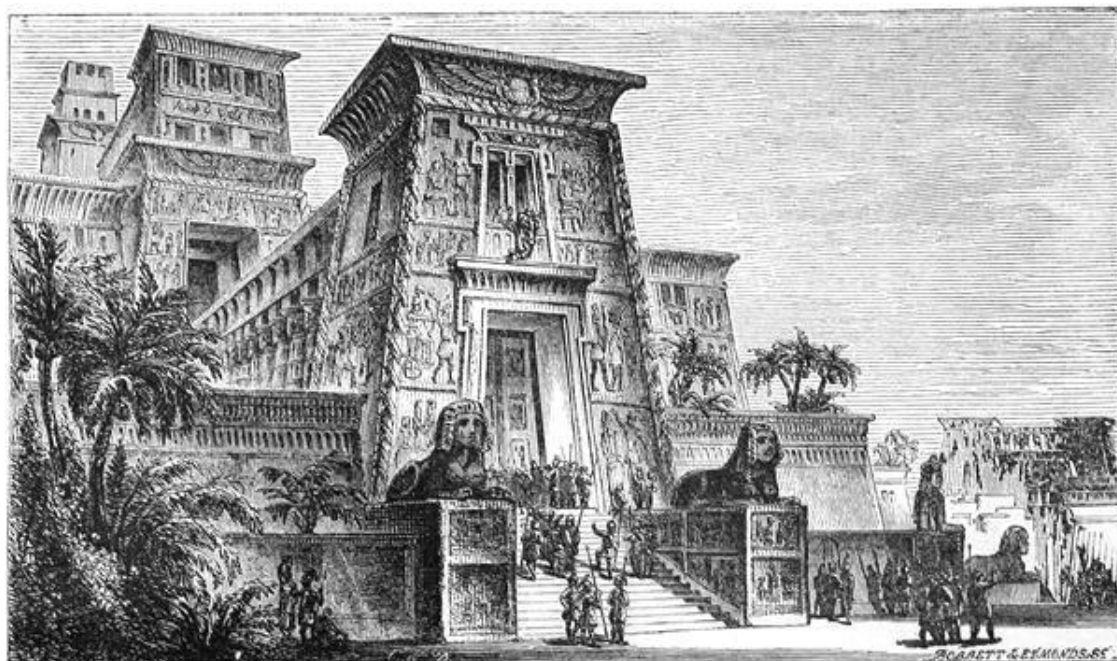
Антоний мгновение смотрел на шокирующее зрелище, а затем сказал: “Я благодарю тебя за это, благородный Эрос. Ты подал мне пример. Я должен сделать для себя то, чего ты не смог сделать для меня”. С этими словами он взял меч из рук своего слуги, вонзил его в свое тело и, шатаясь, подошел к маленькой кровати, стоявшей поблизости, и упал на нее в обмороке. Он получил смертельное ранение.

Однако давление, вызванное положением, в котором он лежал на кровати, немного затянуло рану и остановило кровотечение. Антоний вскоре снова пришел в себя, а затем начал просить и умолять окружающих взять меч и положить конец его страданиям. Но никто этого не сделал. Некоторое время он лежал, испытывая сильную боль и не переставая стонать, пока, наконец, в комнату не вошел офицер и не сказал ему, что история, которую он слышал о смерти Клеопатры, неправда; что она все еще жива, заперта в своем памятнике, и что она желает видеть его там. Это известие стало источником нового волнения. Антоний умолял прохожих отнести его к Клеопатре, чтобы он мог увидеть ее еще раз перед смертью. Они отказались от этой попытки, но после некоторых колебаний и проволочек решили предпринять попытку убрать его. Итак, взяв его на руки, они понесли его, слабого и умирающего, отмечая его кровью свой путь к могиле.

Клеопатра не открыла бы ворота, чтобы впустить гостей. Весь город был охвачен шумом и смятением из-за ужаса перед нападением, которое предпринял на него Октавиус, и она не знала, какое предательство могло быть задумано. Поэтому она подошла к окну наверху и, спустив веревки и цепи, велела тем, кто был внизу, привязать к ним умирающее тело, чтобы она и две женщины, бывшие с ней, могли вытащить его наверх. Это было сделано. Те, кто был свидетелем этого, говорили, что это было самое жалкое зрелище — Клеопатра и ее женщины, изнуряя свои силы, втаскивали раненого и истекающего кровью страдальца на стену, в то время как он, подойдя к окну, слабо протянул к ним руки, чтобы они могли поднять его. У женщин едва

хватило сил, чтобы поднять тело вверх. В какой-то момент казалось, что от этой попытки придется отказаться; но Клеопатра высунулась из окна как можно дальше, чтобы схватить Антония за руки, и таким образом, ценой огромных усилий им наконец удалось взять его внутрь. Они отнесли его на ложе, находившееся в верхней комнате, из которой открывалось окно, и уложили его, в то время как Клеопатра ломала руки, рвала на себе волосы и издавала самые пронзительные стенания и вопли. Она склонилась над умирающим Антонием, беспрестанно вскрикивая с самыми жалобными возгласами горя. Она обмыла его лицо, залитое кровью, и тщетно попыталась зажать рану.

Антоний призвал ее успокоиться и не оплакивать его судьбу. Он попросил немного вина. Ему принесли, и он выпил. Затем он умолял Клеопатру сохранить ей жизнь, если она, возможно, сможет это сделать, и заключить те или иные условия с Октавием, чтобы продолжать жить. Очень скоро после этого он скончался.

Поднятие Антония к верхнему окну Гробницы

Тем временем Октавий услышал о смертельной ране, которую нанес себе Антоний; ибо один из стоявших рядом схватил меч в тот момент, когда дело было сделано, и поспешил отнести его Октавию и объявить ему о смерти его врага. Октавий немедленно пожелал заполучить Клеопатру в свою власть. Поэтому он отправил гонца в гробницу, который попытался вступить с ней там в переговоры. Клеопатра разговаривала с гонцом через замочные скважины или щели, но ее не удалось заставить открыть дверь. Гонец сообщил об этих фактах Октавию. Затем Октавий послал с гонцом другого человека, и пока один привлекал внимание Клеопатры и ее придворных у двери внизу, другой раздобыл лестницы и сумел проникнуть в окно наверху. Клеопатра была предупреждена об успехе этой уловки криком своей служанки, которая увидела офицера, спускающегося по лестнице. Она огляделась и, с первого взгляда поняв, что ее

предали и что офицер идет, чтобы схватить ее, она вытащила из-под халата маленький кинжал и собиралась вонзить его себе в грудь, когда офицер схватил ее за руку как раз вовремя, чтобы предотвратить удар. Он взял у нее кинжал, а затем осмотрел ее одежду, чтобы убедиться, что там не спрятано никакого другого секретного оружия.

Октавиусу доложили о поимке королевы, и он назначил офицера, который взял ее под строгую стражу. Этому офицеру было поручено обращаться с ней со всей возможной вежливостью, но при этом внимательно и постоянно наблюдать за ней, и особенно остерегаться предоставления ей любых возможных средств или возможностей для саморазрушения.

Тем временем Октавий официально вступил во владение городом, войдя во главе своих войск с самой внушительной помпой и парадом. Парадное кресло, великолепно украшенное, было установлено для него на высоком возвышении на общественной площади; и здесь он сидел, окруженный кольцом стражи, в то время как жители города, собравшиеся перед ним в одежде просителей и преклонившие колени на мостовой, просили у него прощения и умоляли пощадить город. Эти прошения великий завоеватель милостиво снизошел до удовлетворения.

Затем многие принцы и полководцы, служившие под началом Антония, пришли просить тело своего командира о почетном погребении. Однако Октавий отказался удовлетворить эти просьбы, заявив, что не может забрать тело у Клеопатры. Он, однако, разрешил Клеопатре организовать похороны так, как она сочтет нужным, и позволил ей выделить для этой цели такие суммы денег из своих сокровищниц, какие она пожелает. Клеопатра, соответственно, приняла необходимые меры и руководила их исполнением; однако, не с какой-либо степенью спокойствия и самообладания, а, напротив, в состоянии крайнего волнения и огорчения. На самом деле, она так долго жила под неограниченным и безудержным владычеством каприза и страсти, что разум был практически свергнут с трона, а всякий самоконтроль утрачен. Теперь ей было почти сорок лет, и, хотя следы ее невыразимой красоты сохранились, цвет ее лица поблек, а лицо осунулось от слез, тревоги и отчаяния. Одним словом, и телом, и душой она была всего лишь развалиной того, чем она когда-то была.

Когда были совершены погребальные церемонии и она обнаружила, что все кончено — что Антоний ушел навсегда, а она сама безнадежно и непоправимо погублена, — она предалась совершенному безумию горя. Она била себя в грудь, царапала и разрывала свою плоть так ужасно в тщетных попытках покончить с собой, в пароксизмах своего отчаяния, что вскоре покрылась ушибами и ранами, которые, воспаляясь и опухая, представляли собой шокирующее зрелище и бросили ее в лихорадку. Затем ей пришла в голову идея притвориться более больной, чем она была на самом деле, и таким образом отказаться от еды и уморить себя голодом. Она попыталась осуществить этот замысел. Она отвергала все медицинские средства, которые ей предлагали, и отказывалась есть, и прожила таким образом несколько дней без еды. Октавий, которому ее слуги подробно докладывали обо всем, что касалось его пленницы, заподозрил ее замысел. Он очень не хотел, чтобы она умерла, так как твердо решил показать ее римскому народу по возвращении в столицу в своем триумфальном шествии. Соответственно, он отдал ей приказы, требуя, чтобы она подверглась лечению, назначенному врачом, и принимала свою пищу, подкрепляя эти свои приказы определенной угрозой, которая, как он предполагал, могла оказать на нее некоторое влияние. И какая угроза, по мнению читателя, могла быть придумана, чтобы достучаться до такого опустившегося, такого отчаявшегося, такого несчастного ума, как у нее? Казалось, все уже потеряно, кроме жизни, а жизнь была

всего лишь невыносимым бременем. Какие же интересы, в таком случае, у нее еще оставались, над которыми могла нависнуть угроза?

Октавиус, ища какой-нибудь путь, по которому он мог бы добраться до нее, подумал, что она мать. Цезарион, сын Юлия Цезаря, и Александр, Клеопатра и Птолемей, дети Антония, были еще живы. Октавиус вообразил, что в тайниках ее разбитой души, возможно, сохранился какой-то остаточный принцип материнской привязанности, который он мог бы подтолкнуть к жизни и действию. Соответственно, он послал ей весточку, что, если она не уступит врачу и не примет пищу, он убьет всех ее детей до единого.

Угроза возымела свое действие. Обезумевшая пациентка успокоилась. Она получила свою еду. Она подчинилась врачу. Под его лечением ее раны начали заживать, лихорадка спала, и наконец она, казалось, постепенно выздоравливала.

Когда Октавий узнал, что Клеопатра успокоилась и, казалось, в некотором смысле выздоравливает, он решил нанести ей визит. Когда он вошел в комнату, где она была заключена, которая, по-видимому, все еще была верхней комнатой ее гробницы, он обнаружил ее лежащей на низкой и убогой кровати в самом плачевном состоянии и демонстрирующей такое зрелище болезни и убожества, что он был потрясен, увидев ее. На самом деле она казалась почти полностью лишенной рассудка. Когда Октавиус вошел, она внезапно вскочила с кровати, как была, полуголая, вся в синяках и ранах, и жалко поползла к ногам своего победителя в позе просительницы. Ее волосы были вырваны из головы, конечности распухли и изуродованы, тут и там виднелись большие повязки, указывающие на то, что были еще более серьезные повреждения, чем эти скрытые. Посреди всего этого убожества и нищеты в ее запавших глазах все еще сияла значительная часть их былой красоты, а ее голос все еще обладал тем же невыразимым очарованием, которое так сильно отличало его в дни ее расцвета. Октавиус заставил ее снова вернуться в постель и лечь.

Затем Клеопатра начала говорить и оправдываться за свой поступок, возлагая всю вину за свое поведение на Антония. Октавий, однако, прервал ее и защитил Антония от ее обвинений, сказав ей, что это не столько его вина, сколько ее. Затем она внезапно сменила тон и, признав свои грехи, жалобно взмолилась о пощаде. Она умоляла Октавиуса простить и пощадить ее, как будто теперь она боялась смерти и страшилась ее, вместо того чтобы желать ее как блага. Одним словом, ее разум, попеременно являющийся жертвой самых разнородных и непоследовательных страстей, был теперь охвачен страхом. Чтобы умиловить Октавиуса, она достала список всех своих личных сокровищ и вручила его ему как полную опись всего, что у нее было. Однако один из ее казначеев по имени Зелейк, стоявший рядом, сказал Октавию, что этот список неполон. Он утверждал, что Клеопатра приберегла для себя несколько очень ценных вещей, которые она не приписала ему.

Это утверждение, внезапно разоблачившее ее двуличие, привело Клеопатру в ярость. Она вскочила с постели и самым яростным образом набросилась на своего секретаря. Октавий и другие присутствовавшие вмешались и заставили Клеопатру снова лечь, что она и сделала, все время жалуясь на ужасное унижение, до которого она была доведена, на то, что ее собственные слуги оскорбили ее в такое время. По ее словам, если она и приберегла что-нибудь из своих личных сокровищ, то только для подарков некоторым из своих верных друзей, чтобы побудить их более ревностно ходатайствовать за нее перед Октавиусом. Октавиус ответил, призвав ее не испытывать никакого беспокойства по этому поводу. По его словам, он добровольно отдал ей

все, что у нее было припасено, и пообещал в остальном обращаться с ней самым благородным и вежливым образом.

Октавиус был очень доволен результатом этого интервью. Ему казалось очевидным, что Клеопатра перестала желать смерти; что теперь она, напротив, хотела жить, и что, соответственно, он должен преуспеть в своем желании взять ее с собой, чтобы украсить свой триумф в Риме. Соответственно, он занялся приготовлениями к отъезду, и Клеопатру уведомили, что через три дня она вместе со своими детьми должна отправиться в Сирию. Октавий сказал "Сирия", поскольку не хотел пугать Клеопатру разговорами о Риме. Она, однако, хорошо понимала, где путешествие, если оно однажды начнется, обязательно закончится, и она была полностью уверена в том, что никогда туда не отправится.

Она попросила разрешения нанести один прощальный визит на могилу Антония. Эта просьба была удовлетворена, и она отправилась к гробнице в сопровождении нескольких сопровождающих, неся с собой венки и гирлянды цветов. У могилы ее горе вспыхнуло с новой силой и было таким же сильным, как всегда. Она оплакивала смерть своего возлюбленного громкими криками и причитаниями, которые произносила, возлагая гирлянды на могилу и принося жертвы и благовония, которые были обычными в те дни, как выражение скорби. "Это, " сказала она, делая подношения, " последняя дань любви, которую я могу когда-либо выразить тебе, мой самый дорогой, дражайший господин. Я не могу присоединиться к тебе, потому что я пленник, и они не дадут мне умереть. Они следят за мной каждый час и собираются унести меня далеко-далеко, чтобы показать твоим врагам как знак и трофей их победы над тобой. О, заступись, дорогой Антоний, за богов там, где ты сейчас находишься, поскольку те, кто правит здесь, на земле, совершенно оставили меня; умоляй их спасти меня от этой участи и позволить мне умереть здесь, на моей родной земле, и быть похороненным рядом с тобой в этой гробнице".

Когда Клеопатра снова вернулась в свои покои после этой печальной церемонии, она казалась более спокойной, чем была раньше. Она сходила в ванну, а затем нарядно оделась к ужину. В тот вечер она распорядилась, чтобы ужин был сервирован очень роскошно. Она была вольна принять эти меры, поскольку ограничения на ее передвижения, которые были наложены вначале, теперь были сняты, а ее внешний вид и поведение в течение некоторого времени были такими, что заставили Октавиуса предположить, что больше не существует никакой опасности того, что она попытается покончить с собой. Поэтому ее развлечения были организованы в соответствии с ее указаниями, в соответствии с обычаями ее двора, когда она была королевой. У нее было много слуг, и среди них были две ее собственные женщины. Эти женщины были испытанными и верными слугами и друзьями.

Пока она ужинала, к двери подошел мужчина с корзиной и хотел войти. Стражники спросили его, что у него в корзине. Он открыл ее, чтобы показать им; и, подняв несколько зеленых листьев, которыми была покрыта корзина, он показал солдатам, что корзина полна инжира. Он сказал, что это для ужина Клеопатры. Солдаты восхитились видом инжира, сказав, что он очень вкусный. Мужчина попросил солдат взять немного инжира. Они отказались, но позволили мужчине пройти. Когда ужин закончился, Клеопатра отослала всех своих слуг, кроме двух женщин. Они остались. Через некоторое время одна из этих женщин вышла с письмом для Октавия, которое написала Клеопатра и которое она хотела немедленно доставить. Соответственно, один из солдат стражи, стоявшей у ворот, был отправлен отнести письмо.

Октавиус, когда ему его вручили, сразу же вскрыл конверт и прочитал письмо, которое было написано, как это было принято в те дни, на маленькой металлической табличке. Он обнаружил, что это было краткое, но настоятельное прошение от Клеопатры, написанное явно в волнении, в котором она молилась, чтобы он не обратил внимания на ее проступок и позволил похоронить ее вместе с Антонием. Октавиус немедленно сделал вывод, что она покончила с собой. Он немедленно отправил нескольких гонцов с приказом отправиться прямо к месту ее заключения и выяснить правду, намереваясь сам немедленно последовать за ними.

Гонцы, прибыв к воротам, обнаружили часовых и солдат, спокойно стоявших на страже перед дверью, как будто все было в порядке. Однако, войдя в комнату Клеопатры, они увидели шокирующее зрелище. Клеопатра лежала мертвая на кушетке. Одна из ее женщин лежала на полу, тоже мертвая. Другая, которую звали Хармиона, сидела над телом своей госпожи, нежно лаская ее, вплетая цветы в ее волосы и украшая ее диадему. Посланцы Октавия, увидев это зрелище, пришли в изумление и спросили Хармион, что бы это могло значить. “Все в порядке”, - сказала Хармиона. “Клеопатра поступила так, как подобает принцессе, происходящей из столь благородного царского рода. Сказав это, Хармиона начала падать в обморок на кровать и почти сразу же скончалась.

Присутствующие были не только потрясены зрелищем, которое таким образом предстало перед ними, но и были озадачены и сбиты с толку в своих попытках выяснить, какими средствами Клеопатре и ее женщинам удалось осуществить свой замысел. Они осмотрели тела, но не обнаружили никаких следов насилия. Они осмотрели всю комнату, но не нашли ни оружия, ни каких-либо признаков отравления. Они обнаружили что-то похожее на скользкий след животного на стене, ведущий к окну, который, как они подумали, мог быть оставлен *аспидом*; но самого животного нигде не было видно. Они осмотрели тело с большой тщательностью, но никаких следов каких-либо укусов обнаружено не было, за исключением двух очень слабых и едва заметных проколов на руке, которые, по мнению некоторых людей, могли быть нанесены таким образом. Средства и способ ее смерти, казалось, были окутаны непроницаемой тайной.

Впоследствии по этому поводу ходили различные слухи как в Александрии, так и в Риме, хотя тайна так и не была полностью разгадана. Некоторые говорили, что среди инжира, который слуга принес в корзине, был спрятан аспид; что он принес его таким образом по предварительной договоренности между ним и Клеопатрой, и что, получив его, она посадила животное себе на руку. Другие говорят, что у нее был маленький стальной инструмент, похожий на иглу, с отравленным наконечником, который она прятала в волосах, и что этим она покончила с собой, не нанеся никаких видимых ран. Другая история заключалась в том, что где-то в ее квартире в коробке лежал аспид, который она приберегла для этого случая, и когда, наконец, пришло время, она уколола его золотой кожицей, чтобы разозлить, а затем приложила к своей плоти и получила укус. Какая из этих историй, если хоть одна из них, была правдой, никогда не будет известно. Однако среди человечества было распространено мнение, что Клеопатра так или иначе умерла от укуса аспиды, нанесенного ей самой, и были созданы бесчисленные картины и скульптуры, иллюстрирующие и увековечивающие эту сцену.

Это предположение относительно способа ее смерти, фактически, подтверждается действиями самого Октавия по возвращении в Рим, что убедительно подтверждает его мнение о том, каким образом его пленница в конце концов ускользнула от него. Разочарованный тем, что не смог представить саму царицу в своем триумфальном шлейфе, он приказал изготовить золотую

статую, изображающую ее, с изображением аспиды на руке, и эту скульптуру он велел нести на видном месте перед ним во время его грандиозного триумфального въезда в столицу как знак и трофей окончательного падения несчастной египетской царицы.

Сноски:

[1] Смотрите Карту дельты Нила, [стр. 29](#); также Вид Александрии, [стр. 162](#).

[2] См. карту; [фронтиспис](#).

[3] Для обычного читателя истории будет достаточно точно считать греческий талант, упоминаемый в подобных сделках, равным в английских деньгах двумстам пятидесяти фунтам, в американских - тысяче долларов. Любопытно отметить, что какой бы большой ни была общая сумма, заплаченная за освобождение этих рабов, сумма, выплаченная за каждого человека, была, в конце концов, всего лишь суммой, равной примерно пяти долларам.

[4] Описание одной из таких катастроф с гравюрой, иллюстрирующей эту сцену, см. в "Истории Кира".

[5] Положение этого острова по отношению к Египту и соседним странам см. на карте, фронтиспис.

[6] Этот Октавий после своего последующего восхождения к императорской власти получил имя Август Цезарь, и именно под этим именем он широко известен в истории. Однако в начале своей карьеры его звали Октавием, и, чтобы избежать путаницы, мы будем продолжать называть его этим именем до конца нашего повествования.

[7] Смотрите карту на фронтисписе.

[8] Жемчуг, по своему составу и структуре напоминающий *раковину*, растворим в определенных кислотах.

[9] Смотрите карту положения Эфеса и Самоса.

[10] Эти буквы, в соответствии с масштабом расходов и расточительности, с которыми Клеопатра определила, что все, что касается ее самой и Антония, должно быть сделано, были выгравированы на табличках из оникса, хрусталя или других твердых и драгоценных камней.